

КНИГИ НАШЕГО ДЕТСТВА

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

ОБРАЗЦОВЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

КНИГИ НАШЕГО ДЕТСТВА

**БОГАТЫРИ
И ВИТЯЗИ
РУССКОЙ ЗЕМЛИ**

**ОБРАЗЦОВЫЕ
СКАЗКИ
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «АСТ»
1992

ББК 84Р1
Б73

Ответственный за выпуск
А. Ильницкий

Оформление
Н. СТАРЦЕВА, А. ДАНИЛИНА

Богатыри и витязи Русской земли: По былинам, сказаниям и песням / Сост., предисл. Б73 Н. И. Надеждина. Образцовые сказки русских писателей / Сост., обработка В. П. Авенариуса. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 336 с: ил. — (Книги нашего детства).

Эта книга составлена на основе двух изданий — сборника былин «Богатыри и витязи Русской земли» и сборника литературных сказок «Образцовые сказки русских писателей». Наверное, вам интересно будет узнать, что обе эти книги были впервые изданы в прошлом столетии. И может быть, еще бабушка вашей бабушки читала их, когда была совсем юной.

Первую из них подготовил, пересказав былины, но сохранив их дух, их образы, русский ученый, критик, журналист Николай Иванович Надеждин (1804—1856). Эту книгу, со всеми рисунками, выполненными Э. К. Соколовским, мы воспроизводим полностью.

Вторую — «Образцовые сказки русских писателей», иллюстрированную М. В. Нестеровым, Н. Н. Каразиным и другими художниками, составил для детей Василий Петрович Авенариус (1839—1923). Большинство из сказок, включенных писателем в сборник, мы предлагаем вашему вниманию.

ISBN 5—88196058—0

ББК 84Р1

© ТКО «АСТ»

© Оформление издательства «Московский рабочий», 1992.

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

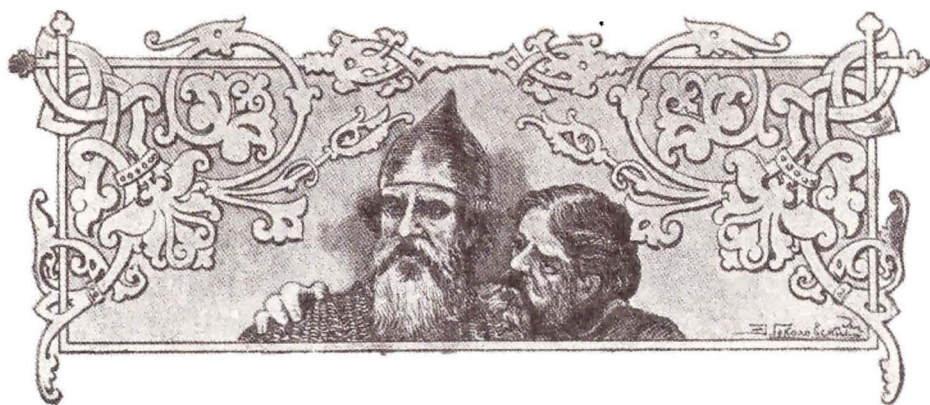
**По былинам, сказаниям
и песням**

**Составил
Н. И. НАДЕЖДИН**

Иллюстрации Э. К. Соколовского

**Рецензент кандидат филологических наук
А. В. КУЛАГИНА**

**Текст печатается по изданию:
БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ:
По былинам, сказаниям и песням.
Спб.; М.: Издание Товарищества М. О. Вольф. 2-е изд.**

Предисловие

о временах давно минувшим, в совсем особый мир — мир витязей и богатырей, неслыханных геройских подвигов, сил могучих, не знающих удержу, переносят нас старинные песни, распеваемые народом, так называемые былины.

Народ сам в незапамятные времена сложил эти удивительные песни-сказания про русских богатырей и витязей седой, отдаленной старины.

И переходили эти сказания из уст в уста, от стариков к детям, безыскусственно передавая каждому новому поколению древние были. Были — потому, что народ верит в существование богатырей в прошлом, верит, что все рассказываемое действительно было. В исторических записях и летописях сохранилось многое, указывающее, что некоторые события, перешедшие в былины, действительно совершились, только народ переделал по своему эти сказания, разукрасил их и преувеличил.

Былины рассказывают нам о диковинной «старинушке», когда народ еще не знал предела своей «силушке» и еще не умел употребить ее на пользу родине. Но проходило время: народ, как ребенок, вырастал и учился мыслить; устраивал свою жизнь, приобретал друзей и врагов, и силушка нашла себе исход в служении на пользу близким, на пользу родине; и народ стал петь уже о других героях, стоявших на страже Руси, на заставе.

Былина — это сам народ со всеми его темными и светлыми сторонами; былина — это сама жизнь Руси, и жизнь эта рисуется в песнях со всех сторон, со всеми подробностями обстановки домашней, военной и придворной. И это придает былине особенную ценность: она воскрешает перед нами древнерусский уклад жизни с самыми мелочными подробностями.

Каждый народ имеет свою поэзию, подобную нашим былинам, свой, как говорят, эпос, рисующий жизнь того или другого народа, и наши былины принадлежат к числу самых поэтических и прекрасных эпических песен.

Долгое время народные песни-сказания, известные под названием былин, не останавливали на себе внимания и оставались незаписанными, пока ученые Рыбников и Гильфердинг¹ (и еще многие другие) не заинтересовались ими. Когда былины собрали и напечатали, все с удивлением узнали о новом богатстве русской поэзии, о новых красотах, которые скрывали в себе эти «сказки», какими их раньше считали. И за этими «сказками» помимо их глубокой поэзии признали громадное педагогическое значение, признали, что былины учат нас любить родину и создавший их народ, сила, доблесть, недюжинный ум и добрые качества которого открываются в созданных им легендах.

Но в подлинном своем виде, в том виде, как их «сказывал» народ, былины слишком объемисты и неудобны для чтения малоподготовленному читателю. Тут нужен доступный для общего понимания пересказ, но такой, который сохранил бы все основные формы былины, дух и образы оригиналов, устраняя все неподходящее, противоречивое или слишком часто повторяющееся в ущерб ясности содержания.

Удовлетворить этому требованию и имеет целью настоящее издание, в котором собраны все наиболее выдающиеся былины о русских богатырях и витязях.

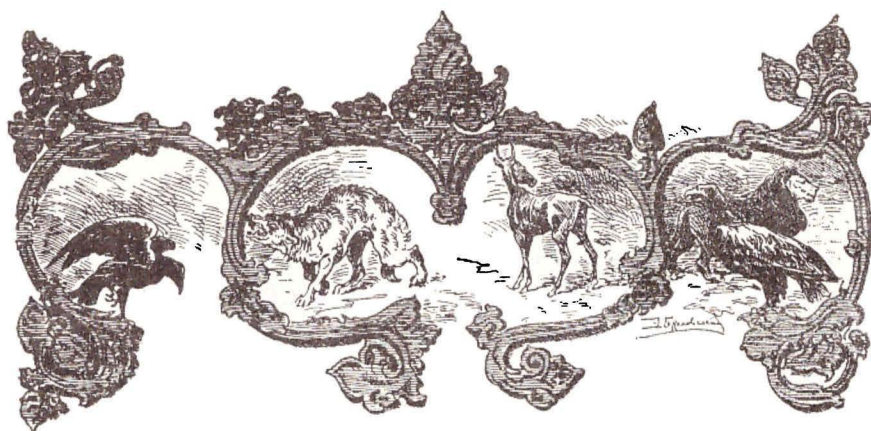
То, что дано могучей фантазией народа, дополнено в настоящем издании рисунками художника, всецело проникшегося героическим духом былин и пытавшегося соответственно этому воспроизвести дивные эпизоды богатырских деяний и воплотить величавые образы могучих русских былинных богатырей и витязей.

---

¹ П. Н. Рыбников (1832—1885), А. Ф. Гильфердинг (1831—1872) — русские ученые, которые записывали на севере нашей страны, в бывшей Олонецкой губернии, песни и былины. Более 200 былинных текстов вошли в четырехтомник «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». А. Ф. Гильфердинг издал 318 былин.

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВИЧ

Закатилось красное солнышко за синие моря, за высокие горы, вышел на небо светлый месяц и вывел за собою веселый хоровод ясных частых звездочек... В эту ночь родился в Киеве могучий богатырь, молодой Вольга Святославич.

В час его появления на свет земля задрожала и синее море взволновалось; звери все поразбежались: олени и туры забрались в свои норы, лисицы и зайцы скрылись в лесные чащи, волки, медведи забились по ельникам, птицы поднялись высоко в небеса, рыба ушла в морские глубины: почуяли все, что гроза пришла на них: родился могучий богатырь.

Растет Вольга не по дням, а по часам, говорит громко, словно гром гремит; говорит молодой своей матушке Марфе Всеславьевне такие речи:

— Государыня-матушка! Не пеленай меня в дорогие пеленки, не надевай на меня пояса шелкового — пеленай меня в булатные латы крепкие, золотой шлем надень мне на буйную голову, в руки дай палку свинцовую тяжелую, грузную, весом в триста пудов!

Подрос могучий Вольга; семи лет отдала его мать учиться; пошла ему впрок наука: выучился он всяким наукам и хитростям, да мало ему этого ученья показалось. Уходил Вольга из дома в горы высокие, в леса темные, к старым волхвам-мудрецам и научился у них Вольга разным премуд-

ростям: научился Вольга обертываться ясным соколом, да серым волком, да гнедым туром с золотыми рогами.

В двенадцать лет стал Вольга прибирать себе дружиннушку: три года приходили к нему добрые молодцы, приходили с полудня¹, и с севера, и с востока, и с запада: набралось дружины семь тысяч, все храбрые да сильные молодцы.

И поехал Вольга с дружиною в чистое поле добывать себе славы и богатства.

— Храбрая моя дружиннушка! — говорит Вольга, — вейте-ка вы веревочки шелковые, становите силки по сырой земле, ловите куниц и лисиц, диких зверей и черных соболей.

Послушалась Вольги дружина: вили веревки, ставили силки; три дня и три ночи провели за работой добрые молодцы: только не ловится никакой зверь, как нарочно, — вернулась к Вольге дружина с пустыми руками.

Оборотился тогда Вольга львом могучим, побежал в леса, набил всякого зверя, накормил по-царски свою дружиннушку, раздел в шубы черного соболя.

Во второй раз посылает Вольга добрых молодцев:

— Храбрая моя дружиннушка! вейте-ка вы шелковые веревочки, наставьте силков на ветвях деревьев: наловите гусей, лебедей, ясных соколов, мелкой птички!

Три дня и три ночи провела на охоте дружиннушка Вольги: ни одной птички в силках не запуталось; пришли к Вольге с пустыми руками.

Обернулся Вольга науй-птицей, взвился стрелой под небеса; наловил, набил всякой птицы, принес своей дружиннушке.

В третий раз говорит Вольга:

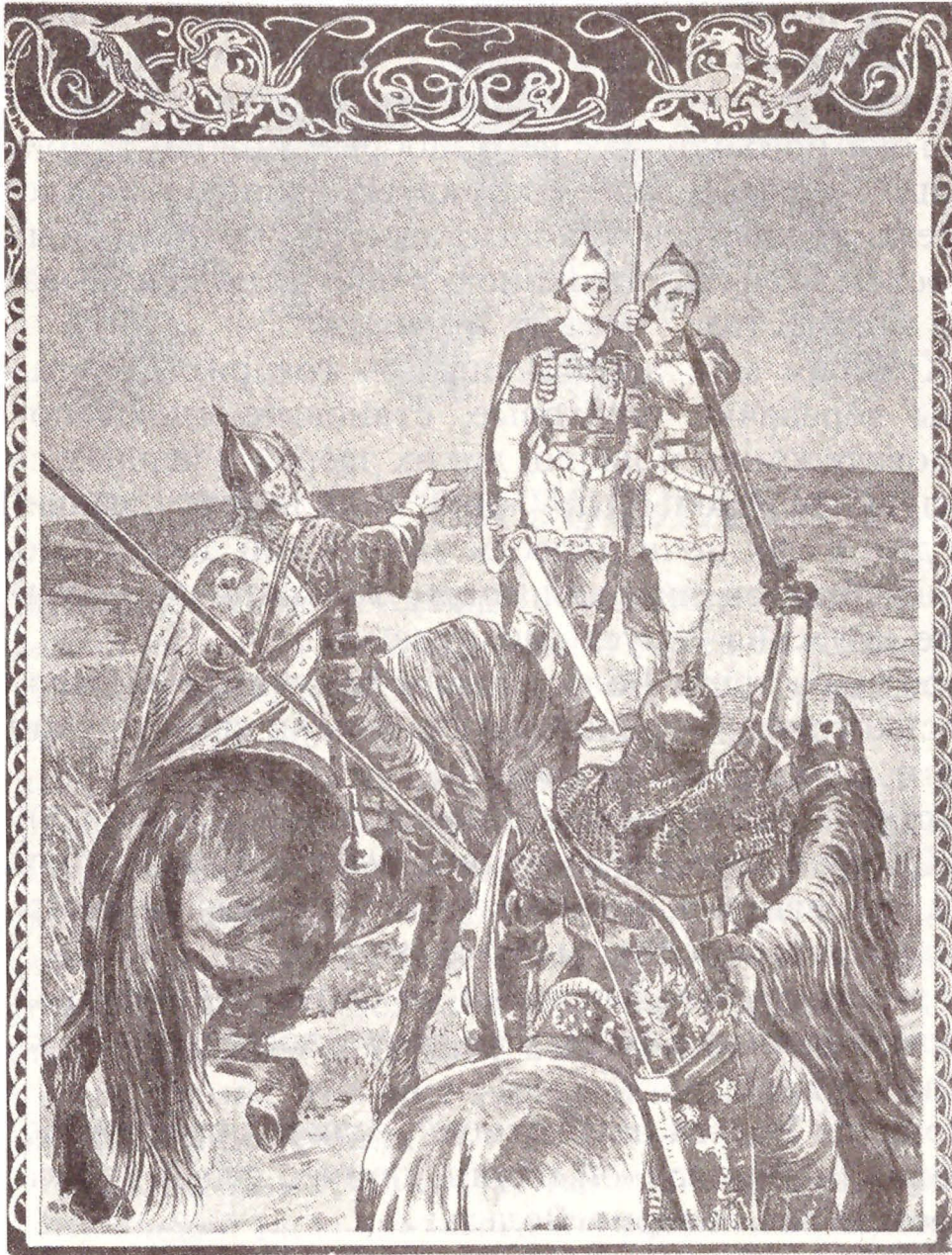
— Храбрая моя дружиннушка! Возьмите-ка вы стальные топорики, постройте крепкое судно дубовое, забросьте в море невода шелковые, наловите всякой рыбыны: семги и белужинки, и щук, и плотичек маленьких, и осетров дорогих.

Три дня и три ночи пробыли витязи на море; не поймали

---

¹ С юга.

и одной маленькой рыбки! Не знают, как Вольге и на глаза показаться. Видит Вольга, плохо дело, придется самому отправляться за добычей. Обернулся тут Вольга рыболовом, опустился на морское дно глубокое, наловил всякой рыбы; накормил свою дружинку яствами сахарными, да все переменными. Живут они себе, поживают, никакой заботы не знают, не ведают.

Пошли однажды по Киеву слухи, что собирается индейский царь войною на славный, стольный город; грозит взять Киев, разорить, божьи церкви огню предать.

Разумен и догадлив был добрый молодец Вольга; собрал он свою храбрую дружинишку, пошел в поход к Индейскому царству. Шли день, другой; говорит Вольга дружине:

— Удалые, добрые молодцы, собралось вас здесь ни много ни мало семь тысяч; нет ли между вами такого человека, который обернулся бы гнедым туром да сбегал бы сейчас в Индейское царство, поразведал, что замышляет царь Салтык Ставрुльевич?

Низко кланяется Вольге дружинишка, словно травка ветром к земле пригибается, говорит:

— Нет у нас другого такого человека, кроме тебя, Вольга Святославич.

Обернулся тут Вольга гнедым туром с золотыми рогами и побежал к Индейскому царству: первый прыжок сделал — за версту ушел, а со вторым и совсем из вида скрылся. Обернулся Вольга потом ясным соколом, прилетел в Индейское царство, сел на косящатое окошечко¹ царских палат белокаменных и слышит, как жена царя Салтыка, Елена Азвяковна, говорит своему мужу:

— Идешь ты, славный царь, войной на святую Русь, а не знаешь, что взошел на небо светлый месяц, родился в Киеве могучий богатырь, сильный враг твой, Вольга Святославич!

Разгневался тут на жену свою Салтык Ставрुльевич за то, что она его отговаривает на Русь идти, чужого богатыря хвалит; схватил царицу да как ударит ее с размаху о каменный пол!

Полетел Вольга прочь от окошка; обернулся зверем-горностаем, пробрался в подвалы, погреба, в высокие терема Индейского царства, перекусил тетивы у тугих луков, отломал железа у каленых стрел и закопал в землю, чтобы не с чем было воевать Салтыку. И снова Вольга обернулся ясным

---

¹ В богатых домах были *косящатые* окна, т. е. с деревянными косяками, рамами, а в избах *волоковые* — маленькие задвижные окошки.

соколом, взвился высоко под небеса, полетел в чистое поле, где оставил храбрую свою дружинишку. Видит Вольга — спит-почивает дружинишка. Разбудил он добрых молодцев:

— Вставайте, дружинишка моя храбрая, не время теперь спать-высыпаться: пора идти в Индейское царство!

Подошли они к каменной крепкой стене индейского стольного города: высоки стены и крепки, железные ворота глухо-на-

глухо заперты, медными крюками-засовами заложены. День и ночь ходят вокруг города царские караулы. На воротах резная решетка тонкая мудрой работы: только мурашек-крошка и может пробраться сквозь узоры решетки: такие они тоненькие да узенькие.

Закручинилась дружина Вольги:

— Напрасно мы тут свои головы сложим: как пробраться сквозь эти мудреные стены в стольный индейский город!

Слышит Вольга жалобу удалых добрых молодцев, говорит:

— Этому горю можно помочь!

Обернулся Вольга мурашком и дружинишку свою обернул мурашками, и пробрались они за городские стены в славное Индейское царство. Тут обернулись они снова добрыми молодцами на конях, вооружились кинжалами да копьями. Отдал им Вольга такой приказ:

— Ходите вы по Индейскому царству, рубите старого и малого, не оставляйте в живых ни одного злодея-татари-

на ¹; оставьте только в живых семь тысяч красных девушек!

А сам Вольга пошел в царские палаты к индейскому царю. Сидит царь Салтык Ставрुльевич в своем крепком дворце: заперты железные двери тяжелыми замками булатными. Толкнул Вольга ногой двери, и слетели крепкие засовы: отворять не понадобилось. Увидал Вольга царя Салтыка да и говорит:

— Вас не бьют, не казнят! — схватил его за белые руки, ударил о кирпичный пол да и положил на месте.

И стал Вольга сам царем-государем в Индейском царстве, взял за себя замуж прекрасную царицу Елену Азвяковну, а дружинушка его переженилась на душеньках красных девушек.

Щедро наградил Вольга своих добрых молодцев: одарил серебром, золотом; каждому дал табун коней во сто тысяч.

Славит храбрая дружинушка своего удалого князя, и по всей Руси идет громкая похвала делам и подвигам славного богатыря Вольги Святославича и его удалых, добрых молодцев.

---

¹ В данном случае «татарин» означает «иноземец, инородец». Читая книгу дальше, вы часто будете встречать это слово. Чтобы понять, почему враги, с которыми сражаются богатыри, зовутся татарами, необходимо знать, что на Руси так называли представителей огромной державы — Золотой Орды, в которую входило множество тюркских и монгольских племен. Под игом Золотой Орды Русь находилась более двух столетий. Со временем в устном народном творчестве обозначение золотоордынских племен слилось с обозначением хазар, печенегов, половцев, сарацин, совершавших набеги на нашу землю.

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВИЧ И МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧ

Пожаловал Вольге Святославичу ласковый князь Владимир стольно-киевский три города с крестьянами: Гурчевец, Ореховец и Крестьяновец, и поехал Вольга с храброй своей дружинушкой в новые города свои за данью.

Выехал Вольга с дружинушкой в чистое поле, и видят они в поле пахаря-оратая. Пашет оратай, добрую свою лошадку понукивает; соха у оратая поскрипывает, задевают сошники о камушки.

Поехал Вольга пахарю навстречу: едет день, едет другой — не настичь оратая; только на третий к полудню наконец встретились они. Пашет себе оратай: уедет в край борозды — не видать его с другого края; коренья, каменья вывертывает, в борозду складывает. Лошадка у оратая соловая — небольшая, соха кленовая, гужи шелковые.

— Бог помощь, оратаюшка, тебе пахать да крестьянствовать! — говорит Вольга.

— Спасибо на добром слове! — отвечает оратай. — Божья помощь мне надобна, чтобы пахать да крестьянствовать. А ты куда путь держишь, добрый молодец, со своей храброй дружинушкой?

— Еду в свои города Гурчевец, Ореховец да Крестьяновец пособрать дани!

— Добрый молодец, славный богатырь Вольга Святославич! Был я только-то в городах твоих; немного я вывез оттуда: лишь два мешка соли по сорока пудов. Жители в них разбоем промышляют: обирают проезжих да прохожих. Была со мной плеть с железным наконечником; заплатил я им дани хорошей: кто стоймя стоял, тот сидя сидит; кто сидя сидел, тот лежа лежит!

Позвал Вольга оратаюшку с собой в свои города. Согласился оратай, отпряг свою лошадку из сохи, сел на нее, и поехали они дальше.

По дороге оратай говорит Вольге:

— Оставил я соху в борозде: придут, пожалуй, мужики-прохожие, выдернут соху из земли и увезут с собою; нечем мне будет обрабатывать поле. Пошли ты свою храбрую дружинушку; пусть выдернут из земли мою сошку, отряхнут да бросят за ракитов куст!

Послал Вольга за сошкой добрых молодцев; вертят они сошку за оглобли, а не могут из земли выдернуть, бросить за ракитов куст.

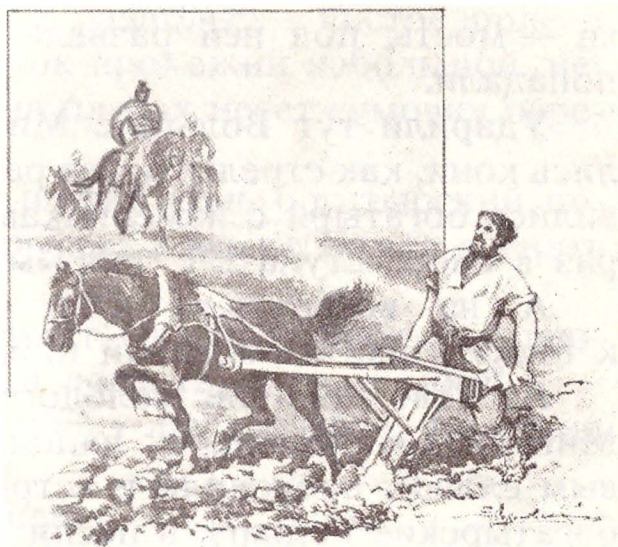
Послал тогда Вольга десять человек дружинушки, чтоб достали они сошку; вертят молодцы сошку за оглобли; нет сил у них из земли сошку вынуть.

Послал Вольга на помощь всю свою храбрую дружинушку; вся дружинушка не может с сошкой справиться.

Говорит Вольге оратай:

— Даром у тебя дружинушка хлеб ест; больно мало силы у добрых молодцев!

И поехал сам оратай к своей сошке. Взял он сошку одной рукой, из земли выдернул, встряхнул, бросил сошку за ракитов куст.

Сели на коней, поехали дальше: оратая лошадка рысью идет, а Вольги конь вскачь едва за ней поспевает, а как прибавила кобылка соловая шагу, и совсем отстал конь Вольги, от усталости спотыкается.

Стал Вольга на коня покрикивать; просит:

— Подожди меня, оратаюшка.

Придержал оратай свою лошадку; Вольга и говорит:

— Что за добрая у тебя лошадка, оратаюшка! Кабы была она не кобылкой, а конем — пятьсот рублей за нее дать можно.

— Как бы не так! — отвечает оратай, — взял я эту лошадку маленьким жеребчиком — тогда за нее пятьсот рублей заплатил; а если б была она коньком — и цены бы ей не было!

Стал спрашивать Вольга, как зовут оратая по имени, величают по отчеству.

Говорит оратай:

— Пройдет лето, напашу я ржи, в скирды сложу, домой свезу, вымолочу; пива наварю, гостей назову; станут мужички зазывать меня, величать: здравствуй, молодой Микулушка Селянинович!

Приехали Вольга с Микулушкой в Ореховец, Гурчевец да Крестьяновец. Как увидели жители богатырей, намостили мосты гнилые через реки; поехала дружинушка Вольги — мосты под ней развалились; добрые молодцы в воду попадали.

Ударили тут Вольга с Микулушкой коней своих. Взвились кони, как стрелы, через реку вихрем перелетели. Расправились богатыри с изменниками по-своему: не будут другой раз в спор вступать с добрыми молодцами могучими!

А на возвратном пути заехал Вольга с дружиною к Микулушке на богатый пир.

Ласково приняли молодого богатыря красавицы, дочери Микулы Селяниновича: напоили, накормили досыта, ласковым словом проводили и встретили; гуслиеры-певцы на пиру богатырские подвиги в песнях славили. И пировали, гуляли добрые молодцы три дня и три ночи в гостях у Микулушки.

СВЯТОГОР

Силен и могуч богатырь Святогор; не только нет на свете такого человека, который бы с ним на бой вышел, сам Святогор не может совладать со своей силушкой; тяжело ему носить ее в себе, чувствует, как силушка по жилам его бьется, переливается. Вырос Святогор выше лесу стоячего, выпрямится — достаёт до облака ходячего; земля колеблется под его богатырскими шагами, пойдет по берегу — моря из берегов выливаются. Только и держат еще на себе богатыря Святых гор утесы каменные; они одни как-никак выносят на себе его мощь богатырскую.

Выехал однажды Святогор в раздолье — чистое поле и видит: идет впереди него мужичок прохожий небольшой, невидный, идет — не торопится, на плечах несет сумочку переметную.

Едет Святогор час, другой; шибко конь богатырский покакивает, бежит то вскачь, то рысью, а все не может догнать прохожего.

— Постой немножко, — кричит Святогор мужичку вдогонку, — что за диво: еду, еду, а догнать тебя не могу!

Снял прохожий с плеч сумочку переметную, положил ее на землю и приостановился.

Подъехал Святогор, спрашивает:

— А что лежит у тебя в сумочке?

— Подними, сам узнаешь,— отвечает прохожий.

Стал Святогор поднимать сумочку — а сумочка не шевельнется, с земли не тронется, сколько ни старается над ней богатырь.

— Экое чудо! — говорит Святогор, — сколько лет я скитался по свету, а не видал ни разу, чтобы нельзя было поднять, с места стронуть маленькой сумочки переметной.

Слез Святогор с коня, схватил сумочку обеими руками, собрал всю свою диковинную силушку, приподнял сумочку выше колен, и чувствует старый богатырь, что ушел он по колена в землю, а по лицу не пот струится от натуги — кровь потекла богатырская.

Говорит Святогор прохожему:

— Добрый человек, скажи, не утай, что у тебя в сумочке запрятано. Тяжко мне от моей силушки, одной рукой из земли дубы с корнями выворачиваю, а тут не могу поднять такой маленькой сумочки.

Отвечал прохожий:

— В сумке моей вся тяга земная спрятана; не под силу поднять всю земную тягу даже и тебе, старый Святогор.

— А как звать тебя, добрый молодец?

— Зовут меня Микулушка Селянинович.

И стал Святогор спрашивать у Микулушки:

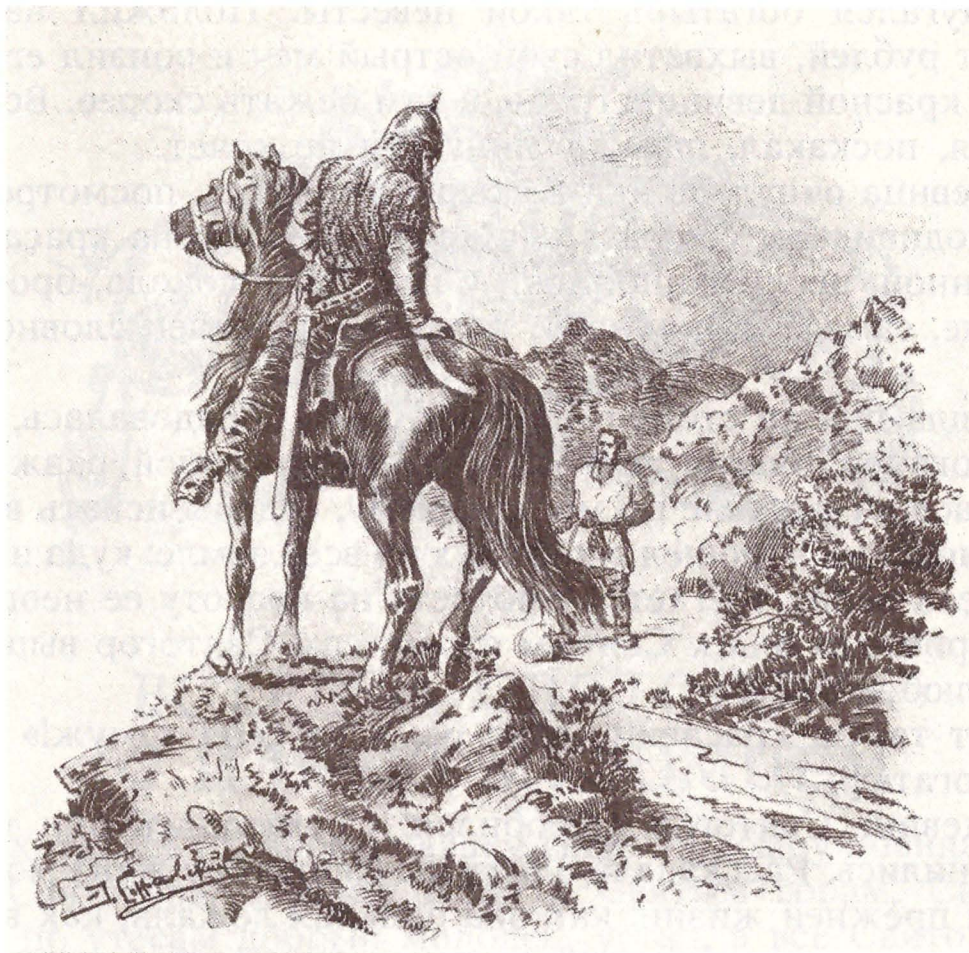
— Скажи мне, молодой Микулушка Селянинович, как мне разузнать о судьбе своей?

— Поезжай-ка ты, богатырь, все вперед до распутья, а потом возьми влево к северным горам. Там у горы стоит под деревом кузница, увидишь в ней кузнеца: он тебе расскажет всю правду о судьбе твоей.

Поехал Святогор дорогой прямоезжею; длился путь его три дня и три ночи; словно ветер нес богатыря добрый конь; реки, моря перепрыгивал, широкие долины промеж ног пускал.

На третий день пути увидал Святогор кузницу и кузнеца. Кует кузнец два тонких волоса; огромные мехи раздувает.

Стал Святогор спрашивать кузнеца:

— Что куешь, добрый человек?

Отвечает кузнец:

— Я кую судьбу: кому на ком жениться. Есть и для тебя суженая, живет она в царстве Поморском, в престольном городе; только вот уже тридцать лет, как лежит больная красная девица, не встает с постели.

Не понравилось Святогору это предсказание.

«Поеду я в Поморское царство,— думает себе богатырь,— да убью свою суженую; тогда не надо будет и жениться».

Задумано — сделано. Нашел Святогор свою суженую; лежит красная девица в бедной избенке, всеми покинута; вся корой обросла безобразной, двинуться не в силах.

Испугался богатырь такой невесты. Положил на стол пятьсот рублей, выхватил свой острый меч и вонзил его раз-другой красной девице в грудь, а сам бежать скорее. Вскочил на коня, поскакал, назад оглянуться не хочет.

А девица очнулась от богатырского удара, посмотрела на себя, подивилась: сошла с нее кора, и стала она красавицей невиданной, неслыханной; очи у ней как у сокола, брови соболиные, сама бела как снег, на щеках румянец словно заря алая.

Нашла она на столе пятьсот рублей; обрадовалась, накупила товаров, завела торговлю, золотой казной разжилась; пустилась на корабле по морю синему, судьбы искать в странах заморских. Прошел о ней слух по всей земле: куда ни приедет, весь народ сбегается смотреть на красоту ее неописанную. Приехала она к Святым горам, сам Святогор вышел на нее полюбоваться.

«Вот такую красавицу взял бы я за себя замуж!» — думает богатырь.

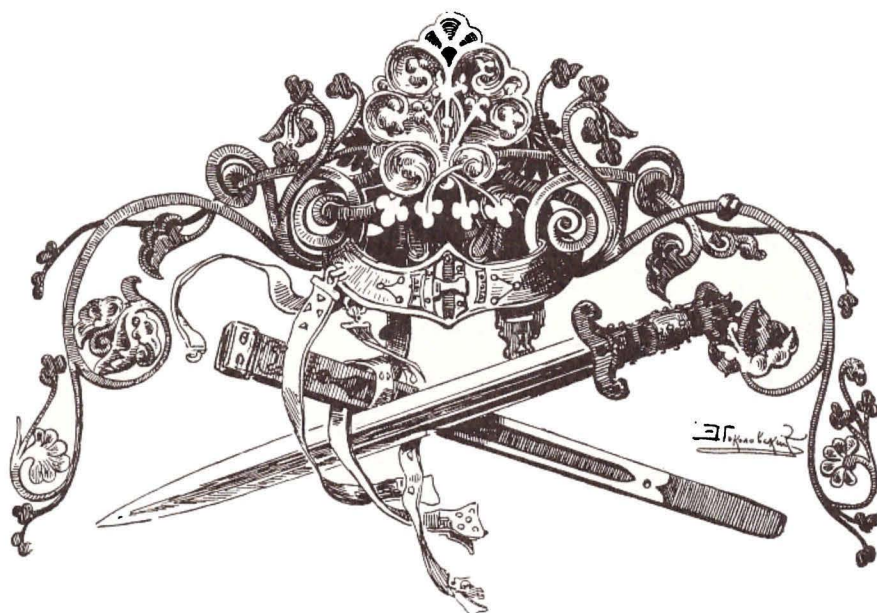
И девице Святогор полюбился. Сосватались они тут да и поженились. Рассказала однажды Святогору жена молодая о своей прежней жизни: как она больная лежала, как выздоровела, как заезжий богатырь денег ей оставил.

— Да ведь тот богатырь и был я сам! — сказал Святогор.

Подивились тут оба на судьбу свою, порадовались, что бог их свел; стали жить-поживать да добра наживать.

ВСТРЕЧА СВЯТОГОРА С ИЛЬЕЮ МУРОМЦЕМ

Захотелось славному казаку Илье Муромцу повидать старого Святогора. Поехал Илья к Святым горам. Скитался долго по утесам добрый молодец, устал, а все Святогора не видно.

Прилег Илья отдохнуть немножко и заснул ни много ни мало на двенадцать дней.

Слышит Илья сквозь сон — храпит его конь богатырский, говорит ему человеческим голосом:

— Спишь ты, отдыхаешь, свет Илья Иванович, над собой беды близкой не чуешь: наезжает на нас Святогор-богатырь; полезай-ка скорее на сырой дуб, а меня отпусти в чистое поле.

Взобрался Илья на дуб, смотрит: приближается богатырь ростом выше леса стоячего, головой достает до облака ходячего; за плечами у него огромный ларь хрустальный.

Слез Святогор с коня, открыл ларь золотым ключом, вышла из ларя жена его, красавица, стала стол убирать, яствами сахарными устанавливать.

Увидала Святогорова жена Илью Муромца на дубу высоком, испугалась, как бы не разгневался на него Святогор, не убил бы во гневе доброго молодца, и спрятала жена богатыря Илью в карман Святогора еще и с конем вместе.

И день и два носит Святогор Илью у себя в кармане, сам про то не зная, не ведая, да стало невмочь коню Святогора такую тягость на себе поднимать: ходит конь — спотыкается, припадает на резвые ноженьки.

Гневается Святогор на коня.

— Ах ты, травяной мешок! что ходишь лениво, на каждом шагу спотыкаешься?

— Как же мне не спотыкаться? — говорит конь, — возил я, бывало, тебя, богатырь, да жену твою богатырскую, а теперь уже третий день, как ношу двух могучих богатырей да еще коня Ильева.

Почувствовал Святогор, что в кармане у него что-то шевелится, сунул туда руку, достал из кармана Илью Муромца вместе с конем.

— Кто ты такой, добрый молодец, откуда родом? — спрашивает Святогор.

— Зовут меня Ильею Муромцем, а родом я из села Карачарова.

Говорит Святогор Илье:

— Будь же ты мне меньшим братом, а я научу тебя всем похваткам, поездкам богатырским.

И поехали богатыри в путь-дорогу вместе по горам и скалам; ездили долго ли, коротко ли — наехали на дивное диво: стоит на горе огромный гроб каменный, а около него лежит каменная крышка.

Говорит Святогор Илье:

— Полезай-ка ты, старый казак, Илья Муромец, в этот гроб каменный: посмотрим, придется ли он тебе по мерке.

Лег Илья в гроб — гроб ему не по мерке: и широк и длинен.

А как вышел Илья из гроба да лег Святогор на его мес-

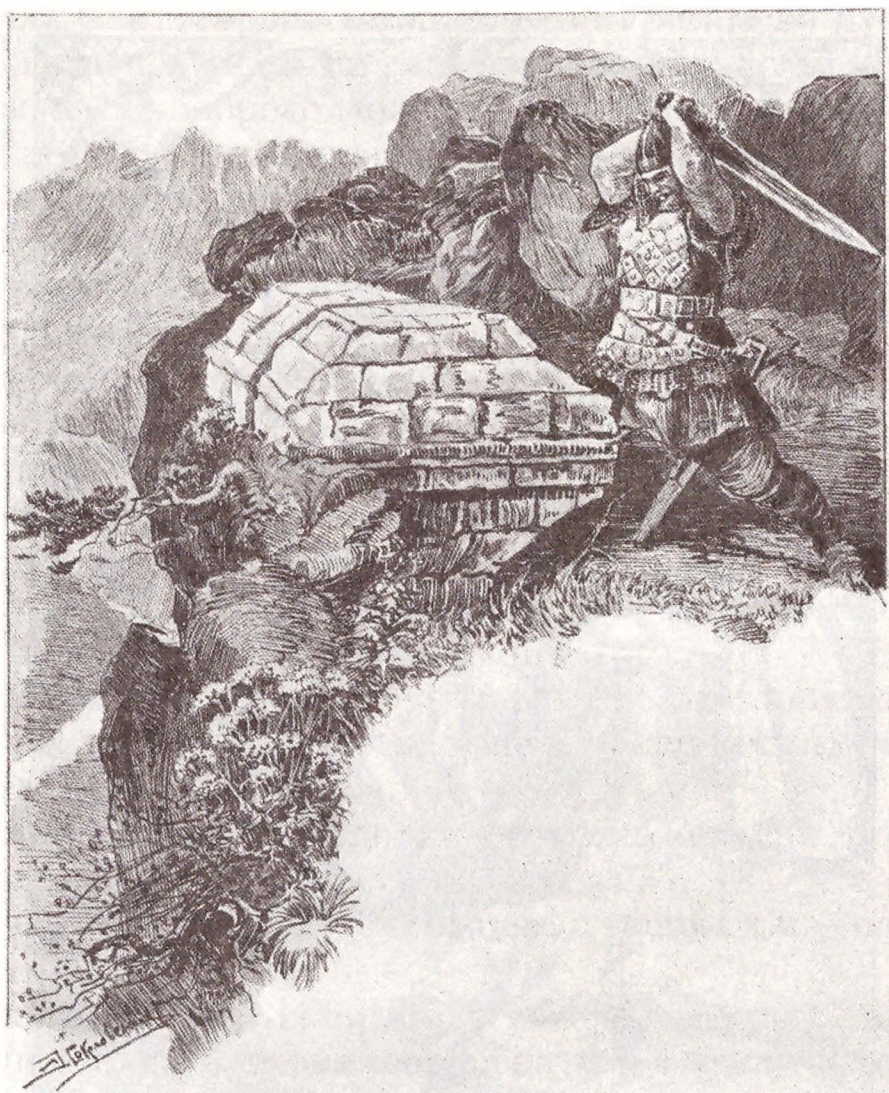

то — пришлась гробница Святогору по мерке, словно нарочно для него сделана.

— Меньший брат! — просит Святогор, — накрой меня теперь крышкой!

— Нет, старший брат, не хочу тебя хоронить заживо. Это ты шулки надумал нехорошие!

Но Святогор взял сам крышку и надвинул ее на гроб — случилось невиданное чудо: срослись края крышки с гробом; хочет Святогор подняться — не тут-то было, не хватает си-лушки поднять камень, что давит грудь его богатырскую.

— Душно мне, тяжело, брат меньшей! Помоги мне из гроба на божий свет выйти!

Взял Илья богатырский меч Святогора, только не в силу старому казаку размахнуться им, по каменной крышке уда-рить.

— Нагнись ко мне,— говорит Святогор,— ядохну на тебя духом своим богатырским!

Дохнул на Илью Святогор, и почувствовал Илья, как сразу в нем силушки прибавилось. Размахнулся он. Святогоровым мечом и ударил по гробовой крышке.

Зазвенел меч о камень, погнулся, а на месте, где им Илья ударил, поперек всего гроба полоса железная выросла.

Ударил Илья еще раз — другая полоса железная по крышке протянулась.

Стонет, задыхается Святогор.

— Нагнись еще, меньший брат, дохну на тебя еще своим духом богатырским, передам тебе всю свою великую силушку: может быть, тогда освободишь меня.

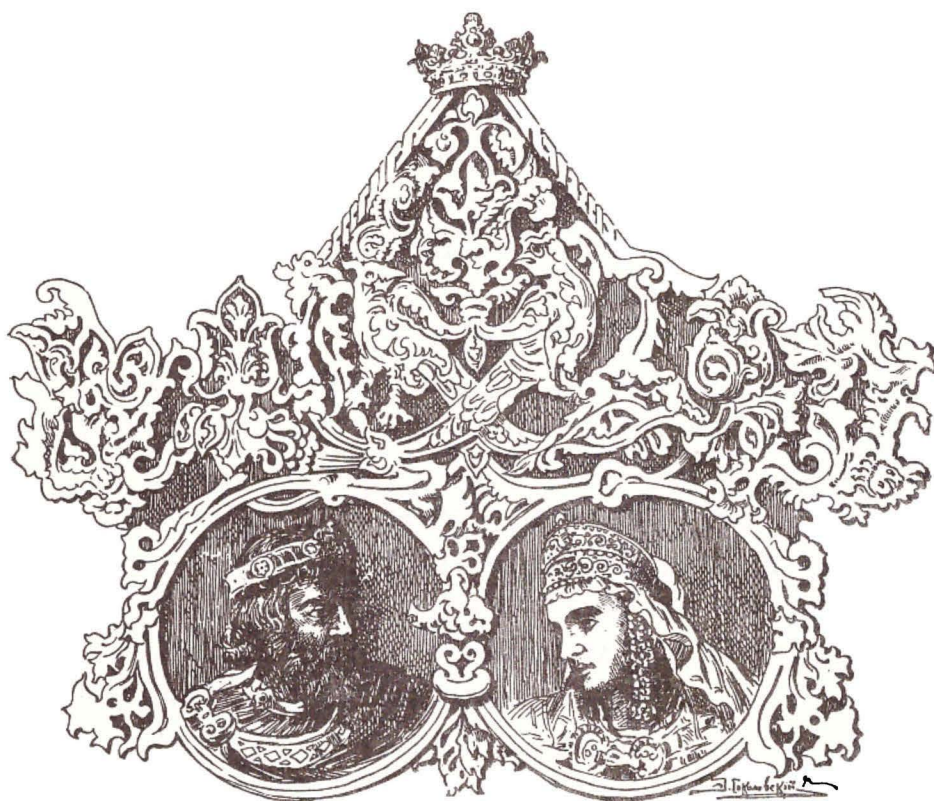
— Будет с меня и этой силы, — отвечал Илья, — передашь ты мне всю свою диковинную силушку — и меня тогда, как тебя, мать земля носить не станет.

Тогда Святогор промолвил:

— Хорошо ты сделал, меньший брат, что меня сейчас не послушал: дохнул бы я на тебя мертвым духом. Тут бы тебе и конец был. Прощай же — видно, мне судьба здесь смерть принять. Владей моим мечом-кладенцом, а коня моего привяжи здесь ко гробу; никому не совладать с ним — никого не будет носить он после меня.

Распрощался Илья со старшим своим братом названным; три раза в землю дивному гробу поклонился, пролил слезу горячую, призадумался да и поехал тихонечко в путь-дороженьку дальнюю.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

Пирует ласковый князь Владимир-Солнышко в стольном своем славном городе Киеве. Гостей видимо-невидимо сидит за столами белодубовыми: тут и князья-бояре и богатыри могучие; тут и купцы торговые, и мужики деревенские. Длится пир и день и два: вино и мед рекой льются; нет конца переменам яств сахарных.

Посмотрел Солнышко на веселых гостей своих, пригорюнился, призадумался да и говорит:

— И все-то здесь у меня на пиру добрые молодцы жена-тые, у меня одного нет жены, а у вас княгинюшки. Не с кем жить мне, не с кем совет держать. Кто из вас не знает ли для меня невесты? Чтобы лицом была пригожая и речи умела вести разумные: была бы мне доброй женой, а вам княгинюшкой ласковой.

Молчат все гости в ответ на речь князя; младший за стар-

шего прячется. Один только добрый молодец, богатырь Дунай Иванович, вышел из-за стола, поклон князю низкий отдал и промолвил:

— Князь Солнышко! знаю я для тебя невесту: в литовском царстве у короля есть две дочери-красавицы: старшая Настасья-королевична все по полю чистому ездит, ищет подвигов богатырских; младшая Евпраксия живет дома, сидит в тереме высоком, тридесятью замками заперта, чтобы солнышко не пекло ее лица белого, чтобы добрые люди красоты ее несравненной не сглазили. Во всем свете не сыскать другой такой красавицы и разумницы, как Евпраксия-королевична: будет она тебе, князь, хорошей женой, а нам княгиней ласковой.

Понравились Владимиру речи Дуная.

— Возьми ты у меня, Дунаюшка,— сказал он,— сорок тысяч воинов, возьми и казны золотой, сколько надобно, и поезжай скорее в Литву сватать за меня прекрасную Евпраксию: если не отдадут ее тебе добром, добудь силою, только привези мне мою суженую, а я тебя награжу всем, чего сам пожелаешь: и городами с пригородами, и селами с приселками, и серебром, и золотом, и скатным жемчугом.

И поднес князь богатырю чару зелена вина в полтора ведра.

Взял Дунай чару одной рукой, выпил ее единым духом — не поморщился; взыграло в нем сердце богатырское; говорит Дунай князю:

— Солнышко Владимир! не надо мне ни казны, ни воинов. Отпусти только со мной в Литву моего любимого товарища, Добрыню Никитича, да дай нам двух коней неезженных, да две плетки нехлестаные, да два новых седельшка черкасских!

И наутро выехали два богатыря из стольного Киева: видели, как они на коней садились, только не видели, как они в путь-дорогу ехали: вспорхнули добрые молодцы, словно два сокола — только их и видели.

Едут не день, не два — едут неделю-другую и приехали

в Литву храбрую, прямо на двор королевский. Говорит Дунай Добрыне:

— Останься пока, Добрынюшка, около коней во дворе королевском и сам поглядывай на окна палат белокаменных: если что понадобится да позову тебя — поспеши мне на помору.

Расстались богатыри. Идет Дунай во дворец к королю литовскому. Знает добрый молодец обычаи заморские: крестом себя не осеняет, богу не молится — кланяется королю в пояс.

Узнал король Дуная, обрадовался.

— Здравствуй, Дунаюшка, куда путь держишь? Еще послужить мне не хочешь ли? Был ты мне верным слугою: год прожил конюхом, а другой год чашником, а третий стольником; за твои службы усердные посажу я тебя за большой стол на большое место, ешь, пей досыта.

— Батюшка король! — отвечает Дунай. — Приехал я с добрым делом: послал меня ласковый Владимир-князь сватать за него дочь твою, прекрасную Евпраксию-королевичну. Прислал тебе Солнышко на этом и грамоту свою государскую.

Нахмурился король, разгневался:

— Не за свое ты дело взялся, Дунай Иванович. Где же это видано, чтобы младшую дочь раньше старшей присватывать, замуж выдавать!

И позвал король своих татар:

— Возьмите-ка вы Дуная за белые руки да заприте его в погреба глубокие, закройте решетками железными, задвиньте досками дубовыми, сырой землей сверху засыпьте. Пусть погостит у нас в глубоком погребе, на досуге думу раздумает.

Вскочил тут Дунай из-за стола на резвые ноги: как уперся руками в столы белодубовые — все столы закачались, посуда порассыпалась, напитки поразливались, все татары перепугались. Перескочил тут Дунай через золотой стул, схватил татарина за ноги, стал им направо-налево помахивать, других

татар побивать. Сам король со страху бегаёт по палате, шубой от Дуная прикрывается, уговаривает доброго молодца:

— Уймись, свет Дунаюшка, не гневайся, попомни мою прежнюю хлеб-соль королевскую, не губи моего народа, слуг верных. Садись лучше со мной за дубовый стол; отдам за князя Владимира дочь свою Евпраксию; дам в приданое и коней добрых, и казны, сколько надобно.

— Не умел ты меня, добра молодца-свата, честью встретить, так я без тебя управлюсь; сам возьму, что мне понравится!

Пошел Дунаюшка по палатам королевским: в дверь плечом упрется — и ключей не надо: сами двери настежь отворяются; и добрался Дунай до высокого золотого терема, где

сидела за тридцатью дверьми, тридцатью замками запертыми, прекрасная королевична Евпраксия.

Спрашивает Дунай Евпраксию:

— Пойдешь ли, красная девица, замуж за нашего князя — Владимира-Солнышка?

Отвечает королевична:

— Три года я о том бога молила, чтобы мне за вашего князя замуж выйти!

Взял тогда Дунай королевичну за белые руки, прихватил с собой и слуг королевских, и золотой казны — выходит на двор палат белокаменных, а на дворе Добрынюшка как услышал, что обижают Дуная, принялся с татарами расправляться: уложил народу семь тысяч и псов пятьсот штук без малого.

Увидав Дуная с Евпраксией, унялся тут Добрыня, положил гнев на милость. Сели богатыри на коней и выехали в раздолье чистое поле вместе с невестой княжеской.

Говорит по дороге Евпраксия прекрасная:

— Слушай, тихий Дунаюшка Иванович, есть у меня сестрица молодая, Настасья-королевична: ездит она в чистом поле, богатырствует; носит доспехи булатные, стрелы каленные пускает; силушку дал ей бог великую. Смотри не делай ей зла, если с ней в поле встретишься.

Едут богатыри день, другой, застигла их в пути ноченька темная; поставили они палатку белую полотняную, в ногах привязали добрых коней, в головах воткнули острые копья, в правую руку взяли саблю, а в левую кинжал булатный и легли спать. Спят крепко, отдыхают, однако слышат сквозь сон, как какой-то татарин ездит по чистому полю.

Встали раненько утром, росой умылись, богу помолились, в путь пустились; слышат — едет за ними татарин в погоню.

Говорит Дунай Добрынюшке:

— Вези-ка ты, Добрынюшка, Евпраксию-королевичну в Киев к Владимиру с великою почестью, а я хочу с богатырем силой померяться!

Так и сделали.

Повернул Дунаюшка коня за татариним вослед.

Ехал долго ли, коротко ли, догнал татарина; не затеял Дунай сразу битвы, стал с богатырем разговаривать.

— Зарычи-ка ты, татарин, по-звериному, засвисти по-змеиному!

Засвистал, зарычал татарин: в чистом поле камушки рас-

сыпались от его крику молодецкого, травушка полегла, повяла, цветочки с корнями повыдернулись, сам Дунай с коня свалился.

Вскочил Дунай, бросился на татарина; завязалась между ними борьба великая: скоро повалил Дунай татарина на землю, стал Дунай богатыря расспрашивать:

— Скажи, добрый молодец, не утай, как звать тебя по имени, какого ты роду-племени?

Отвечает татарин:

— Если б я тебя с коня сшиб — не стал бы я тебя об имени твоём расспрашивать, а распорол бы булатным кинжалом твою грудь белую.

Уже поднимает Дунай свой кинжал булатный, да вдруг сердце в нем востепенулось, руки в плечах застоялись, не поднимаются руки на татарина.

Говорит ему татарин:

— Как это не узнал ты меня, тихий Дунаюшка: разве мы прежде по одной дорожке не езживали, за одним столом не сиживали?

Узнал тут Дунай Настасью-королевичну, обрадовался.

— Поедем же со мной, красная девица, в стольный Киев; в церкви божией повенчаемся — будешь мне женою!

Сели они на коней и поехали в Киев: успели к тому времени, как в соборной церкви венчали прекрасную Евпраксию с князем Владимиром. Тут же повенчали и Настасью-королевичну с Дунаем-богатырем, и затеялся великий пир в палатах великокняжеских.

Пируют день, другой; развеселились гости; сам Дунай на радостях расхвастался:

— На всем свете не найдется второго такого богатыря, как Дунай Иванович: князя Солнышка женил, самому себе по сердцу жену нашел.

— Не хвастайся, свет Дунай Иванович, — говорит ему молодая жена, — есть и получше тебя богатыри: никто не поспорит красотой с Чурилой Пленковичем, смелостью с Алешей

Поповичем, вежеством ¹ с Добрыней Никитичем. Есть и мне чем похвастаться, даром что я женщина: никто не поспорит со мной уменьем стрелять из лука. Выйдем-ка в чистое поле; положу я свое колечко серебряное тебе на голову, за колечком поставлю острый нож; как пушу я из лука стрелочку каленую, пройдет стрела через колечко по острию ножа, расколется на две равные половинки; на глаз будут половинки равны, на вес верны.

---

¹Вежество — образованность, ученость.

— Посмотрим,— говорит Дунай,— не даром ли ты хвастаешься!

И пошли они в поле; стала Настасья стрелы пускать; каждая стрела сквозь колечко проходит, на острие ножа на две равные половинки раскалывается.

Захотелось и Дунаю попробовать свое умение, да не тут-то было. Стал стрелять; первый раз стрелял — не дострелил, а второй раз — перестрелил.

Рассердился Дунай на жену; стыдно ему стало, что она, женщина, лучше его стрелять умеет, и говорит ей грозно:

— Становись-ка в третий раз передо мной — теперь уже выстрелю я как следует — не промахнусь.

Видит Настасья — недоброе муж замышляет; упала перед ним на колени, просит, молит:

— Прости мне, Дунаюшка, похвальбу мою неразумную, побей меня, накажи — только не казни лютой смертью!

Не слушает Дунай, крепкий лук натягивает и пустил стрелу Настасье прямо в темечко, и не охнула бедная, как сноп на землю повалилась.

Спохватился тут Дунай: жалко ему стало молодой жены своей.

— Погубил я душу невинную; пусть же там, где пала головешка белой лебеди, и сокол ясный голову свою сложит!

Взял Дунай свой острый меч и пронзил им свою грудь белую.

И потекла Дунай-река от крови его богатырской, а от крови Настасьи другая потекла быстрая реченька: одна река в другую вливается, на быстрые ручейки распадаются, по земле светлыми струйками разливаются.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Под старым городом Муромом, среди лесов дремучих да болот и топей непроходимых, жил в богатом селе Карачарове исправный крестьянин Иван Тимофеевич с женою своею Евфросиньею Яковлевной.

Под старость уже послал им господь бог сынка, которого они называли Ильею. Всем бы взял Ильюша: был он и здоров, и крепок, и разумом вышел — одно горе — не владел он ни руками, ни ногами, сидел сиднем тридцать лет.

Сидит однажды Илья в избе один-одинешенек; пора была летняя, страдная; все ушли работать на дальнее поле; сидит Илья, об своей участи горькой раздумывает и слышит, подходят под окна его избы двое калик перехожих¹. Стучатся калики в окно:

— Отвори-ка нам дверь, Илья Муромец, пусти к себе в дом калик перехожих отдохнуть по пути.

Отвечает Илья:

— Не могу я, божьи люди, с места сдвинуться, ворот отворить: сижу я сиднем вот уже тридцать лет; не владею ни руками, ни ногами.

Но повторяют калики свою просьбу и во второй, и в третий раз. Шевельнулся Илья на печи: что за диво! Чувствует, *что может встать; резвые ноженьки его держат, руками он*

---

¹ Калики перехожие — странники.

владеет. Вскочил Илья живо с печи, отворяет каликам ворота, в дом их к себе ведет.

Говорят ему калики:

— Принеси нам испить!

— Добрые люди, — отвечает Илья, — ведь я без рук, без ног!

— Иди себе, иди, Илья Иванович! нас не обманывай!

Пошел Илья в погреб; налил чару зелена вина в полтора ведра, приносит каликам. Дали калики Илье испить того вина, спрашивают Илью:

— Много ли в себе чувствуешь силушки?

— Кабы был от земли столб до неба, а в столбе кольцо золотое, — говорит Илья, — взял бы я за это кольцо, всю бы землю разом перевернул.

Переглянулись калики:

— А ну, Илья, принеси нам еще чашу бражки.

Пошел Илья в погреб; идет, по дороге за дуб хватится — дуб с корнем из земли вырвет, ноги у него по колена в земле вязнут. Принес он браги; дали ему еще выпить калики.

— Сколько теперь, Илья, чувствуешь в себе силушки?

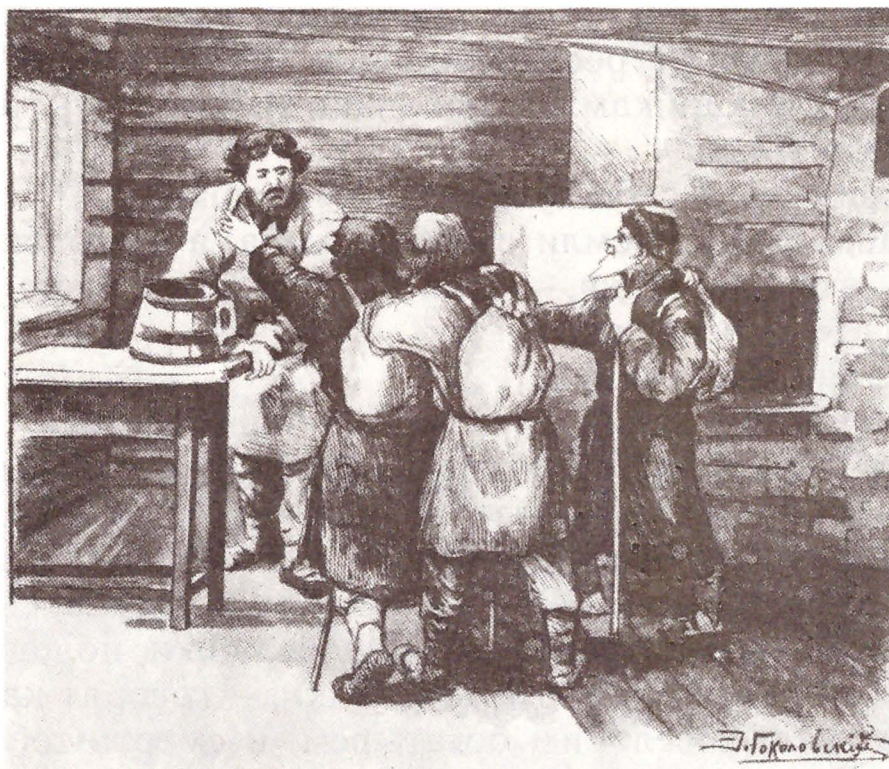
— Божьи люди, теперь во мне силушки половинушка!

— Довольно с тебя и этой силушки, — говорят калики, — будешь ты, Илья, великим богатырем, и смерть тебе в бою не написана; смело можешь выходить в бой со всяким богатырем, не бейся только со Святогором-богатырем — его и сама земля через силу носит, не бейся с Самсоном великим — его стерегут ангелы божьи, не затевай борьбы с родом Микулы Селяниновича — его любит мать земля сырая; не трогай Вольгу Святославича — этот, если силой не возьмет, одолеет тебя хитростью-мудростью.

— Слушай еще, как достать себе коня богатырского: пойди ты в чистое поле, купи первого жеребчика, какого встретишь, поставь его у себя в конюшне на три месяца, откорми пшеницей белояровой. Через три месяца выводи коня по саду в три ночи, вываляй в трех росах утренних, подведи к высокому тыну; как научится конь тын высокий пере-скакивать по ту и по другую сторону — поезжай на нем куда хочешь.

Тут простились калики с Ильею и скрылись из глаз. Заснул Илья по их уходе крепким сном богатырским; спал ни много ни мало целых двенадцать дней.

Пришли домой с работы родители и сестры Ильевы, уви-

дели, что Илья руками, ногами владеет, изумились, глазам своим не верят, плачут от радости.

Спрашивает Илья у родителей:

— Родители мои милые, где вы крестьянскую работу работали?

— Работали мы, Ильюша, луг-пожню за три версты от дома.

— Сведите меня на ту пожню, укажите мне мою работу!

Стал Илья лес расчищать; старые деревья с корнем повыворотил, повалил, надломил дубы крепкие, распахал поле великое, запрудил корнями речку быструю; столько один в три часа наработал, сколько отец, мать с работниками в три дня не сделали.

Купил себе меж тем Илья жеребчика у мужика-прохожего, как ему калики советовали, дал за него цену неслыханную, пятьсот рублей с полтиною, выкормил, вырастил, в росах вывалял; стал жеребчик конем на диво, Илье верным другом-товарищем.

Пошел Илья к родителю просить благословения на путь-дорогу, на великие подвиги.

Не гром гремит, не стук стучит — то Илья к отцу речь держит; не сырой дуб к земле клонится, не листочки его расстилаются — то Илья отцу земно кланяется, просит себе благословенья:

— Родимый ты мой батюшка! дай мне своего благословенья в славный стольный Киев-град поехать, киевским чудотворцам поклониться, послужить верой-правдой Солнышку Владимиру, постоять за веру христианскую.

Отвечает старый крестьянин, Иван Тимофеевич:

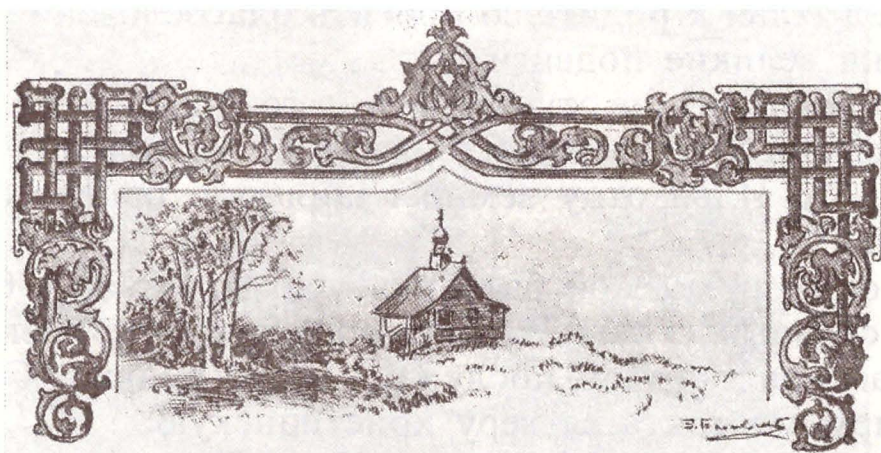
— Поезжай с богом; на добрые дела даю тебе свое благословение родительское; только на худые дела нет тебе моего благословения; не проливай напрасно крови христианской, не делай зла даже и татарину, за сирых, бедных заступайся.

Поклонился Илья отцу с матерью до земли, пошел снаряжаться в путь-дороженьку: выковал себе из трех железных полос три стрелы могучие; стал Илья и меч себе разыскивать — только не нашлось по нем меча: возьмет Илья меч за рукоять, тут рукоять у него в руке и останется. Сковал тогда себе Илья копье булатное, доброго коня оседлал; положил войлочки на войлочки, потнички на потнички, поверх всего надел на коня седло черкасское с двенадцатью шелковыми подпругами, а тринадцатая была всех крепче, из железа выкована.

Пошел Илья к горе силу пробовать; уперся в гору — гора свалилась в реку, вода в новое русло повернула, и доньше обвал тот старики молодым показывают.

Зашил Илья в ладанку горсть земли родимой, надел ее на шею, пустил корочку хлеба по Оке-матушке за то, что тридцать лет кормила его Ока, поила; отстоял службу божую; сел на доброго коня и поехал в чужедальнюю сторонушку.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ПОД ЧЕРНИГОВОМ

Едет Илья Муромец по чистому полю, к Киеву-городу торопится: ударил он коня по крутым бедрам; рассердился ретивый конь, скачет выше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего, на реках броду не спрашивает, с берега на берег перепрыгивает: первый скок скочил — на пятнадцать верст вперед ушел, в другой раз скочил — колодезь скачком пробил; у колодезя срубил Илья сырой дуб, поставил часовеньку, написал на ней свое имя. В третий скок принес Илью конь к городу Чернигову.

Под Черниговом стоит сила несметная; три татарских царевища, с каждым сорок тысяч воинов; от пыли да пару лошадиного не видать днем красного солнышка, не видать вечером ясного месяца; из города жителям нет ни входа, ни выхода.

Разгорается в Илье сердце богатырское, жарче Илья распаляется; стал добрый молодец думу думать:

«Как быть? Не побью татар — исполню завет отцовский; побью — жителей освобожу черниговских».

И решил Илья помочь народу христианскому — освободить Чернигов от злых полчищ татарских.

Взял Илья в руки саблю острую; где размахнется — лягут целой улицей татары побитые, повернется — набьет татар целой площадью, тех конем потопчет, тех стремянами помнет. Пробился Илья к трем царевичам, приостановился, да и говорит:

— Что мне теперь с вами делать, цари-царевичи? В плен вас взять — нельзя мне вас с собой возить; мне еще лежит дорога дальняя; голову с вас снять — жаль царский род губить. Поезжайте-ка вы к себе домой, расскажите своим людям, что

Русская земля не опустела, что есть в ней славные, могучие богатыри!

А в Чернигове тем временем все к смерти готовятся, на страшный бой последний выходить собираются, в божьих церквах причащаются. Видят: Илья в город въезжает, глазам не верят.

— Как это ты, добрый молодец, в город пробрался мимо несметной татарской рати?

Отвечает Илья:

— Не поздно ли, добрые люди, вы на бой выходить собрались? Взойдите-ка на стену, взгляните в чистое поле.

Пришли на стену жители черниговские: что за диво дивное? Лежит побита вся татарская рать несметная.

Побежали назад к Илье, низко кланяются богатырю могучему, хлебом-солью чествуют; зовет его к себе воевода Черниговский откусать и воеводство свое ему отдает, спрашивает о роде-племени, об имени-отчестве.

Говорит Илья:

— Родом я из города Мурома, из села Карачарова, крестьянский сын, Илья Иванович. Некогда мне над вами воеводствовать; спешу в стольный град Киев к Владимиру-князю; покажите мне туда дорогу прямоезжую.

Отвечают черниговцы:

— Нельзя тебе, добрый молодец, ехать дорогой прямоезжею; залегла ее река Смородина бурливая, болота, топи глубокие, и свил себе в тех краях гнездо Соловей-разбойник; зашипит по-змеиному, заревет по-звериному — потеряешь напрасно буйную головушку; нет там никому ни прохода, ни проезда.

— Стыдно мне, богатырю, бояться реву звериного, шипу змеиного, стыдно мне по окольным дорожкам прятаться; уж ехать — так прямо! — говорит Илья черниговцам и повернул коня прямо к реке Смородине, в Брынские леса густые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Приехал Илья Муромец в темные леса Брынские, видит перед собою дивное диво: стоят рядом девять дубов могучих, вершиной в облако небесное упираются; пусто все кругом; глушь, топь непроходимая; бежит из этих страшных мест всякая тварь живая от злодея Соловья-разбойника, что в дубах развесистых залег, от людского глаза прячется.

Услышал Соловей топот коня богатырского, засвистал по-соловьиному, зашипел по-змеиному, зарывал по-звериному; конь под Ильею со страху на колени пал.

Рассердился Илья Муромец на своего бурушку.

— Ах ты, травяной мешок! только и годен ты волкам на съеденье! Чего боишься? Неужели не слыхал никогда реву звериного, шипу змеиного?

Натянул Илья свой тугой лук; взвилась каленая стрела, угодила Соловью прямо в правый глаз, свалился Соловей с дуба.

Подобрал тут Илья разбойника, привязал к луке коня и поехал с ним в гнездо Соловьиное. Состроил себе Соловей палаты на диво из добра награбленного. Двор у Соловья на семи верстах, обнесен весь железным тыном, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке по голове богатырской воткнуто. Стоят за оградой три терема златоверхих, сады их

окружают тенистые, зеленые, цветами алыми расцвеченные. Под каждым теремом вырыты подвалы глубокие; много лежало в них серебра, золота, камней драгоценных, скатного жемчуга горами наложено.

Вышла Соловьева жена на широкий двор, смотрит в трубку подзорную, видит недоброе дело: едет чужой богатырь, везет с собой ее мужа к седлу привязанного.

Бросилась она с чердака в терем, разбудила девять сыновей своих.

— Встаньте, проснитесь, ясные мои соколы! Пойдите в глубокие подвалы, отомкните кованые ларцы: едет чужой

человек, везет отца вашего ремнями к седлу привязанного; просите, молитесь чужого богатыря, чтоб отпустил на волю отца вашего; приготовьте подарки богатые: серебра, золота, скатного жемчуга.

Не стали слушать матери удалые сыновья разбойника: надумали они недобрую думушку:

— Обернемся черными воронами, заключем Илью Муромца, отца на свободу выпустим!

Вышла старшая дочь Соловьева, Польша, к воротам, ухватила подворотню¹ в девяносто пуд, у ворот ждет, притаилась. Стал Илья въезжать во двор — замахнулась на него Польша подворотней что было силы; отвел Илья ее руку легонечко, попала подворотня в самую богатыршу, тут Польше и смерть пришла.

Видят жена и дети Соловьевы, что не в силах они с Ильей бороться; принесли ему богатый выкуп, просят, молят, чтобы отпустил разбойника на волю.

Не послушал Илья просьб их, повез Соловья в Киев. Бежит конь Ильи быстрее сокола: вот они уже и на Днепре-реке, а перевозчицей была тут другая дочь Соловья, Катюша. Просит ее разбойник:

— Дочь моя любимая, Катюшенька, не перевози ты богатыря на другую сторону: проси раньше, чтоб отпустил он на волю твоего отца-старика, — тогда перевезешь Илью на другой берег.

Слез тут Илья со своего бурушки; в левую руку взял шелковый повод, а правой рвет с корнем дубы крепкие; намости́л из дубов мост прочный через Днепр, сам перешел и коня перевел.

Вынул тогда Илья из кармана шелковую плетку о семи ремнях, говорит перевозчице:

— Теперь мы с тобой, красная девица, рассчитаемся!

Ударил раз Катюшу — с ног она свалилась; ударил другой — ей и смерть приключилась.

---

¹ Подворотня — доска, которая закрывает щель между воротами и землей.

Было время после обедни воскресной, как приехал Илья Муромец в Киев к ласковому князю Владимиру, прямо на двор великокняжеский; привязал Илья бурушку к столбу белодубовому посреди двора, наказал бурушке крепко-на-крепко:

— Береги, бурушка, пуще глаза Соловья-разбойника, чтоб не ушел он из стремени булатного.

Вошел Илья в палаты княжеские, помолился образу Спаса Пречистого, отдал поклон на все стороны, особенным низким поклоном поклонился князю с княгинею, все исполнил как надо, по обычаю.

Ласково встретил богатыря Владимир-князь, велел поднести ему чару зелена вина в полтора ведра, стал Илью расспрашивать:

— Расскажи нам, добрый молодец, какого ты роду-племени, чтобы нам знать, как называть тебя, величать, какое тебе место дать?

— Ласковый князь, зовут меня Ильею Ивановичем; родом я из города Муром. Приехал я к тебе в Киев дорожкой прямоезжею, торопился поспеть к заутрене, а к обедне не поспел. Задержали меня дела важные.

Говорят князю бояре:

— Ласковый князь! в глаза тебе лжет богатырь: ведь дорога прямоезжая к Киеву залегла вот уже тридцать лет: не дает Соловей-разбойник ни проезда, ни прохода ни одному человеку. Не выпил ли добрый молодец по дороге лишнюю чару зелена вина, что больно расхвастался!

— Солнышко-князь! оттого я в дороге и позамешкался, что очищал ее от Соловья-разбойника: самого Соловья я привез на твой широкий двор к седлу привязанного; не хочешь ли взглянуть на мою удачу богатырскую?

Тут поднялись с мест и сам князь, и гости, побежали на двор Соловья смотреть. Стал Владимир Соловью приказывать:

— Зашипи-ка, Соловей Рахманович, по-змеиному, зареви по-звериному.

Отвечает Соловей:

— Не твой хлеб, князь, кушаю: не тебя и слушаю.

Просит Солнышко-князь Илью, чтобы заставил Соловья реветь да шипеть.

— Запеклись у Соловья уста,— говорит Илья,— кровью от раны запечатались; вели, ласковый князь, дать ему чару зелена вина в полтора ведра.

Взял Соловей чару одной рукой, выпил за один раз, попросил еще чару пива пьяного да чару меду сладкого, закусил калачиком крупитчатым.

И велел Илья Соловью засвистать в полсвиста.

Не послушался Соловей; зашипел, заревел во всю мочь Соловьиную, оглушил в Киеве весь народ православный, сам Владимир-князь к земле пригнулся, подняться не может, прекрасная княгиня Евпраксия еле жива от страху.

Говорит Владимир Илье:

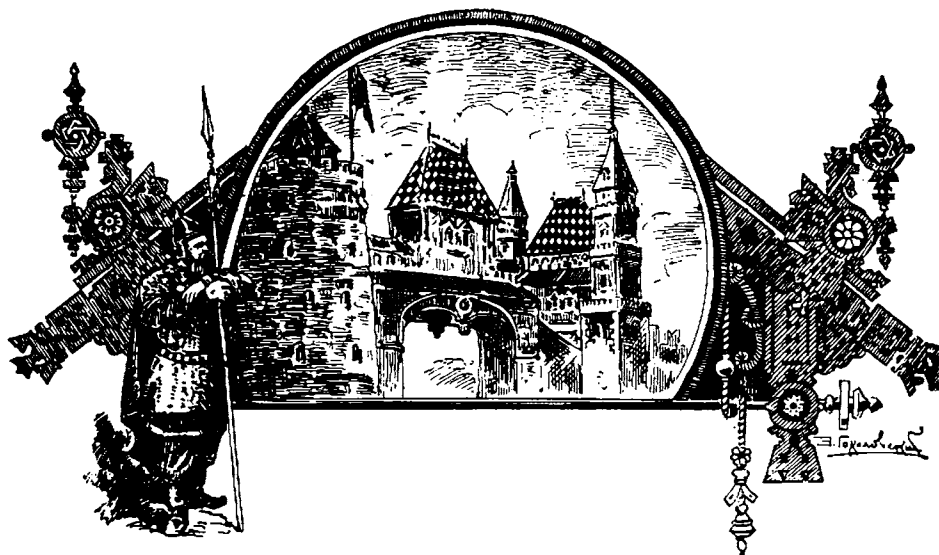
— Уйми Соловья — это шутки пошли плохие!

Расправился тут Илья с Соловьем по-своему за все дела его злодейские: схватил его за желтые кудри да ударил о серый камень — с тем Соловью и конец пришел.

А Илья заслужил себе честь, славу великую; и Владимир-князь затеял новый пир на радостях, что нет Соловья в живых и некому больше изводить богатырей могучих, обижать христиан православных.

ЗАСТАВА БОГАТЫРСКАЯ И ВСТРЕЧА ИЛЬИ МУРОМЦА С ЖИДОВИНОМ

В степях широких близ славного стольного Киева стояла богатырская застава; охраняли ее двенадцать славных богатырей; атаманом у них был сам Илья Муромец, податаманом Добрыня Никитич, есаулом Алеша Попович; здесь же с ним были: боярский сын Гришка да Васька Долгополый.

Крепко обороняют богатыри заставу: не пропускают ни конного, ни пешего: сокол пролетит, и тот перо выронит; добрый молодец пройдет — головой поплатится.

Однажды разъехались богатыри ненадолго кто куда: Алеша с Гришкой в Киев, Добрыня на охоту к синю морю, а Илья прилег отдохнуть в шатре.

Едет Добрыня назад, видит в поле следы от копыт громадные: каждый след величиною с полпечи. Присматривается Добрыня к следу, говорит себе:

— Это, видно, Жидовин, чужой богатырь, заехал в наши вольные степи из земли жидовской.

Вернулся Добрыня на заставу, рассказал Илье, что видел в поле. Скликает Илья своих товарищей, богатырей могучих, совет держать.

— Что мы стояли на заставе, чего глядели? Не видали, как мимо нас проехал чужой богатырь Жидовин! Как быть теперь, кому ехать за злодеем в погоню?

Надумали богатыри послать на бой Ваську Долгополого.

Говорит Илья:

— Неладное вы, братцы, надумали: у Васьки полы длинные, в бою Васька заплетется и погибнет понапрасну.

— Не послать ли Алешу Поповича? — говорят богатыри. Отсоветует Илья:

— У Алеши глаза завидующие, руки загребущие, любит Алеша серебро, золото; позавидует богатству чужого богатыря, позарится на оружие Жидовина, на его платье богатое, камнями самоцветными разубранное, погибнет Алеша понапрасну!

И выбрали все богатыри сообща Добрыню Никитича, чтобы ехал он сражаться с Жидовином.

Добрыня от службы не отказывается; седлает своего коня седлом черкасским, берет в руки палицу весом в девяносто пудов, пристегивает на бок саблю острую, захватил еще с собою плетку шелковую; едет прямо к горе Сорочинской.

Посмотрел Добрыня в трубку серебряную с горы вдаль, в чистое поле; видит — что-то перед ним чернеется громадное: конь, как гора, на нем богатырь, словно сена копна — не видать лица под меховой шапкой пушистой.

Подъехал Добрыня ближе к богатырю, закричал ему звонким голосом:

— Эй ты, вор, нахвальщик! Зачем едешь мимо нашей заставы, не отдаешь поклона атаману Илье Муромцу, пода-таману Добрыне Никитичу, не платишь сбора на всю нашу братию богатырскую есаулу Алеше Поповичу?

Услышал Жидовин доброго молодца, повернул он своего

громадного коня, двинулся на Добрынюшку: вся земля кругом зашаталась, вода из озер повыливалась, конь под Добрыней на колени пал.

Взмолился Добрыня пресвятой богородице:

— Мать пресвятая богородица! унеси ты меня отсюда подобру-поздорову.

Вынес Добрыню добрый конь на заставу; рассказал богатырь товарищам, какая с ним беда приключилась.

— Делать нечего, — говорит Илья, — видно, мне самому надо ехать; нечем мне, старому, больше заменитья!

Выехал Илья; посмотрел из кулака в чистое поле; что-то в поле громадное чернеется: разъезжает по полю богатырь заезжий, играет со своей палицей железной, весом в девяносто пудов: подбросит палицу к небу выше облака ходячего, поймает одной рукою, вправо-влево палицей помахивает.

Обнял Илья своего бурушку косматого, долгогривого.

— Добрый ты мой товарищ, бурушка, был ты мне верным другом в горе и в напасти, сослужи мне теперь службу добрую, чтобы не одолел нас Жидовин заезжий.

Понес бурушка Илью навстречу Жидовину. Закричал Илья громким голосом:

— Вор, нахвальщик! Зачем едешь мимо нашей заставы богатырской, атаману Илье Муромцу поклона не отдаешь, есаулу Алеше сбора не платишь?

Обернул Жидовин коня — да не так-то легко напугать Ильева бурушку: стоит добрый конь, не дрогнет, Илья Муромец сидит на нем, не шелохнется.

Съехались богатыри; как ударились палицами, у палиц рукояти пообломились — друг друга богатыри не ранили; ударились острыми саблями — сабли на куски разлетелись; стали биться на копьях — копья рассыпались вдребезги, а богатыри сидят себе на конях — ни один с места не стронулся.

Стали они тогда биться рукопашным боем: бились день до вечера, а с вечера до полдня, с полдня до рассвета нового дня. Махнул тут Илья правой рукою, левая нога у него подвернулась; упал Илья навзничь на землю; наскочил на него Жидовин неверный, вытащил булатный нож, хочет Илье отсечь голову по плечи, разрубить надвое грудь белую, вынуть из ней сердце ретивое. Сидит нахвальщик на плечах у Ильи, сам над старым богатырем издевается:

— И чего ты, старый старинушка, на заставе сидишь богатырской, еще в бой выезжать задумал? Пора бы тебе грехи свои замаливать: построил бы на дороге келейку, сидел в ней да питался Христовым именем.

Лежит Илья под богатырем, невеселую думу думает:
«Предсказали мне святые отцы, что не в бою мне смерть
написана, а вот теперь лежу я под богатырем».

Только чувствует Илья, как вдруг у него силушки прибы-
ло — высвободил старый одну руку, да как ударит Жидовина
в грудь; полетел нахвальщик выше дерева высокого, а как на
землю свалился — завяз в земле по пояс. Тут ему и смерть
пришла. А Илья на заставу вернулся, говорит товарищам:

— Тридцать лет езжу я в поле, братцы мои названные,
а такого чуда ни разу еще не наезживал!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Выехал однажды Илья Муромец в чистое поле; день был летний, длинный да жаркий; едет старый Илья, не торопится, отпустил на бурушке поводья шелковые.

Встречает Илья по дороге калику переходящую, говорит ему:

— Здравствуй, старчище-Иванище, откуда бредешь, куда путь держишь?

— Иду я, брат Ильюшенька, ко святым местам, во святой град Иерусалим во Иордане-реке искупаться, ко гробу Христову приложиться, а был я только что в Царь-граде славном.

— Все ли в Царь-граде по-прежнему, по-бывалому,— спрашивает Илья,— так же ли в церквах божьих звонят, такую ли же милостыню дают нищей братии — каликам переходящим?

— Нет, Ильюшенька, пришли для Царь-града плохие времена; все в нем не по-прежнему; по-новому, да не по-хорошему. Завладел Царь-градом Идолище поганое; нет от него самому царю никакой воли, никому ни милостыни, ни пощады; святые образа из церквей повыносили, саблями порубили; не слышать звону колокольного.

Рассердился Илья на калику:

— Как же ты, старчище-Иванище, за церкви божии не заступился, с Идолищем в бой не вышел! Силы у тебя вдвое больше, чем у меня самого, а трусости хоть отбавляй. Ну-ка, давай мне скорей твое платье каличье, шапку земли греческой да палицу в девяносто пуд. Пойду я с Идолищем переведаюсь, а ты сиди тут, коня моего стереги, пока не вернусь.

Не смеет калика ослушаться Ильи; поменялись они платьем.

Пошел Илья в Царь-град; каждый шаг по версте делает, земля под ним содрогается.

Говорят татары в Царь-граде:

— Что это за мужик-невежа сюда явился? Шумит, стучит без толку; наш Идолище даром что в две сажени¹ ростом, а шуму такого не делает.

Подошел Илья к окну царских палат белокаменных, кричит громким голосом:

— Великий царь Константин Боголюбович, подай мне ради Христа золотой милостыньки, пора мне уж перестать странствовать да о душе подумать.

Пошатнулся терем от Ильева возгласа, хрустальные окна поразбивались, сердце у татар в груди замерло.

Узнал гостя царь Константин Боголюбович, обрадовался, а Идолище говорит:

— Позови-ка, царь, этого калику сюда в палаты, посади за стол белодубовый, хочу я поговорить с ним; накормим его досыта, напоим допьяна.

Посадили Илью за царский стол; сел с ним рядом Идолище поганое, стал его выпрашивать:

— Скажи мне, калика перехожая, видал ли ты на Руси богатыря Илью Муромца, каков он из себя?

— Как мне не знать Ильи; мы с ним братья крестовые; ростом он с меня и лицом на меня похож.

---

¹ Сажень — старинная русская мера длины, равная 2 м 13 см.

Усмехнулся Идолище:

— Не велик же ваш богатырь! А помногу ли Илья хлеба ест, зелена вина пьет?

— Ест Илья по три калачика крупитчатых, зелена вина пьет на три пяточка медных.

— Плох же ваш богатырь,— говорит Идолище,— такого богатыря я на ладонь посажу, а другой прикрою — так из него и дух вон выйдет; дуну на него, и унесет его ветер в чистое поле. Вот я — так по три хлеба сразу ем; по три ведра зелена вина пью; шей целой бочки едва на обед мне хватает.

— Нашел чем хвастать! — отвечает Илья.— Вот у нашего батюшки была корова жирная; много она пила, ела, оттого и лопнула, как бы с тобой того же не случилось.

Не понравились татарину эти речи; схватил он нож острый, да как пустит им в Илью; Илья сам отклонился, нож правой рукой отмахнул — попал нож в дубовую дверь; упала дверь с петель, придавила двенадцать татар, что стояли за нею; кого убило, кого ранило; стонут раненые, клянут свое Идолище.

Тут Илья не стал долго раздумывать, хватил Идолище клюкой по голове раз-другой; свалился Идолище на пол, кричит не своим голосом.

Взял его Илья за ноги, стал им помахивать, побивать им татар неверных, сам приговаривает:

— Это ружье по мне: крепок татарин, не рвется, не разбивается.

Перебил Илья в три часа всю силу татарскую; благодарит его царь Константин Боголюбovich, не знает с радости, как Илью принять, чем употчевать! Просит его навсегда в Царьграде жить остаться.

— Будешь ты у нас, Илья Иванович, воеводою!

Говорит Илья:

— Добрый царь Константин Боголюбovich! Служил я тебе всего три часа, а заслужил слово ласковое и хлеб-соль обиль-

ную — на том тебе великое спасибо. Жаль мне с тобой расставаться, да нельзя бросить своего товарища, поджидает он меня на дороге.

Отпустил Илью Константин Боголюбович, насыпал ему на дорогу целую миску красного золота, а вторую — чистого серебра, а третью — скатного жемчуга.

Взял Илья с радостью эти подарки, говорит:

— Это я все заработал!

Распрощался Илья с царем, поехал на поле, где поджидал его старчище Иванище; видит Илья: сидит калика еле жив; не мог с конем богатырским справиться; мыкал-мыкал бурушка калику переходящую, совсем измучил.

Переменился Илья с каликой платьем, надел опять свои доспехи богатырские, назад в Киев поехал, говорит Иванищу на прощанье:

— Смотри, вперед не трусь! Не выдавай христиан поганым татарам, выручай из беды несчастных — на то тебе и силу бог дал великую!

ССОРА ИЛЬИ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Пришел Илья на пир к князю Владимиру; входит богатырь в гридню¹ княжескую, осеняет себя святым крестом, отдает поклоны по обычаю.

Не узнал князь своего могучего богатыря, который столько для него потрудился: не одну тысячу врагов княжеских положил на месте. И говорит Владимир Илье:

— Не припомню тебя, добрый молодец, не знаю, как твое имя-отчество; садись с нами за стол; вот там в конце есть для тебя маленькое местечко; другие-то места получше все переизабраны князьями-боярами, дьяками думными, могучими богатырями да удалыми богатыршами.

Не понравились старому богатырю эти речи.

— Сам ты, князь, ешь, пьешь с воронами, а меня сажаешь с воронятами, где пониже да похуже. Я на это не согласен!

Разгневался князь, словно лев, потемнел, как ночь осенняя:

— Где это видано, чтобы кто-нибудь смел сравнивать нас всех с воронами да с воронятами! Встаньте-ка, богатыри могучие, возьмите этого человека под одну руку трое, да под

---

¹ Гридня — в былинах это слово употребляется в значении «княжеский покой».

другую трое, ведите его на широкий двор, отрубите ему буйную голову.

Размахнулся Илья правой рукой, стряхнул с себя троих богатырей; без памяти все на землю попадали; размахнулся левой — легли рядом и остальные трое.

Послал Владимир еще шесть да шесть богатырей; всех смахнул с себя Илья — лежат на земле, не шелохнутся. Вынул тут Илья тугой свой лук, пустил стрелу каленую, приговаривает:

— Ты лети, стрела, к окошкам княжеским, отбей над окошками золотые маковки.

Набрал Илья золотых маковок целую грудку, продал их, наменял денег видимо-невидимо; пошел по улицам киевским, собрал к себе всех бродяг, всю нищую братию; напоил их, накормил; зелена вина для них приказал выкатить целые бочки. Гуляет нищая братия, погуливает; за Илью бога молит, неладные шутки по Киеву пошучивает.

Говорит Добрыня Владимир-Солнышку:

— Не знаешь ты, князь, не ведаешь, какого богатыря могучего ты обидел: ведь это сам Илья Муромец; видишь — на широком дворе стоит его конь богатырский, ни к чему не привязан, а у стремени Соловей-разбойник прикован. Пошли скорее посла к Илье, чтобы позвал его назад на пир твой великокняжеский.

Стал тут Владимир раздумывать, кого бы послать ему за Ильєю: послать смелого Алешу Поповича — не сумеет Алеша упросить Илью Муромца прийти на пир; послать Чурилу Пленковича — он по дороге где-нибудь заболтается. А надо посла разумного да вежливого; говорит Владимир Добрыне:

— Пойди, Добрынюшка, за Ильєю; он тебя всех лучше послушает; ведь вы с ним братья названные.

Пошел Добрыня, а сам думает:

«Может быть, на смерть иду!»

Нашел Илью Добрыня посреди нищей братии; сидят все

рядышком за столами белолюбными, и пир у них идет великий.

Зашел Добрыня сзади Ильи, взял его за плечи могучие да и говорит:

— Братец мой крестовый, уйми ты свое сердце горячее; послал меня к тебе ласковый князь Владимир; сам знаешь, посла не казнят, не бьют. Просит тебя Владимир не гневаться, вернуться на почестный пир.

Отвечает Илья:

— Хорошо ты сделал, Добрыня, что зашел сзади меня, а то бы и тебе несдобровать. Хорошо, я вернусь на пир; только пусть Владимир пригласит вместе со мной и мою младшую

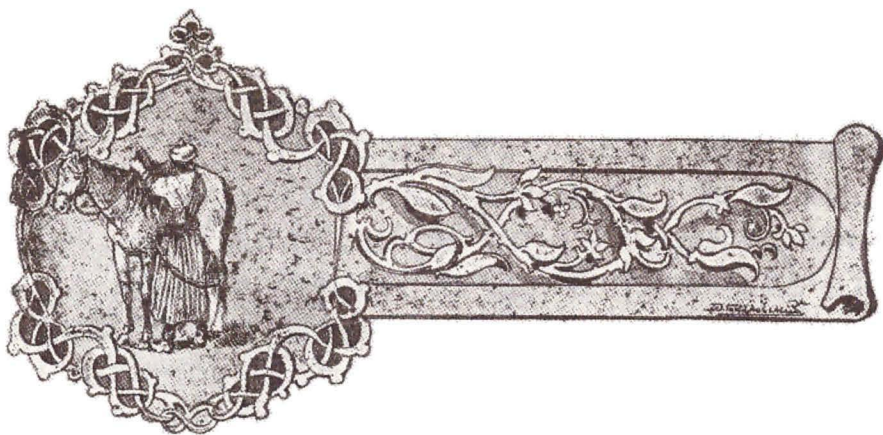
братию, всех нищих-убогих; пусть велит открыть по всему Киеву погреба глубокие на три дня, чтобы всякий, кто хочет, приходил пить зелена вина безданно, беспошлинно да славил бы старого казака Илью Муромца.

Велел Владимир открыть погреба и лавки, поить, кормить народ целых три дня. Вернулся тогда Илья в палаты княжеские; сам князь Владимир-Солнышко встал ему навстречу, взял его за белые руки, поцеловал в уста, стал усаживать на лучшее место.

Не сел Илья на большое место: остался сидеть посреди нищей братии; и пошел тут пир на весь мир; сидят они, веселятся, ласковые речи поговаривают, гуслиеры поют им песни звонкие про славную старинушку.

БОРЬБА ИЛЬИ МУРОМЦА С КАЛИНОМ-ЦАРЕМ

Подступил к Киеву неверный Калин, татарский царь, привел с собой сына своего Таракашку Корабликова да зятя Ульюшева, сорок царей-царевичей, сорок королей-королевицей; с каждым дружины несметное множество; на сто верст вокруг Киева орды татарские раскинулись...

Ходит по своему стану царь Калин Калинович, говорит дружине такие речи:

— Кто из вас умеет говорить по-русски, переводить по-татарски? Пусть тот снесет мое письмо князю Владимиру, чтобы сдал он Киев-город без бою, без напрасного кровопролития.

Нашелся татарин, который умел говорить по-русски, вызвался передать письмо Калина князю Владимиру.

Приезжает татарин в Киев на княжий двор; коня своего оставляет посреди двора непривязанным, входит в гридню, святым крестом себя не осеняет, поклонов не отдает по обычаю, бросает письмо Калина на белодубовый стол. В письме написано:

«Сдавай, князь, Киев нам — татарам без бою, без кровопролития да больше хлеба напеки, пива лучшего навари, ожидай нас в гости; я приду к тебе в Киев, жену твою Евпрак-

сию замуж за себя возьму. Добром мне не покоришься — заставлю тебя покориться силою!»

Прочел князь письмо, закручинился, расплакался и стал про себя думу думать, как тут быть ему:

«Неладных я дел наделал: поссорился со всеми богатырями могучими; никого из них не осталось в Киеве. Если бы был тут хотя один старый казак Илья Муромец, заступился бы он за народ православный, потрудились бы ради господ бога. А я разгневался на него в недобрый час, приказал посадить в подвалы глубокие, заморил голодной смертью! Ох, горе, горе!»

Приходит тут в гридню дочь князя Владимира; была она девица добрая да разумная; как приказал князь засадить Илью в глубокие погреба — каждый день ходила княжна к богатырю со своими девушками, хлеб-соль старому казаку приносила.

Говорит княжна:

— Свет родимый батюшка, пошли слуг в погреба глубокие; может быть, жив еще Илья Муромец.

Покачал Владимир головой; однако пошел сам в темницу к Илье Муромцу; отбили у дверей железные замки — видит князь: сидит старый богатырь, жив-невредим; читает святое Евангелие. Обрадовался князь, до земли поклон отдал Илье Муромцу.

— Славный богатырь, Илья Иванович! съезди к Калину-царю, сразись с ним ради матушки родной земли; постой за христиан православных, за святые божьи церкви.

Илья зла не помнил; поехал сейчас же с князем Владимиром к Калину-царю, захватили они с собой дары богатые; стали просить Калина, чтобы дал им сроку три года к смертному бою приготовиться.

Говорит Калин:

— Нет вам срока ни на три года, ни на три месяца; дам вам сроку на три дня; готовьтесь к верной смерти.

Уехал Илья Муромец из орды, дал совет князю Владимиру: заложить накрепко двери городовые в Киеве, вырыть

вокруг города рвы глубокие, насыпать холмы высокие, а сам богатырь отправился в дальнее чистое поле.

Ехал Илья Иванович долго ли, коротко ли, приехал к шатру белополотняному; у шатра стоят тринадцать коней богатырских, в шатре сидят за обедом тринадцать богатырей могучих. Вышел Илье навстречу крестный отец его, богатырь Самсон Самсонович.

— Садись с нами, крестник, за стол, хлеба-соли отведать богатырских.

Сел Илья за стол; стал рассказывать богатырям, какая беда стряслась над Киевом, просит Самсона прийти Владимиру на помощь.

Отвечает славный Самсон Самсонович:

— Не могу я ни сам поехать, ни богатырей своих отпустить с тобой. Дал я зарок не служить князю Владимиру за то, что он не почитает богатырей могучих, слушает злые наветы бояр продажных.

Упросил Илья Муромец Самсона Самсоновича поехать под Киев не ради князя Владимира, ради Руси-матушки, ради церквей божиих, на помощь христианам православным, и зарок его на себя взял.

Приехали богатыри под Киев уже под вечер; раскинули шатры, прилегли отдохнуть перед боем; одному Илье не спится, не дремлет. И пробрался Илья на бурушке в полки та-

тарские; начал среди татар поезживать, боевой палицей пома- хивать; махнет правой рукой — повалятся татары целой ули- цей, отмахнется — ложатся татары частой площадью.

Говорит Илье бурушка человеческим голосом:

— Слушай меня, старый казак Илья Муромец: выкопал неверный Калин под стенами Киева три глубоких подкопа: из первого да из второго вынесу я тебя на себе, а в третьем оба мы свои головы сложим.

Разгневался Илья:

— Ах ты, мешок травяной, не видал татарских подкопов! Неужели из этих ямок не в силах меня вынести?

Ударил Илья бурушку по крутым бедрам; взвился стрелой добрый конь; вынес Илью из первого и из второго подкопа, в третьем оба на дне остались.

Прибежали тут татары, схватили доброго молодца, зако- вали в железные цепи, привели к Калину-царю.

Говорит Калин Илье:

— Остайся у меня на службе, славный богатырь; дам тебе за столом место рядом с собою, подарю табун коней резвых, серебра, золота возьмешь, сколько захочешь.

Говорит Илья:

— Если б были у меня руки свободны, послужил бы я тебе — отсек бы твою буйную голову.

Отдал тогда Калин приказ вывести Илью в поле и побить калеными стрелами. Идет Илья мимо церкви, господу богу взмолился:

— Господи! не выдай меня неверным татарам.

Услышал бог молитву Ильи, послал к нему двух ангелов, оборвали они с рук Ильи шелковые веревки, с ног сняли же- лезные цепи; ухватил Илья одного татарина за ноги; стал им направо-налево помахивать; ложатся татары сотнями. Тут к Илье подбежал верный бурушка; сел на него Илья, поехал на горы высокие, натянул тугой лук, пустил каленую стрелу, сам приговаривает:

— Ты лети, стрела, выше леса дремучего, попади прямо в белый шатер богатырский, пробей крышу, устремись в грудь

Самсону-богатырю, затронь его сердце богатырское в груди белой; что он спит до сих пор, над собой беды не слышит?

Ударила стрела в Самсона, вскочил богатырь на резвые ноги:

— Вставайте, братцы названные; стрела мне в грудь попала; это крестник мой, Илья, зовет на помощь.

Сели тут богатыри на своих добрых коней; земля сырая под ними поколебалась; летят во весь опор на татарские полчища; в три часа перебили всю силу татарскую.

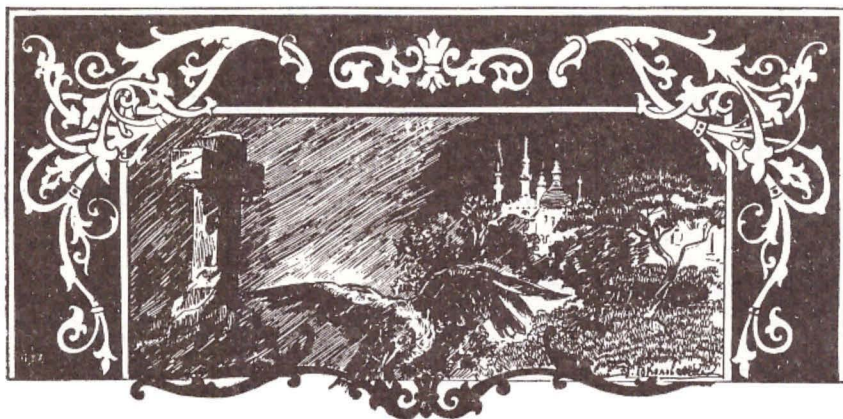
Говорят татары:

— Закажем и детям и внукам ездить под Киев-город, с русскими богатырями меряться силушкой!

Вышел сам Владимир-Солнышко с прекрасной княгиней Евпраксией, приказал слугам расстилать богатырям под ноги драгоценные сукна, одарил их богатыми подарками, позвал на почетный пир. Тут богатыри с князем примирились; стали опять служить ему верой-правдою.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Едет старый казак Илья Муромец по чистому полю, глубокую думушку думает:

«Приходит старость древняя, надвигается старость тучей черною, налетает черным вороном, а молодость буйная, привольная улетела далеко ясным соколом. И то сказать, довольно пожил я на белом свете, прожил триста годков без малого».

Подъезжает тут старый богатырь к белому камню Латырю: расходятся от камня в разные стороны три дороги; на камне написаны такие слова:

«Кто поедет по средней дорожке — тому быть убитому; кто поедет направо — тому быть женатому; налево ехать — быть богатому».

Думает Илья:

«На что мне, старому, богатство? И жениться на старости лет нет у меня никакой охоты; поеду по той дорожке, где быть мне убитому».

Ехал добрый молодец три часа, проехал триста верст и нагоняет толпу разбойников-станичников.

Увидали его разбойники, говорят между собою:

— Убьем старого богатыря; конь у него хороший; пригодится нам.

Стали они бить старого казака; стоит Илья, не шелохнется.

— Нечего вам взять у меня,— говорит Илья разбойникам,— одежда у меня небогатая; правда, кафтан мой стоит пятьсот рублей да есть у меня крест на груди ценой в три тысячи, а коню-бурушке и цены нет!

Смеются разбойники:

— Сам про свои богатства старый болтает, чтобы знали мы, чем поживиться.

Как схватит тут Илья шапку с головы — начал шапкой помахивать направо-налево; падают разбойники замертво, валяются целыми толпами. Перебил Илья разбойников, вернулся назад к камню и написал на нем:

«Неправду говорит надпись: ездил по средней дорожке — убит не был».

«Дай,— думает Илья,— поеду по той дорожке, где быть мне женатому».

Повернул Илья направо; опять едет три часа, проехал триста верст; увидел перед собою несказанное чудо: стоит богатый город, весь палатами боярскими да княжескими застроен; во дворце царском смотрит из окна на дорогу прекрасная королева.

Увидела она Илью, вышла старому казаку навстречу, ласковое слово ему промолвила, взяла его за руки белые, ввела в царскую гридню, просит хлеба-соли у ней откусать, а слугам приказала Ильеву бурушке засыпать пшеницы белояровой.

Попировал Илья, отведал зелена вина, яств сахарных, кланяется прекрасной королевне, благодарит за хлеб, за соль.

Говорит ему королева:

— Наверно, устал ты с дороги, славный богатырь, не хочешь ли пойти прилечь, отдохнуть от длинного пути?

Привела королева Илью в богатый покой, указала ему для отдыха кровать пуховую.

Посмотрел Илья недоверчиво на высокую кровать и не захотел лечь отдыхать, а взял королеву за руки и опустил ее

что было силы на кровать пуховую; перевернулась под царевной кровать, провалилась красавица в глубокий погреб.

Говорит Илья служанкам королевны:

— Подайте мне золотой ключ; я хочу отворить погреба глубокие.

Не дают ему ключа. Пошел Илья к дверям темницы; разбросал руками доски, которыми были заложены двери; ногой как толкнет двери железные — обе половины с петель упали.

Вывел Илья на свет божий из погреба сорок царей-царевичей, сорок королей-королевичей.

— Вернитесь по своим царствам,— говорит им Илья,— молитесь богу за старого богатыря Илью Муромца. Кабы не освободил я вас — сложили бы вы тут свои буйные головы.

А душечку красную девицу разрубил Илья на части за ее злодейские дела; раскидал по полю куски ее тела белого; серые волки их порастерзали, черные вороны порасклевали.

Вернулся Илья к камню — написал на нем:

«По другой дорожке ездил — женат не бывал!»

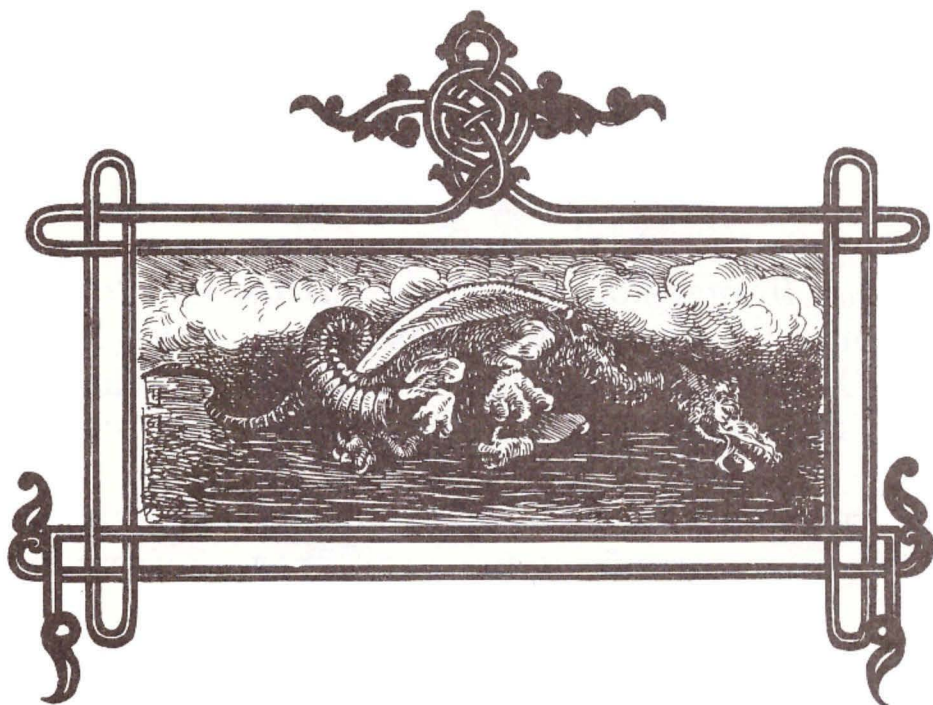
Поехал Илья на третью дорожку, где ему богатому быть; едет Илья три часа, проехал триста верст; видит — перед ним стоит чудный крест, всеми цветами отливает.

Покачал старый головой:

«Этот крест не зря здесь поставлен, стоит он над погребом глубоким; много в погребе золота, серебра хранится, дорогого скатного жемчуга».

Снял Илья крест чудный с глубокого погреба, вынул богатства зарытые, несметные, настроил на них прекрасных церквей божиих с чистым звоном колокольным по всему стольному Киеву. Прилетела тут за Ильей сила небесная; сняли его святые ангелы с верного бурушки и унесли в киевские пещеры святые. В них и до сих пор покоятся богатырские мощи нетленные, а православный народ во всех концах матушки Руси вспоминает великие дела Ильи, старому казачу славу поет, честь воздает.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Жил-был в Киеве именитый боярин Никита с женою Мамелфой Тимофеевной, а у них был маленький сынок Добрыня. Рано осиротел Добрынюшка, потеряв доброго отца, но честная вдова Мамелфа Тимофеевна сумела вырастить и воспитать своего пригожего, умного сына, обучила его всем наукам и мудростям; вежлив да ласков был Добрынюшка на диво всем, а уж как начнет в гусли играть — слушают все, не наслушаются.

Молод был еще Добрынюшка, всего-то двенадцати лет от роду, — как разгорелось его сердце ретивое, храброе; захотел он ехать в чистое поле, искать подвигов богатырских.

Говорит ему родимая матушка:

— Молод ты еще слишком, милый сын, чтобы ездить богатырствовать в чистое поле, но уже если и поедешь ты, слушайся моего завета родительского: не купайся в Пучай-реке, та река — бурливая, свирепая; средняя волна в ней, как стрела, бьет; смотри, чтобы не погибнуть тебе понапрасну.

Не послушался Добрыня родимой матушки; идет он в конюшню, седлает своего доброго коня черкасского седлом; кладет потнички на потнички, войлочные на войлочные, седло подтягивает двенадцатью шелковыми подпругами, да еще тринадцатой железной, чтобы крепко седло держалось, чтобы не сбросил конь по дороге доброго молодца.

И поехал Добрынюшка к горе высокой, где скрывался Змей Горыныч; стерег злодей православных христиан, своих пленников. Хочет Добрынюшка пленников из беды выручить, потоптать злых змеенышей копытами коня своего богатырского.

Ехал Добрыня долго ли, коротко ли, подъехал к Пучай-реке; а день был летний, солнечный; стало богатырю жарко; захотел он выкупаться в Пучай-реке.

Слез Добрыня с коня, снял свое платье цветное и поплыл по реке; плывет потихонечку и думает себе:

«Говорила мне родимая матушка, будто Пучай-река сердитая да бурливая, а она тихая да смирная — не волнуется, не шелохнется».

Не успел Добрыня додумать своей думушки, как вдруг откуда ни возьмись нанесло тучу черную, хоть и ветру до того не было. Молнии засверкали, искры целым снопом посыпались.

Смотрит Добрынюшка: налетел страшный Змей Горыныч о двенадцати хоботах, сам кричит богатырю:

— Попался ты теперь, Добрыня, в мои руки; что хочу, то с тобой и сделаю: захочу — задушю между хоботами, в нору снесу; захочу — сейчас на месте съем.

Нырнул Добрыня под воду; плывет под водой до берега, на берег вышел — нет на берегу ни коня, ни оружия; одна богатырская шапка лежит под кустиком; набил ее Добрыня песком доверху, как хватит шапкой по Змею Горынычу, отшиб ему все двенадцать хоботов; упал змей на траву навзничь. Вынул тут Добрыня кинжал булатный, хочет отрубить змею голову. Взмолился змей:

— Не убивай меня, добрый молодец! Положим мы с то-

бой такой договор: я не буду больше летать на Русскую землю, забирать в плен православных христиан, а ты не езди ко мне в чистое поле, не топчи своим конем моих малых змеенышей.

Согласился Добрыня на этот договор и отпустил змея.

Взвился змей под облака, полетел над Киевом-городом; увидал змей в княжеском терему девицу-красавицу, племянницу князя Владимира, Забаву Путятишну. Нарушил змей

уговор с Добрынею: схватил красавицу, унес ее в свою нору.

Ужаснулся князь Солнышко, опечалился; три дня собирал он всяких волхвов-ведунов, советовался с ними, как бы выручить от злодея свою племянницу — никто не вызывается помочь князю в этом деле.

Говорит Алеша Попович:

— Пошли, князь, на выручку к Забаве Путятишне брата моего названого, Добрынюшку; он один может помочь тебе в твоей напасти, потому что у них со змеем договор сделан, чтобы змей не смел уводить в плен православных христиан.

Посылает князь Добрыню к змею; не отказывается Добрынюшка от службы богатырской, только вернулся он домой невесел, глубокую думушку раздумывает.

Спрашивает Мамелфа Тимофеевна:

— Что с тобой, дитятко мое милое, что вернулся ты невесел с княжеского пиру; не обидели ли тебя местом, не обнесли ли чарой зелена вина, кто-нибудь над тобой не насмеялся ли?

— Нет, родимая матушка, принял меня князь с почетом, никто меня не обидел, только наложил на меня Владимир великую службу: посылает меня выручать от змея Забаву Путятишну.

Говорит мать Добрыне:

— Ляг да отдохни теперь, Добрынюшка, а потом подумаем, как пособить горю: утро вечера мудренее.

Поутру встал Добрыня раненько; снарядила его матушка в путь-дорогу, дала ему с собой шелковую плеточку.

— Милое дитятко, как приедешь ты по чистому полю к горам Сорочинским, где живет змей со змеенышами, ударь своего бурушку плеточкой промеж ушей, ударь еще по крутым бедрам. Станет бурушка поскакивать, змеенышей с ног стряхнет, потопчет всех до одного!

Послушался Добрыня совета своей матушки: как стал у горы Сорочинской на бурушке поскакивать, забивать змеенышей до смерти,— выскочил сам змей из норы, говорит Добрыне:

— Зачем, Добрынюшка, нарушаешь наш уговор, побиваешь моих деток?

Рассердился Добрыня на змея:

— Как ты смел, злодей, утащить к себе в нору князеву племянницу! За то я потоптал твоих змеенышей. Отдавай мне сейчас Забаву без бою, без ссоры, а то, смотри, плохо тебе придется!

Не отдал змей князевой племянницы и затеял с Добрыней великий бой: бились они целых три дня, хочет уже Добрыня отступить от змея, да слышит богатырь голос сверху:

— Бился ты, Добрынюшка, с змеем трое суток, бейся еще три часа — одолеешь змея.

Послушался Добрынюшка хорошего совета; через три часа убил Змея Горыныча; хлынула у змея кровь из раны ручьями, затопила чистое поле; ходит конь Добрыни по колена в крови. Стал просить Добрынюшка мать сырую землю, чтобы она расступилась, убрала в себя кровь змеиную. Расступилась земля. Спустился тогда Добрынюшка в глубокие подвалы, освободил Забаву Путятишну, а с ней вывел из погребов всех других пленников змея: сорок царей-царевичей, сорок королей-королевичей.

Говорит Добрыня Забаве:

— Много я за тебя странствовал, красна девица; теперь поедем в Киев, отвезу тебя к князю Владимиру.

Поехал Добрыня с Забавой в Киев, наехал по дороге на огромный след богатырский; захотел Добрыня с чужим богатырем померяться силушкой; а тут кстати встречается ему Алеша Попович, его крестовый брат.

Говорит Добрыня Алеше:

— Милый брат названный, отвези-ка ты Забаву Путятишну к князю Владимиру, а я поеду по следу богатырскому.

Повернул Добрыня назад своего доброго коня, догоняет в чистом поле могучую богатыршу Настасью Микуличну, дочь Микулы Селяниновича; захотел Добрынюшка побороться с нею: подскакал к Настасье Микуличне сбоку, ударил ее по

голове; богатырша даже и не почувствовала удара Добрыни, едет себе дальше, не оглядывается.

Удивился Добрыня: «Неужели растерял я всю свою прежнюю силушку?» Ударил тут Добрыня в крепкий дуб: раскололся дуб на щепочки.

«Нет,— думает себе Добрыня,— еще со мной вся моя силушка!» Еще и еще раз налетел Добрыня на Настасью Микуличну, ударил ее и раз и другой сильнее прежнего.

Оглянулась на него богатырша да и говорит:

— Я думала, что меня комарики покусывают, а это богатырь дерется!

Взяла Настасья Добрыню за русые кудри, подняла одной рукой, спрятала в карман вместе с конем. Едет себе дальше.

Взмолился тут конь Настасьи Микуличны:

— Пожалей меня, Настасья Микулична, не могу больше возить тебя с богатырем да еще коня богатырского!

Вынула богатырша Добрыню из кармана и говорит:

— А вот я посмотрю на богатыря, как он мне понравится: если старый да нехороший — так голову ему срублю, а молодой да пригожий — так замуж за него выйду.

И понравился Добрыня Настасье Микуличне; поехали они вместе в Киев к князю Солнышку; сыграли веселую свадьбу, затеяли почестный пир. Щедро наградил Владимир славного богатыря за его великую службу, за то, что выручил Добрыня от злого змея молодую Забаву Путятишну.

ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА НА НАСТАСЬЕ МИКУЛИЧНЕ

Послал однажды Владимир-князь могучего богатыря Добрынюшку исправлять службы княжеские: порасчистить дорожку прямоезжую в Золотую Орду, покорить чудь¹ белоглазую, пособрать дани с калмыков да с татар.

Стал Добрыня собираться в дальнюю поездку; горько плачет мать его, Мамелфа Тимофеевна, все спрашивает милого сына, когда его домой ждать.

— Государыня-матушка! — отвечает Добрыня, — жив буду — вернусь; не буду жив — и ждать вам будет некого.

Прибежала тут жена Добрыни, молодая Настасья Микулична, слезами уливается, ухватила за стремя богатырское — не может расстаться с милым мужем, просит, молит:

— Скажи мне, Добрынюшка, когда вернешься домой из чиста поля?

— Милая жена, слушай, что я скажу тебе: жди ты меня три года, жди еще три года; если же я и через шесть лет не приеду, знай, что нет меня на свете; тогда живи себе как хочешь: хочешь, оставайся вдовою; хочешь, иди замуж за кого

---

¹ Чудь — так в древности называли финские племена.

надумаешь: хоть за купца богатого, хоть за именитого боярина или за крестьянина домовитого; не ходи только замуж за моего брата названного, Алешу Поповича; за ним плохо тебе жить будет, наживешь себе великого горя.

Поклонилась Добрынюшке Настасья Микулична земным поклоном, простился богатырь и с родной матушкой, поехал в чужедальнюю сторонушку.

Стала Настасья Микулична ждать домой мужа своего, Добрынюшку; ждет не дождется — а время идет да идет:

День за днем — словно дождь дождит,
А неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.

Прошло и три года, прошло и шесть лет: нет как нет Добрынюшки. Вернулся к этому времени из поля Алеша Попович; привез с собою нерадостные вести, говорит, будто Добрыни уже нет в живых:

— Видел я его в чистом поле убитым; богатырская грудь насквозь прострелена; сквозь его труп проросли цветы алые.

Горько плачет мать богатыря, Мамелфа Тимофеевна; горючие слезы глаза ей выели; а Настасья Микулична говорит:

— Велел мне Добрыня ждать его шесть лет; буду ждать еще шесть лет теперь уже по своей охоте.

Но прошло и еще шесть лет; нет от Добрыни никакой весточки; стал Владимир уговаривать молодую вдову Добрынину:

— Нет твоего мужа в живых; неужели будешь весь век жить вдовою? Выходи замуж хоть за князя-боярина, хоть за купца богатого, а лучше всего тебе выйти за смелого богатыря, Алешу Поповича.

Позабыла Настасья Микулична мужнину заповедь — пошла замуж за Алешу.

Устроил князь Солнышко перед свадьбой веселый пир в честь жениха и невесты; пируют они день, другой — а Доб-

рыня в это время был в Царь-граде; все свои подвиги богатырские он совершил счастливо, отправил со славой княжескую службу, уже думает домой возвращаться.

Медленно плетется его добрый конь по дороге в Киев, не ест пшеницы белояровой, не пьет воды студеной.

Спрашивает Добрыня верного коня:

— Что ты невесел, добрый мой конь, идешь, спотыкаешься — не чуешь ли ты над собой какой невзгодушки?

Отвечает конь:

— Не знаешь ты, славный богатырь, не ведаешь, какая печаль тебя дожидает в Киеве: сегодня вечером молодая жена твоя с Алешей венчается.

Разгорелось тут у Добрыни сердце богатырское; бьет он верного коня по бедрам, летит конь словно сокол, перескакивает одним прыжком высокую стену киевскую, въезжает прямо во двор Добрыни. Идет добрый молодец в горницы, расталкивает привратников, придверников, ни у кого дороги не спрашивает.

Бегут слуги к Мамелфе Тимофеевне, жалуются на богатыря.

Говорит ему Мамелфа Тимофеевна:

— Неладно ты поступаешь, добрый молодец, слуг моих бьешь, в дом ко мне силой врываешься; кабы был жив милый сын мой Добрынюшка, не сносить бы тебе головы, уходи-ка отсюда подобру-поздорову.

— Напрасно, честная вдова Мамелфа Тимофеевна, плачешь ты о смерти сына, — промолвил Добрыня, — сын твой жив и здоров; я его третьего дня сам видел; поехал он к Царь-граду, а мне наказал, как буду в Киеве, чтобы поклон тебе свез, узнал, как поживает его молодая жена, Настасья Микулична.

Заплакала Мамелфа Тимофеевна:

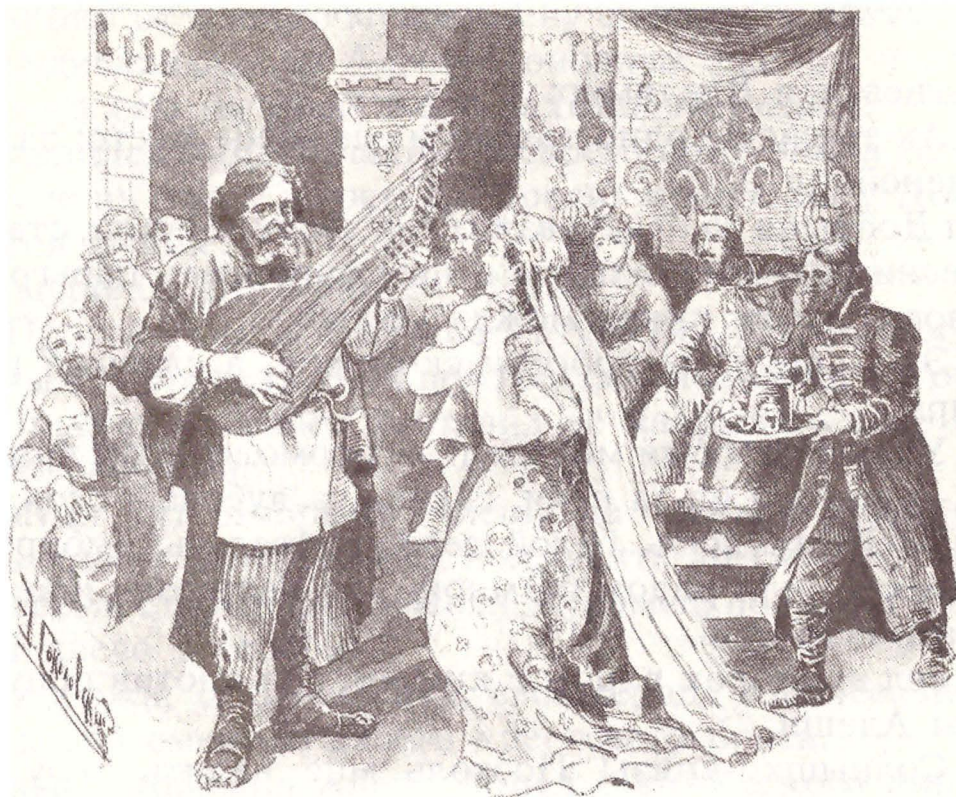
— Шесть лет тому назад привез мне Алеша Попович весточку о том, что сын мой, Добрыня, лежит в чистом поле убитым, а сегодня Настасья Микулична идет за Алешу замуж.

— Матушка, родимая! посмотри на меня, ведь я и есть твой сын.

Не узнает его матушка родимая.

— Смеешься ты над старухой, добрый молодец! Не похож ты вовсе на моего милого сына: у Добрынюшки лицо

было белое, очи ясные, как у сокола, платье цветное, лапотки из семи шелков; а ты пришел весь в лохмотьях, загорелый да худой!

— За двенадцать лет, милая матушка, платье мое цветное износилось, лицо загорело, очи помутнели.

— У моего сына,— говорит Мамелфа Тимофеевна,— на ноге была черная родинка.

Снял Добрыня сапог, увидела мать знакомую меточку, плачет от радости, обнимает милого сына.

— Матушка,— просит Добрыня,— давай скорей мои гусли звонкие, неси платье скоморошье, снаряжай меня на пир к князю Владимиру.

Идет Добрыня в гридню княжескую, расталкивает придверников, привратников, ни у кого не спрашивается; не узнают его слуги, бегут жаловаться на него князю.

А Добрыня кланяется князю в пояс, спрашивает его смело:

— Укажи мне, князь Солнышко, где мое место скоморошье?

Разгневался Владимир:

— Ах ты, неуч, одно только и есть тебе место: за печкой муравленой.

Сел Добрыня за печку, взял свои звонкие гусли, стал напевать песни родимые, напевы к ним прибирать царьградские.

Говорят гости князя между собою:

— Это, видно, не простой скоморох, а славный русский богатырь.

— Удалый добрый молодец! — промолвил тут князь Владимир, — выходи из-за печи, садись за дубовый стол, хлеба-соли нашей откусывать, белой лебеди отведавать; выбирай себе любое место: или рядом со мной, или напротив, или садись, куда сам захочешь.

Не сел скоморох рядом с князем, сел против обрученной невесты Алеши.

— Солнышко-князь! Позволь мне налить чару зелена вина, поднести ее, кому сам захочу.

Налил Добрынюшка чару зелена вина, опустил в нее свой золотой перстень, подносит чару молодой невесте.

— Молодая Настасья Микулична, принимай эту чару одной рукой, выпивай одним духом: выпьешь чашу до дна — увидишь что-то доброе, не выпьешь чаши до дна — не бывать добра.

Как выпила Настасья Микулична чашу до дна — увидела на дне золотой мужнин перстень, обрадовалась, вскочила из-за стола, говорит князю:

— Солнышко-князь! не тот мой муж, что со мной рядом сидит, а тот, что сел напротив на скамеечке, чару зелена вина дал мне выпить.

И упала Настасья Микулична Добрыне в ноги.

— Прости меня, мой любимый муж, что ослушалась я твоего приказа, пошла замуж за Алешу Поповича.

— Не своей ты волею замуж шла, — говорит Добрыня, — а удивляюсь я на князя Владимира да на княгиню Евпрак-

сию, что они от живого мужа жену за другого сватают. Еще больше удивляюсь я на Алешу Поповича; знал он, что жив я, здоров — а сам на моей жене захотел жениться.

Застыдился князь Владимир своего поступка, а Алеша со страху еле на ногах держится, просит прощения у Добрыни, кланяется в пояс.

Нахмурился Добрыня:

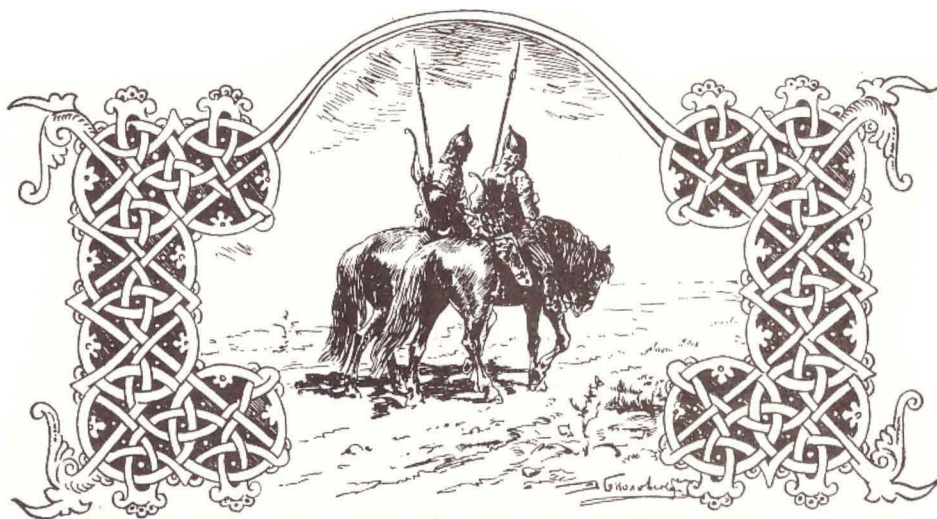
— Простил бы я еще тебе эту вину, да не могу тебе простить, что привез ты лживую весть о моей смерти; огорчил мою родимую матушку, заставил ее надрывать свое сердце слезами горячими!

Ухватил тут Добрыня Алешу за желтые кудри, хочет бросить Алешу о кирпичный пол, убить до смерти, да подошел вовремя старый казак Илья Муромец, положил Добрыне руку на плечо и говорит:

— Удержи, Добрынюшка, свое сердце горячее, не наказывай лютой смертью своего крестового брата.

Оставил Добрыня Алешу, ушел с княжеского пира, вернулся в свой светлый терем, ведет за руку жену молодую; словно солнышко в небе воссияло, словно месяц тихий засветился, как вернулся к себе в дом славный богатырь Добрыня Никитич. Стал он жить-поживать вместе с родимой матушкой да молодой женой: зажили они без горя, без заботушки, лучше прежнего. А Алеша со стыда уехал из Киева в чужую дальнюю сторону.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

У соборного попа Ростовского был молодой сын, удалый добрый молодец, Алеша.

Научился Алеша на коне ездить, научился мечом владеть и приходит к милому родителю просить благословения на путь-дорогу: хочет Алеша поехать к морю, пострелять гусей-лебедей, малых серых утушек, поискать богатырских подвигов.

Отпустил отец Алешу в путь-дорогу; вывел Алеша из конюшни своего доброго коня, оседлал его, приговаривает:

— Не оставь меня, добрый конь, в чистом поле серым волкам на растерзанье, черным воронам на расхищенье, удалым богатырям на забаву.

Одел на себя Алеша богатырские доспехи, взял с собой доброго молодца, Екима Ивановича, своего названного брата, и выехал в поле; едут богатыри рядом: нога в ногу, стремя у стремени, плечо о плечо, едут с утра до вечера, нигде не мешкают, у рек перевоза не спрашивают; доехали до распутья трех дорог; лежит посредине белый камень, а на нем вырезана какая-то надпись.

Говорит Алеша Екиму:

— Ты, братец, человек умный, грамоте разумеешь; прочти-ка, что на камне написано.

Читает Еким Иванович, что одна дорога ведет в Муром, а другая в Чернигов, третья прямо к городу Киеву.

— Куда поедем? — спрашивает Еким Алешу.

— Поедем прямо в стольный Киев, к ласковому князю Владимиру.

Повернули они коней на дорожку прямоезжую, доехали до Сафат-реки, раскинули на лугу полотняный шатер, стреножил Еким коней богатырских, пустил их в травку в чистое поле, а сами богатыри легли в палатке отдохнуть.

Прошла и длинная ночь осенняя; встал Алеша рано, росой умылся, богу помолился. Тем временем Еким оседлал коней, и уже хотели богатыри пуститься в путь-дорогу.

Тут как раз подходит к ним калика перехожий, нарядный: разодет в шубу соболью, лапотки у него семи шелков, серебром, золотом расшиты, в руках палица весом в пятьдесят пудов заморским свинцом налита.

Говорит калика богатырям:

— Добрые молодцы! видел я сегодня Тугарина Змеевича, чудовище страшное: ростом он в три сажени, от плеча до другого косая сажень, между глаз стрела каленая уляжется; конь под ним, словно лютый зверь: из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет.

Захотелось Алеше побороться со змеем, просит он калику, чтобы уступил ему ненадолго свое платье каличье, надел пока его богатырское.

Поменялись они одеждой: пошел Алеша на Сафат-реку. Как увидал его Тугарин — закричал ему громким голосом, так что всколыхнулась мать земля сырая:

— Гей, калика перехожая, не видал ли ты молодого Алешу Поповича; я бы его копьем заколол, огнем спалил!

Стоит Алеша еле жив со страху, однако говорит змею:

— Не слышу, что говоришь ты, Тугарин Змеевич; подъезжай сюда поближе, скажи погромче.

Поверил ему Тугарин, подъехал к нему вплотную. Как ки-

нет ему в лоб Алеша палицу свою тяжелую в пятьдесят пудов — расшиб Тугарину голову; упал змей навзничь.

Снял Алеша с Тугарина цветное платье ценой во сто тысяч и на себя надел, сел на змеева коня и поехал назад.

Увидали его Еким Иванович с каликою, испугались, подумали, что сам Тугарин гонится за ними, побежали к городу Ростову, Алеша за ними, кричит:

— Пойдите, братцы!

Куда! Никто и не слушает. Еким Иванович, со страху не оглядываясь, запустил в Алешу свою палицу, попала палица прямо в грудь молодецкую. Видит Еким, что враг его свалился с коня, вернулся, выхватил свой кинжал булатный, хочет рубить Алеше грудь белую, да увидел на нем золотой крест — остановился, заплакал горько.

— Наказал меня бог; убил я своего братца названного.

Стал Еким с каликой приводить Алешу в себя: влили ему вина в рот, водой его холодной sprыснули; встал наконец Алеша, шатается, словно хмельной.

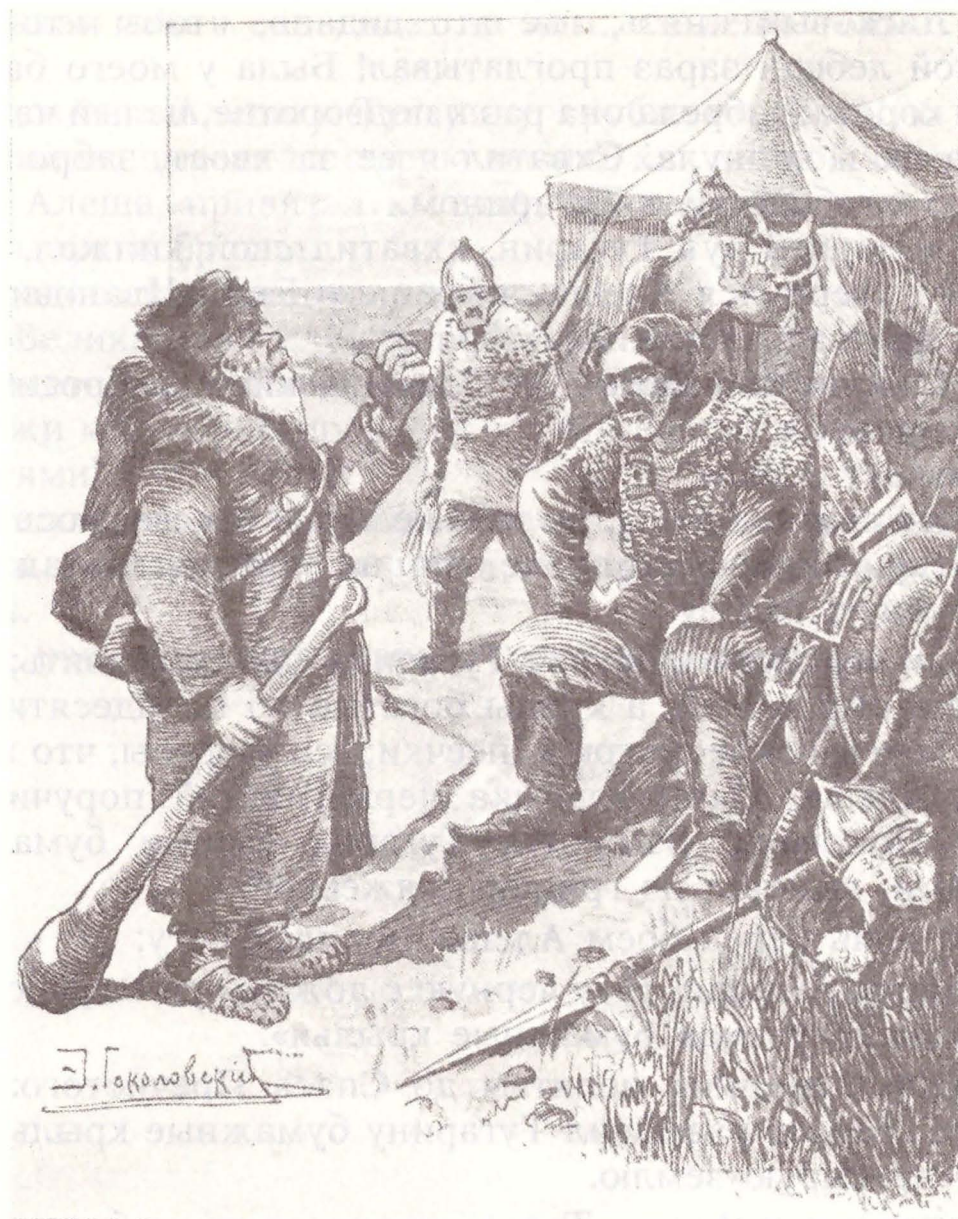
Переменился потом Алеша с каликой одеждой, надел свое богатырское платье, а Тугариново в сундук спрятал, и поехали они с Екимом Ивановичем в Киев.

Прибыли они на княжий двор, слезли с коней; пошел Алеша в гридню княжескую; входит — крестом себя осеняет, кланяется на все четыре стороны.

Спросил князь Алешу об имени-отчестве, посадил его на лучшее место, ласковым словом приветствовал.

Только сел Алеша за стол, видит: отворяются двери гридни и двенадцать сильных богатырей вносят на пир Тугарина Змеевича: лежит Тугарин на золотой доске, проносят его на лучшее место между князем и княгиней. Как начали разносить кушанья сахарные, видит Алеша, что Тугарин по целой ковриге хлеба глотает, чашей меду величиной с ведро каждое кушанье запивает.

— Что за невежа, мужик неотесанный, к тебе, князь Солнышко, на пир попал? — спрашивает Алеша Владимира. — Была у моего батюшки старая собака, жадная на еду;

однажды стащила она большую кость да и подавилась; пришлось забросить собаку под гору в яму! То же будет и с Тугарином.

Почернел Тугарин со злости, однако промолчал на первый раз; Алеша просветлел, словно светлый месяц.

Принесли на стол белую лебедь; взял Тугарин лебедь с блюда, всю зараз проглотил.

Говорит Алеша:

— Ласковый князь, где это видано, чтобы кто-нибудь по целой лебеди зараз проглатывал! Была у моего батюшки старая корова; забрела она раз к подворотне, целый чан браги выпила да и лопнула. Схватил я ее за хвост, забросил под гору; то же будет и с Тугарином.

Не вытерпел тут Тугарин, схватил свой кинжал, пустил в Алешу; увернулся Алеша, а брат его Еким Иванович перехватил кинжал, спрашивает брата:

— Сам ли ты, Алеша, в Тугарина кинжал бросишь или мне велишь?

Отвечает Алеша:

— Ни сам не брошу, ни тебе не велю: переведаюсь я завтра с Тугарином в чистом поле один на один; на заклад ставлю свою буйную голову.

Стали все гости князя за Тугарина заклад ставить; ставят бояре по сто рублей, а купцы богатые по пятидесяти, а мужички деревенские по три копейки; все уверены, что несдобровать Алеше. Один владыка черниговский поручился за Алешу Поповича. Взмахнул Тугарин своими бумажными крыльями, вылетел из грядни княжеской.

Всю ночь перед боем Алеша молился богу:

«Пошли, господи, тучу черную с дождем да с градом, чтобы размокли у змея бумажные крылья».

Дошли Алешины молитвы до Спаса Пречистого: полил дождь с градом, размочил Тугарину бумажные крылья; упал злодей на сырую землю.

Поехал тогда Алеша Тугарину навстречу — биться с ним смертным боем; кричит Тугарин Алеше:

— Вот я тебя огнем спалю, а не то конем затопчу или копьем заколю; выбирай, что тебе лучше нравится!

Говорит Алеша:

— Нехорошо ты, Тугарин, поступаешь! Хотел биться со мной один на один, а сам ведешь за собой грозную силу.

Удивился Тугарин речам Алеша, обернулся назад посмот-

реть, какая такая сила идет за ним, а Алеше только того и надо.

Подскочил Алеша к Тугарину, срубил ему буйную голову, упала голова змеева на сырую землю, как пивной котел. Поднял ее Алеша, привязал к седлу, привез в Киев на княжий двор да тут и бросил.

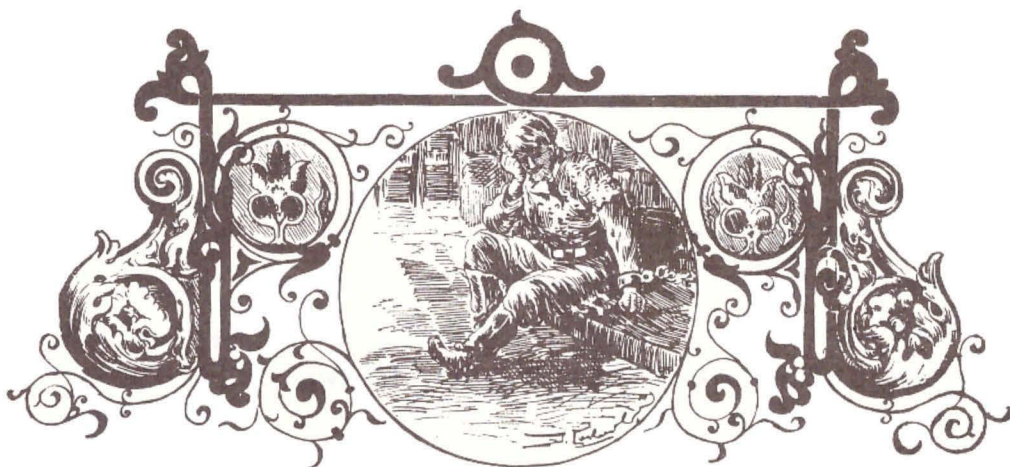
Обрадовался Владимир-князь:

— Велика твоя служба, славный богатырь: свет ты мне дал увидеть, как избавил меня от Тугарина! Оставайся в Киеве, служи мне верой-правдою; я тебя щедро награжу своими милостями!

Остался Алеша в Киеве, служил князю верой-правдою не один десяток лет, перебил не одну сотню врагов княжеских.

Так рассказывают старые славные былинушки.

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Пирует князь Солнышко в своих просторных палатах; гостей у него видимо-невидимо.

Веселятся гости; хорошо они угостились, языки у них поразвязались, кто чем гости порасхвастались.

Хвастает князь Владимир славным Киевом-городом, богатыри могучие хвалятся своей силушкой, а гости — купцы заезжие — своими несметными богатствами, лисицами, куницами, пушистыми соболями; хвалится Добрыня быстрым конем, хвалится Алеша золотой казной, хвалятся умные знаменитым родом; хвалится глупый женой-красавицей.

Только один заезжий богатырь земли литовской, Ставр Годинович по имени, сидит, молчит; ничем не хвалится добрый молодец!

Говорит ему князь Владимир ласковое слово:

— Отчего ты молчишь, добрый молодец, ничем не хвалишься? Или у тебя на родине нет городов с пригородами, сел с приселками, нет платья цветного, камней драгоценных; или ты роду незнаменитого, нет у тебя жены-красавицы?

Поднял Ставр на князя свои соколиные очи:

— В Литве у меня, князь, есть и города богатые, и села с приселками, и казна несчетная; платье мое цветное не изнашивается, кони добрые не изъезживаются, слуги верные не

стареются; есть у меня тридцать сапожных мастерских, сошьют мне сапоги — я их день поношу, на базар отправлю, купят их у меня ваши же князья-бояре. Есть у меня немало портных — шьют они платье цветное, каждый день новое. Я его раз надену, потом на базар пошлю — купят его у меня ваши князья-бояре, носить станут, похваливать. Да не стоит этим хвалиться. А вот есть у меня молодая жена, Василиса Микулична; не сыскать во всем свете другой такой красавицы: во лбу у ней сияет светлый месяц, в косе рассыпаны частые звезды, брови у ней соболиные, очи соколиные, а разумом она всех князей-бояр превзойдет; самого тебя, Владимир-Солнышко, перехитрит, если захочет.

Помолчали немного гости, а потом и говорят Владимиру:

— Не в меру да не вовремя Ставр расхвастался. Посади его, Солнышко-князь, в глубокие подвалы; посмотрим, как жена будет выручать его, как она разумом всех бояр превзойдет, самого тебя, князь, перехитрит!

Послушался Владимир своих гостей и засадил Ставра в темницу ровно на тридцать лет.

К счастью, был со Ставром на Руси старый, верный слуга; послал его Ставр домой к Василисе Микуличне, чтобы ехала она выручать мужа.

Говорит посол Василисе:

— Свет Василиса Микулична! сидишь ты тут за столами набранными, пирами тешишься; не чуешь над собой новой беды. Расхвастался муж твой Ставр на киевском пиру своим богатством да женой-красавицей, обидел князя Владимира и его гостей, и засадили его в темницу на тридцать лет!

Опечалилась Василиса Микулична; стала раздумывать, как помочь горю:

«Деньгами мне Ставра не выкупить — казны у меня столько нет; силой не выручить — силы не хватит; попробую выручить Ставра хитростью да уловкою».

Обрезала Василиса длинные свои косы, нарядилась в мужское татарское платье, взяла с собой тридцать молодцев дружины и поехала с ними к городу Киеву.

Раскинула Василиса под Киевом свой белополотняный шатер, оставила в нем свою дружинишку, а сама направилась в стольный город прямо в гридню княжескую, бьет челом Владимиру-Солнышку.

— Здравствуй, князь Владимир, стольно-киевский! Здравствуй и ты, молодая княгиня Евпраксия!

Спрашивает Владимир доброго молодца об имени-отчестве.

— Родом я из Литвы,— говорит Василиса,— я сын короля ляховецкого, по имени Василий Микулич, а приехал я к тебе, князь, с добрым делом; хочу посватать за себя дочь твою, княжну.

— Что ж, я не прочь,— отвечает Владимир,— отдать за тебя свою княжну; только сначала пойду посоветуюсь с нею.

— Государь родимый батюшка,— возразила Солнышку его дочь,— неудачное ты дело задумал: не видишь разве, что выдаешь меня замуж за женщину? Посмотри-ка на посла хорошенько: речи у него тихие, женские, руки тоненькие, беленькие, от перстней видны следы на пальцах!

Решил тогда Владимир испытать посла и говорит ему:

— Свет Василий Микулич, не хочешь ли с дороги сходить в баню помыться и отдохнуть?

— Что ж, это не худо! — отвечает посол.

Истопили баню; пока князь Владимир собирался мыться да созывал слуг, чтобы несли за ним его цветные платья, Василиса живо отправилась в баню, никого не дожидая; одной рукой умывалась, другой одевалась; идет князю навстречу, благодарит за милость, за славную теплую баенку.

— Что ж так поторопился,— спрашивает Владимир,— не подождал моих слуг? Они бы тебя помыли и одели.

— Некогда мне, князь, ждать долго; ты ведь у себя дома, а я в гостях; мне надо домой торопиться; решай же поскорее, отдаешь ли за меня свою дочь?

Не хочет княжна выходить за Василия Микулича, все свое толкует, что посол — женщина.

Решил Владимир еще испытать посла по-другому.

— Не хочешь ли позабавиться, Василий Микулич, пострелять с нашими молодцами в чистом поле; чья стрела попадет на острие ножа, расколется на две равные половинки?

Отправилась Василиса в поле с княжими стрелками; несут

за ней ее лук тяжелый: за один конец его пятеро держат да за другой пятеро, а колчан и тридцати молодцам не под силу поднять. Стали стрелять княжие стрелки: один стрелял — не дострелил, другой стрелял — перестрелил.

Взяла тут Василиса Микулична свой лук одной рукой, натянула тетиву: скользнула стрела по острию ножа, раскололась на две половинки — обе на вес верны, на меры равны.

И этого испытания мало показалось княжне. Говорит Владимир послу:

— Не хочешь ли, Васильюшка, с моими дружинниками на широком дворе силушкой померяться?

Не отказался Василий Микулич и от этой потехи; стал посол литовский по двору похаживать, с княжими дружинниками борьбу вести: кого за руку схватит — тому плечо вывернет; кого возьмет за ногу — ногу оторвет; остальных кого поднимет, три раза перевернет, о землю ударит, тут им и конец приходит.

Испугался Владимир, стал посла упрашивать:

— Уймись, добрый молодец, не губи моих людей.

— Приехал я к тебе, князь, с добрым делом, — говорит посол, — свататься к твоей дочери; отчего же ты не даешь мне никакого ответа? Отдавай ее за меня честию, а не то силой возьму.

Перестал Владимир с дочерью советоваться; просватал ее за посла, задал великий пир.

Сидит Василий Микулич на пиру невесел, призадумался о чем-то глубоко.

Спрашивает Владимир-князь:

— Отчего сидишь нерадостен, добрый молодец? Какую думу думаешь?

— Что-то мне невесело, ласковый князь; уж не случилось ли у нас дома что-нибудь недоброе? Мать здорова ли? Да и гусяры твои, князь, все поют нерадостные песни. Нет ли у тебя певцов получше? Слыхал я дома, что есть у тебя славный

певец, Ставр Годинович; он из нашей земли, поет наши песни; прикажи его выпустить из темницы, пусть споет нам на пиру.

Думает Владимир:

«Не выпустить Ставра — прогневишь, пожалуй, грозного посла, выпустить — только Ставра и видели!»

Но делать нечего; послал князь слуг за Ставром; расковали доброго молодца, привели на пир, запел он песни радостные да звонкие, понравилось Василию Микуличу его пение, просит посол Владимира:

— Отпусти, князь, певца в мой шатер белополотняный; пусть моя дружина послушает Ставровых песен.

Не смеет Владимир ослушаться посла, отпустил с ним Ставра.

По дороге к шатру Василиса говорит Ставру:

— Неужели не признаешь меня, добрый молодец? Ведь мы с тобой грамоте вместе учились.

— Никогда я тебя и в глаза не видел,— отвечает Ставр.

Рассмеялась Василиса Микулична; как приехали они в шатер, сняла она свое платье посольское, надела женский наряд; тут Ставр узнал ее, обрадовался.

— Свет ты мой, Василиса Микулична, поедem отсюда скорей на Литву.

— Стыдно нам, милый муж, уезжать из Киева крадучись; поедem к Владимиру пир кончать.

Спрашивает на пиру Василиса у князя Владимира:

— За что, князь, заковал ты Ставра в цепи, посадил в глубокий погреб?

— За то, что не вовремя, не в меру хвалился Ставр своей женой-разумницей.

Говорит посол:

— А что у вас на Руси за обычаи: выдаешь ты, князь, княжну замуж за женщину!

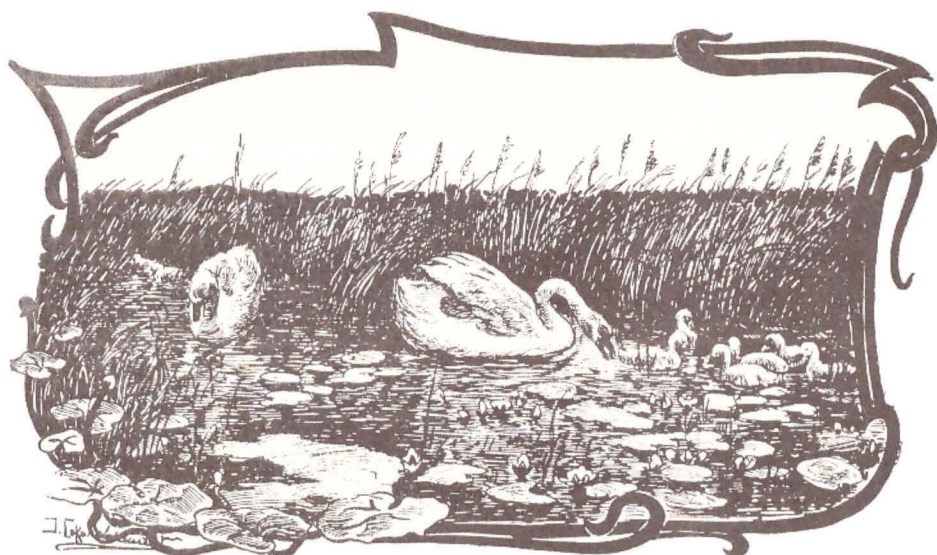
Увидел тут Владимир свою ошибку, понял, что недаром Ставр хвалился своей женой: всех она одна перехитрила; сам князь в обман дался.

Говорит Владимир:

— Правду Ставр рассказывал о своей жене: другой такой не найдется на всем свете красавицы и умницы. Отпускаю тебя, Ставр, на свободу; торгуй по всему Киеву безданно, беспошлинно.

СУХМАН ОДИХМАНТЬЕВИЧ

Полна веселых гостей светлая великокняжеская гридня; уже пир в полпир; уже отведали гости вин заморских, медов боярских крепких; еще больше развеселились, разгулялись, кто чем порасхвастались: кто хвалится силой, удалью молодецкой, кто богатствами несметными, кто знатным родом боярским.

Сидит себе Сухман-богатырь в сторонке, в разговор не вступает, ничем не хвалится.

Подошел к нему сам Владимир-Солнышко.

— Отчего ты, добрый молодец, сидишь невесел, не пьешь вин заморских, белой лебеди не хочешь отведать, не хвалишься своей удалью богатырской; кто-нибудь над тобой не посмеялся ли? Кравчий не обнес ли тебя чарою?

Отвечает Сухман Одихмантьевич:

— Не люблю, князь Солнышко, похваться, даром слова терять; а если хочешь, привезу тебе без похвальбы белую лебедь живую, нераненую!

И встал богатырь из-за стола, оседлал коня, взял нож да палицу тяжелую и поехал к синему морю, на тихие заливы-заводи ловить прекрасную белую лебедь.

Проехал богатырь по одному берегу — нет ни гусей, ни лебедей, ни даже малых серых утиц с утенышами; повернул в другую сторону — не нашел ни одной птицы, и сколько ни ездил — ловить нечего.

«Как ехать к Владимиру-князю с пустыми руками? Не быть мне живу, если ничего не привезу ему. Поеду еще к Днепру-реке попытать счастья; там не изловлю ли я белую лебедь?»

Приезжает Сухман к Днепру-реке; течет река не по-прежнему, вся замутилася, вся вода в ней с песком смешалася; стал Сухман спрашивать:

— Что с тобой, мать Днепр-река, приключилось; отчего течешь не по-прежнему, замутила свои светлые воды?

— Как не замутиться мне, добрый молодец, как мне течь светло по-старому? Ведь за мной стоит несметная сила татарская: сорок тысяч поганных татар; мостят они через меня мосты деревянные крепкие: что днем намостят — ночью я волнами размою, повырву дубы крепкие, разломаю их в щепки, разбросаю в разные стороны; только стала я уже из сил выбиваться: истомила, извела меня тяжкая работа.

Разгорелось у Сухмана богатырское сердце, и надумал он перевесться с татарской силой. Направил Сухман своего коня через реку на крутой берег; взвился конь, как птица, — вмиг очутился на другом берегу; видит Сухман — стоит на дороге дуб вековой крепкий; выдернул он тот дуб из земли вместе с корнями, взял с собой, промолвил:

— Пригодится мне этот дуб перевесться с татарской силою.

Ехал Сухман долго ли, коротко ли, наехал на татарскую несметную силу; стал Сухман среди татар поезживать, вековым дубом помахивать, поганных татар поколачивать: где размахнется — полягут татары улицей, отвернется — уложит поганных переулками, и перебил всех татар, только трое спаслись, укрылись за ракитовым кустом, сидят, не шелохнутся.

Как поехал Сухман назад мимо ракитовых кустов, пустил татарин стрелу в богатыря; вонзилась стрела в бок Сухма-

ну; вынул добрый молодец стрелу из раны, приложил на больное место маковых листьев, и зажила рана. Тут Сухман зарубил мечом и остальных татар.

Вернулся Сухман в Киев, на пир в княжескую гريدню, а князь Владимир по гريدне похаживает, желтыми кудрями помахивает, спрашивает богатыря:

— Привез мне, добрый молодец, белую лебедь живую, нераненую?

— Солнышко-князь! некогда мне было охотиться на белых лебедей; встретил я за Днепром великую силу татарскую, шла она на стольный славный Киев, мостила через Днепр-реку мосты калиновые; днем татары мосты мостили, ночью их река повырывала... и побил я всю силу татарскую: ни много ни мало — сорок тысяч.

Не поверил Владимир Сухману; приказал слугам взять бо-

гатыря за белые руки, свести, бросить в погреба глубокие за ложные вести, за неразумную похвальбу. Однако послал Владимир Добрыню к Днепру разузнать, не подвигается ли к Киеву в самом деле татарская сила?

Вернулся Добрыня к Владимиру с чудной вестью:

— Истинную правду рассказал нам Сухман Одихмантьевич: нашел я за Днепром татарскую силу побитую несметную; поднял на поле и Сухманову дубину, вся она на щепки раскололась, а весом дубинка в девяносто пуд.

— Верные мои слуги,— говорит Владимир,— идите скорее в глубокие погреба, выведите Сухмана, пусть предстанет он пред мои светлые очи; хочу его пожаловать за великую его службу городами с пригородами, селами с приселками или казной несчетной.

Вышел Сухман из погреба... только не захотел он предстать к Владимиру пред его пресветлые очи, обиделся Сухман на князя.

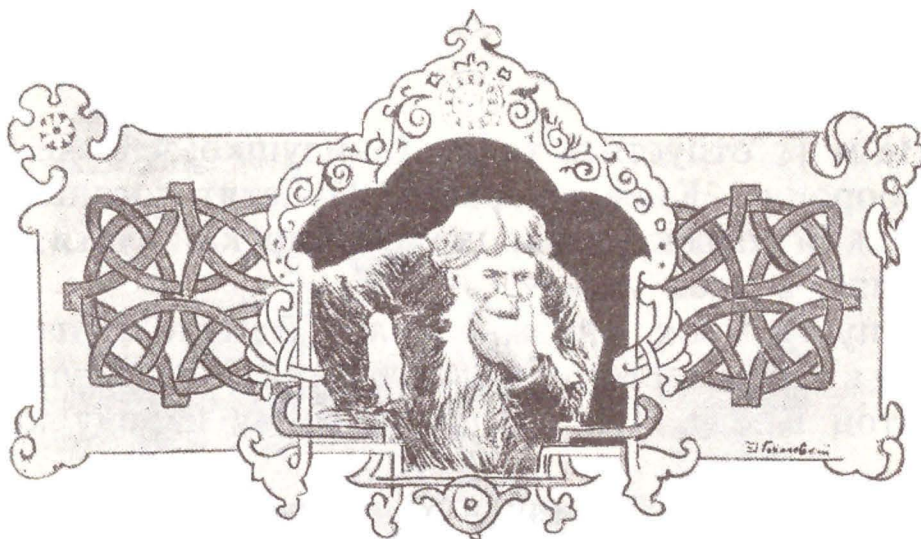
— Не умел меня князь пожаловать прежде за мою верную службу, не увидит он моих светлых очей.

Вынул Сухман маковые листочки из своей глубокой раны; хлынула на землю алым потоком кровь его горячая. Говорит Сухман:

— Теки, кровь моя неповинная, горячая, пролейся Сухман-рекою по далекому чистому полю!

И протекла из крови Сухмана-богатыря река глубокая да бурливая, а сам он тут и смерть принял, и песне нашей тем положил конец...

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧ И СЫН ЕГО МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

Кручинен сидит на пиру у Владимира старый богатырь Данило Игнатьевич, сидит, молчит, повесил свою буйную голову.

Спрашивает Владимир-Солнышко:

— Что призадумался, славный богатырь, о чем закручился, отчего не в радость тебе мой веселый пир? Отчего ничем на пиру не хвалишься?

Поклонился Данило Игнатьевич великому князю в землю и говорит:

— Нечем мне хвалиться, Солнышко-князь! Не было у меня ни дворцов богатых, ни золотой казны, да и сила у меня была не бог весть какая: служил я тебе, князь, верой-правдою пятьдесят лет, убил восемьдесят вражых царевичей, а простого народа столько перебил, что даже и не упомяну. Девяносто лет мне от роду; не могу я больше служить тебе, ласковый князь! Отпусти меня в честной монастырь, в тесную

келью, пора мне и о душе подумать, время замаливать тяжкие свои грехи!

Отвечает Владимир:

— Не могу отпустить тебя, Данилушко; кто же без тебя станет оборонять Киев от врагов? Налетят поганые татары, церкви божии повыжгут, народ христианский пустят по миру, меня, князя, в плен уведут!

— Отпусти меня, князь, — молит Данило Игнатьевич, — пришлю я к тебе вместо себя своего сына, Михайлушку, будет он защитой Киеву, будет оградой всему народу христианскому.

Отпустил князь Данилу в монастырь спасти грешную душу, богу молиться за него, князя Солнышка, и за всех православных христиан.

Узнал неверный царь о том, что нет уже более в Киеве могучего богатыря Данилы, двинулся под Киев с несметными ордами, требует, чтобы князь Владимир выслал к нему какого-нибудь богатыря на поединок.

Вышел князь Солнышко на балкон своего высокого терема, посмотрел в поле — ужаснулся: словно туча черная, стоит в поле неверная сила; облегла славный стольный город и с полудня и с севера.

Созвал Владимир к себе на совет князей, бояр богатых, богатырей могучих, спрашивает их:

— Кто из вас, князь-бояре, удалые молодцы, съездит в поле, пересчитает силы неверные, чтобы нам потом поразмыслить, как расправиться с погаными?

Молчат богатыри: больший прячется за среднего, средний за младшего, а младший боится и слово вымолвить.

Поднялся тут молодой Михайло Данилович, подходит к князю, отдает низкий поклон и молвит:

— Отпусти меня, князь, пересчитать неверных!

— Ох, Михайлушко, молод ты больно, разумом еще не дошел: всего-то тебе навсего двенадцать лет от роду. Даром сложишь свою бедную головушку!

Не понравились Михайле Данилычу такие речи; вышел он

из гридни, как захлопнет за собой с сердцов дубовые двери — на мелкие щепки двери раскололись, вся гридня зашата-лась.

Взял Михайло у родимой матушки благословение ехать в чистое поле навстречу неверным, оседлал доброго коня и отправился в путь.

Едучи по полю, раздумался Михайло:

«Неладно я сделал, что уехал в дальнюю дорогу, не благословясь у своего родимого батюшки, старца Данилы!»

И поворотил Михайло коня к монастырю, где жил старец

Данило; чувствует Михайло — земля под ним всколебалась: это вышел отец его к нему навстречу.

— Куда, Михайло, путь держишь?

— Еду, батюшка, в чистое поле переведаться с неверными.

Не хотел Данило отпускать своего сына в опасный путь.

— Молод ты, Михайло, для такого дела, разумом еще не дошел!

Рассердился Михайло, не стал и слушать отцовских советов, повернул коня назад... Пожалел его Данило, кричит вдогонку:

— Вернись, милый сын! возьми мое благословение; слушай, что скажу тебе: как выедешь ты в чистое поле да будешь близ большого холма, крикни, сколько хватит голосу: «Приди сюда, бурушка, лошадь добрая! Служил ты батюшке моему верой-правдою — послужи теперь мне, Михайлушке»; прибежит к тебе на голос конь бурушка. Как будешь ты стоять на высокой горе — отмерь от бурушки пять аршин и разрой землю на том месте: в земле найдешь для доброго конька золотую богатую сбрую.

Все исполнил Михайло, как научил его родимый батюшка: позвал бурушку, оседлал его золотой сбруей, взял в руки тяжелую палицу да саблю острую, а отец за сына горячо молился господу Спасу и святой богородице:

— Спаси, господи, сына моего Михайла, помоги ему, Пресвятая Богородица, оборонить Киев от неверной силы!

А по дороге к татарскому стану говорит бурушка Михайле человеческим голосом:

— Слушай меня, Михайлушко, бей силы неверные с краю, а не заезжай в середину; да знай, что, когда выкопают татары три глубоких погреба, воткнут в них стоймя острые копыя — перескочу я через первый окоп, перескочу и через второй, а через третий не смогу перескочить!

Ударил Михайло коня по крутым бедрам:

— Ах ты, трус, травяной мешок, жалкий конь! Не хочешь мне служить как следует!

Да и направил коня в самую середину войска; перескочил конь через первый окоп, миновал и второй, а на третий раз запутался в натянутых татарами веревках, уронил Михайла в глубокий погреб.

Схватили татары богатыря за белые руки; надели на них

шелковые петли, заковали в железо резвые ноги, повели Михайла к самому хану Уланищу.

Взмолился Михайло Пречистому Спасу с Богородицей:

— Господи, не отдай меня на смех поганым татарам! Всю жизнь стану я служить верой и правдой князю Владимиру, стоять грудью за веру христианскую, за святые божии церкви.

Говорит Михайле Богородица:

— Подними, богатырь, руку правую выше головы, опусти левую ниже пояса!

Тут у Михайлы силы втрое прибыло: разорвал он на руках и ногах свои цепи, ухватил тяжелую ось да и давай ею по татарам помахивать; прискакал сюда же к нему и добрый конь бурушка, вскочил Михайло на коня, зашел справа татарской силе; побил и в плен понабрал поганых татар, а царю Уланищу отсек голову, насадил ее на острое копье, везет голову, сам удивляется: уши у царя словно блюдо, а глаза как пивные чаши, нос ростом с боевую палицу.

Едет Михайло домой, видит — идет по полю старец Данило; клюка у него в сорок пуд; ходит Данило по полю, мертвых татар клюкой переворачивает, ищет среди них убитого милого сына Михайлу, приговаривает жалобно:

— Убили поганые татары милого моего сына Михайлушку!

— Что ты тут ищешь, старче Данило? — спрашивает Михайло у отца.

Не узнал его Данило, замахнулся клюкою:

— Ах ты, поганый татарин! Подъезжай-ка сюда поближе; вот я рассеку тебя клюкой надвое, и с конем вместе!

— Постой, милый отец, — говорит Михайло, — подними-ка свой клубук да посмотри на меня!

Обрадовался старый, увидав милого сына здоровым и невредимым, спрашивает его:

— Куда, Михайлушко, путь держишь?

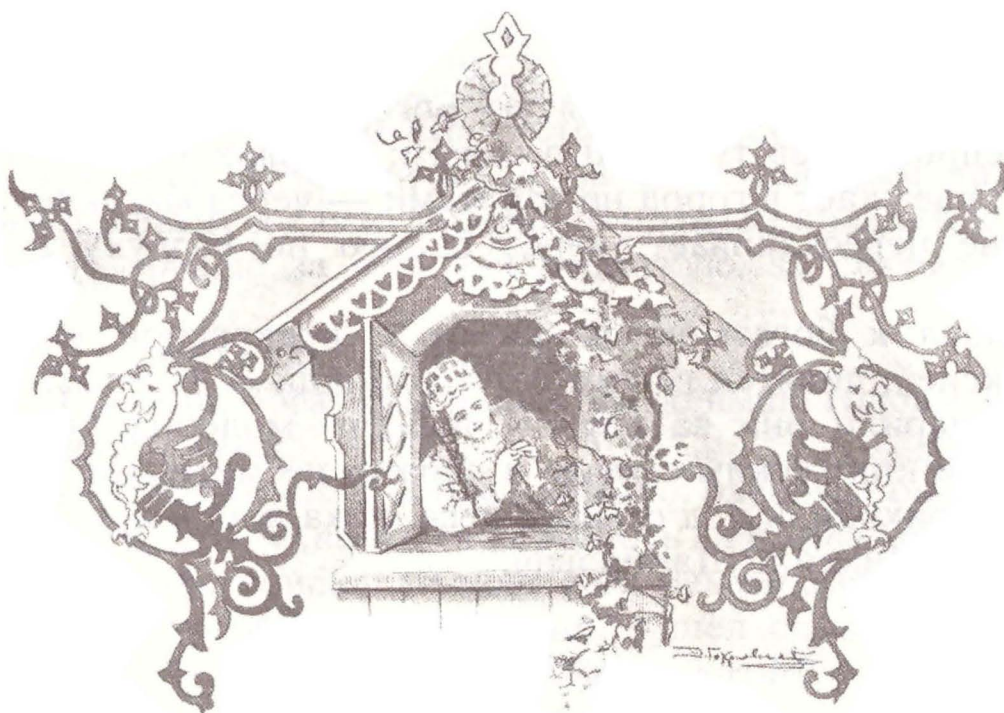
— Еду, батюшка, к князю Владимиру; плохо мне тут приходилось, чуть не срубили меня поганые татары, да помогли

мне молитвы твои усердные, вызволили меня из беды. Как вернешься ты в монастырь, моли за меня, грешного, Спаса Пречистого да мать Пресвятую Богородицу!

Распрощались тут отец с сыном; направился Михайло к Киеву; въезжает в город не воротами — через высокие стены на коне перескакивает, через башню по воздуху перелезает.

Вышел к богатырю Владимир с прекрасной княгиней Евпраксией; дивятся голове царя Уланища... Веселым пиром отблагодарили они за службу доброго молодца; подарили ласковым княжеским словом и дарами несметными. А враги уже не приходили под стены Киева, пока жил в нем славный богатырь Михайло Данилович.

БОГАТЫРЬ МИХАЙЛО ПОТОК

I

Стал Владимир-князь раздавать службы своим могучим богатырям:

— Свет Илья Муромец! съезди-ка ты на гору Сорочинскую, побей неверную татарскую силу. А ты, добрый молодец Добрыня, поезжай за море, прибавь земельки Святорусской, привези немалые дани. Поезжай и ты, славный богатырь Михайло Поток, в черные леса дремучие, в государство Лиходеево; возьми с царя Лиходея дани за двенадцать с половиною лет.

И поразъехались богатыри в разные стороны, кому куда было наказано от князя Владимира.

Приехал Михайло Поток в землю Лиходееву, остановился среди чиста поля, раскинул над собою шатер полотняный, на шатер надел золотую маковку, и горит она словно жар, светится далеко в поле.

Думает Поток:

«Не годится мне ехать к Лиходею сонному да голодному; лучше я пережду эту ночь да выплусь хорошенечко».

Вышла поутру Лиходеева дочь, царевна Марья — Лебедь белая, на вышку своего девичьего терема, увидела в поле шатер с золотой маковкой и говорит сама себе:

«Это могучий русский богатырь заехал в наше царство».

Пошла Лебедь белая к отцу просить, чтобы отпустил ее царь Лиходей во чисто поле на три года поискать богатырских подвигов.

— Дочь моя любимая! плавала ты уже три года белой лебедью в тихих морских заводях; погуляй еще три года в чистом поле красной девицей, а потом я отдам тебя замуж.

Поклонилась отцу Лебедь белая, побежала во чисто поле; бегут за ней мамушки и нянюшки, не могут догнать ее. Подошла Марья — Лебедь белая к шатру и заглянула в него: видит — спит в шатре богатырь красоты неслыханной, невиданной.

Говорит тут Михайле Потоку конь его человеческим голосом:

— Проснись, Михайло! пришла к твоему шатру душа красна девица!

Вскочил Михайло, вышел из шатра; никакой красной девицы не видит, только лебеди плавают по заливам; среди них плывет величаво черная лебедь в золотых перьях, голова у ней унизана скатным жемчугом и камнями самоцветными.

«Дай подстрелю эту лебедь», — думает Поток.

Высоко взвилась Лебедь, зачужав стрелу богатырскую, и, опустясь на землю, обернулась красной девицей.

— Добрый молодец, — говорит она Потоку, — не знаю, как звать тебя по имени, величать по отчеству, князь ли ты или королевич... Знаю только, что ты русский богатырь; посади же меня на своего добра коня, свези меня в Киев, приведи в веру Христову, возьми за себя замуж.

Понравилась богатырю речь красной девицы, и дали же-

них с невестой друг другу такой зарок: когда они поженятся и если кто-нибудь из них умрет первый, то другой должен за ним живой в гроб идти.

II

Не ясные соколы слетались вместе, то съехались в Киеве могучие славные богатыри на честной пир к князю Владимиру.

Говорит Илья Муромец:

— Здравствуй, Солнышко-князь! ездил я в чистом поле, покорил для тебя немало неверных народов, привез большие дани.

Говорит Добрынюшка:

— Был я за синим морем, покорил неверные народы, прибавил земли святорусской.

Думает Михайло Поток:

«Чем-то я похваюсь перед князем? Не добыл я ему дани, а себе славы; добыл я себе только молодую жену, Марью — Лебедь белую; умный молодец женой не хвалится».

И говорит Михайло:

— Был я у царя Лиходея Лиходеевича, играл я с царем в шахматы золоченые; выиграл я с него сорок тысяч золотой казны; только когда вез я казну в Киев, у телег подломились оси, а потому вырыл я глубокий погреб, запрятал в него казну, землей засыпал, а сам приехал в Киев.

Посылает Владимир Потока опять за море:

— Кстати ты, Михайло, выиграл казну с Лиходея: нужно ведь нам с ним расплатиться; должны мы царю дани за двенадцать с половиною лет. Вернись ты к нему и отдай ему назад его золотую казну.

Поехал Поток назад в темные леса, ехал целых три месяца, приехал на широкий двор Лиходеевых палат, слез с коня, привязал его к золотому кольцу, дал ему пшеницы белояровой, а сам пошел к царю в палату; отдает низкий поклон на все стороны, царю кланяется особенно.

— Здравствуй, царь Лиходей Лиходеевич!

— Здравствуй, добрый молодец, не знаю, как тебя звать-величать.

— Зовут меня Михайло Поток, а приехал я к тебе вот по какому делу: слышал я, что любишь ты, царь, играть в золоченые шахматы; ставлю я в заклад свою буйную голову; коли проиграю — буду служить тебе верою-правдою целых сорок лет; а если ты мне проиграешь — отдай мне сорок телег, доверху насыпанных чистым серебром.

И выиграл Михайло сорок телег, насыпанных чистым серебром.

Жалко стало Лиходею проигранной казны.

— Поиграем еще, Михайлушко, на сорок телег красного золота, на сорок лет твоей богатырской службы.

Выиграл Михайло и во второй раз.

Разыгралось сердце в царя, и стал он просить Михайлу поиграть с ним еще и в третий раз.

— Если ты выиграешь, — прикажу насыпать тебе еще сорок телег красным золотом; если проиграешь — будешь мне слугою до самой смерти.

И в третий раз проиграл царь Лиходей.

Тут прилетел под окно царских палат сизый голубь и говорит Михайле человеческим голосом:

— Играешь ты, Поток, забавляешься, над собой горя не чувствуешь; ведь сегодня умерла твоя милая хозяйшечка, Марья — Лебедь белая.

Как вскочил Поток с места, ударил о пол шахматной доскою, весь пол всколебался, стены каменные попадали; сам царь Лиходей со страху на землю свалился.

Говорит ему Поток:

— Собирай казну, царь, вези ее в Киев-город князю Владимиру!

Сам выбежал из палат, сел на коня, просит, молит доброго бурушку:

— Добрый конь! нес ты меня сюда три месяца, неси меня назад три часа.

Побежал конь что было силы, реки, озера перепрыгивал, темные леса между ног пропускал.

Приехав в Киев, стал просить Поток своих братьев названных, могучих богатырей:

— Крестовые мои братья! славный богатырь Илья Муромец! помогите мне построить колоду дубовую, широкую, высокую, чтобы в ней пойти мне в сырую землю, вместе с моей покойной хозяйшкой, на целых три года: положите мне с собой хлеба-соли, чтобы было что есть-пить, лежа в земле сырой.

Построили Михайле братцы колоду из белого дуба; сам он выковал в кузнице прутья: железный, медный, оловянный, взял их с собой. Опустили Михайлу в землю вместе с гробом жены, с конем, с оружием, с разными припасами, забили колоду железным обручем, засыпали желтыми песками.

Стал жить богатырь в земле с мертвою женой; прошла неделя, другая; приползает однажды ночью к колоде лютая змея: разломала железные обручи, открыла колоду, увидела Марью — Лебедь белую. Рада-радешенька змея, что есть чем поживиться, кинулась на покойницу.

Тут Поток как сдвинет камни вместе — ущемил змею, придавил железным обручем, стал сечь железными прутьями.

Взмолилась подколодная змея:

— Не трогай, не бей меня, добрый молодец, принесу я тебе живой воды через три года.

Не слушает Поток, бьет змею железными прутьями.

— Не бей меня, Поток, принесу я тебе воды через два года!

— Долго ждать,— говорит Поток.

И стала змея уменьшать срок; наконец обещала Михайле принести живой воды через три часа.

— Оставь мне здесь в залог своих змеенышей,— говорит богатырь,— тогда, пожалуй, отпущу тебя за водою.

Оставила змея змеенышей, через три часа приползла назад, принесла с собой живой воды.

Захотел узнать Поток, правду ли говорит змея, что при-

несла живой воды, разорвал он змеенышей надвое, спрыснул живой водой: срослись и ожили змееныши.

Тогда взял Поток обещание со змеи, что не будет она заползать в могилы, беспокоить мертвых, и отпустил ее.

Спрыснул богатырь Марью — Лебедь белую живой водой; ожила она, встала да и говорит:

— Долго же спала я нынче.

Отвечает Поток:

— Да, кабы не я, спала бы ты тут вечные веки!

Стал размышлять Михайло, как бы ему из земли выбраться, закричал о помощи что было голосу. От того крика земля задрожала. Услыхали Добрыня с Ильей знакомый голос.

— Ведь это наш крестовый брат, Поток, зовет на помощь; знать, душно ему в сырой земле.

Разрыли богатыри могильный холм, увидали дивное диво: вышел Поток из гроба вместе с молодой женой.

Пошла тут по всей земле слава о красоте неописанной Михайловой жены, Марьи — Лебеди белой, об ее великом разуме.

Прослышал о красавице и царь Иван Окульевич. Приехал он на Русь с сорока царями-царевичами, с сорока королями-королевичами, захотел добыть себе Марью — Лебедь белую, стал ее упрашивать, умаливать:

— Поди за меня, красавица, замуж; за мною будешь ты слыть царицею, а теперь за Потоком только и слынешь ведь работницей князя Владимира!

Захотелось Марье быть царицей; изменила она милому мужу, пошла замуж за Ивана Окульевича и ускакала вместе с ним.

А Михайло сидит себе в поле, ничего знать не знает; приехали тут к нему Илья да Добрыня, поведали Потоку новое горе.

— Братцы крестовые, — говорит Михайло, — поедемте вместе за женой моей в погоню.

— Не годится нам, — отвечают богатыри, — за чужой женой скакать в погоню; есть дома дела поважнее. Поезжай ты один, сруби голову царю Ивану Окульевичу за его недобрые дела!

Поехал Поток. Скоро настиг он жену свою. Увидав его, испугалась Марья — Лебедь белая, плачет горько и говорит мужу:

— Силой взял меня за себя замуж Иван Окульевич; тяж-

ко мне жить без тебя, добрый молодец,— выпьем вместе с горя чару зелена вина.

Поверил ей Поток, а она вместо вина поднесла ему чару сонного зелья; упал на сыру землю молодой богатырь, крепкий сон сковал его.

Говорит Марья — Лебедь белая Ивану Окульевичу:

— Отсеки Михайле голову, чтобы он нас не преследовал.

— Нет, Марья — Лебедь белая,— отвечает царь,— стыдно бить лежачего да сонного; пусть проснется — тогда я с ним померяюсь силушкой.

Подняла тогда Марья сонного мужа, бросила его через правое плечо, сама приговаривает:

— Где был добрый молодец, пусть станет белый горящий камень; три года пусть поверх земли лежит, на четвертый — в землю уйдет.

Окаменел богатырь и в землю сырую ушел.

Вспомнили Илья да Добрыня о своем крестовом братце,

соскучились, поджидая его, надумали поехать посмотреть, как он живет-может.

Оделись они нищими каликами, отправились в путь-дорогу в землю Сарацинскую, видят: идет им навстречу такой же калика, как они сами, старый, седой да сгорбленный.

— Здравствуй, Илья Муромец, старый казак, здравствуй, молодой Добрынюшка Никитич, возьмите меня с собой в то-варищи.

— Здравствуй, дедушка! Что ж, пойдем с нами в Сарацинскую землю.

И думают богатыри, что старику не угнаться за ними, а видят, что он еще впереди их идет.

Пришли они в Сарацинскую землю к царю Ивану Окульевичу, стали просить милостыни громким голосом; от их голоса земля задрожала.

Выглянула Лебедь белая в окошко, говорит Ивану Окульевичу:

— Это не калики перехожие, а славные русские богатыри: Илья Муромец да Добрыня Никитич, а третьего я не знаю. Зови их к себе в палаты, принимай радушно, угощай, встречай честным пиром.

Хорошо встретил богатырей Иван Окульевич, угостил на славу, одарил богатыми подарками, забыли они и про Потока. Уже на обратном пути вспомнили, зачем ходили в Сарацинское царство; вернулись, стали Лебедь белую расспрашивать о Потоке.

— Лежит крестовый ваш брат у креста Леванидова горючим камнем.

Пошли калики отыскивать названного брата; старик привел их к камню да и говорит:

— Высыпем-ка золотую казну, что подарил нам царь Иван Окульевич, поделим ее, сколько придется на брата.

И видят богатыри, что старик раскладывает золото на четыре кучки.

— Кому четвертая доля? — спрашивают богатыри.

— Тому,— отвечает старик,— кто этот камень через плечо бросит, обернет его богатырем Поток.

Схватился Добрыня за камень: едва до колен камень приподнял, сам по колена в землю ушел.

Взялся Илья за камень — еле поднял камень от пояса.

Тогда сам старичок взял камень, через плечо бросил; обернулся камень богатырем Поток.

Говорит богатырям старичок:

— Знайте, что я Никола Можайский, помогаю вам крепко стоять за свою родину.

И исчез святой из глаз богатырей; тут они поставили ему часовенку.

А Поток ожил, расправил свои могучие плечи, попрощался с богатырями, поехал жену свою выручать.

Обманула его злая чародейка Лебедь белая, напоила зеленым вином, стащила в глубокий погреб, прибила к стене гвоздями за руки и за ноги, ударила молотом по лицу, замкнула крепкими замками, оставила умирать одного.

Была у царя прекрасная сестра, душа девица Настасья Окульевна, спустилась она в глубокий погреб посмотреть на богатыря, а Поток тут очнулся, говорит ей:

— Помоги мне, душа-девица.

— Хорошо,— говорит она,— а ты накажешь смертью Лебедь белую, возьмешь меня за себя замуж?

Пообещал ей Поток жениться на ней, если она выручит его из беды.

Отковала Настасья Окульевна богатыря от стены, вместо него прибила к стене мертвого татарина, надела на Потока свою соболью шубку, увела его в свой терем, залечила его раны и говорит ему:

— Теперь ты здоров; надо добыть тебе оружие, да латы, да доброго коня.

Пошла Настасья Окульевна к брату да и говорит ему:

— Милый брат! неможется мне что-то! Вот если бы дал ты мне коня да латы и оружие — поехала бы я погулять в поле; может быть, опять стала бы я здоровой и веселой.

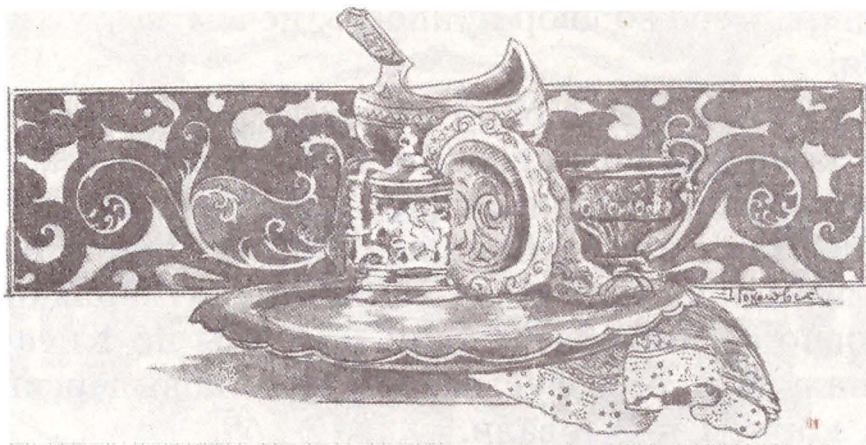
Дал ей царь все, что она просила, а она снесла латы и оружие Потоку; оделся богатырь, вскочил на коня и выехал в чистое поле. Увидав его, ужаснулась белая Лебедь, говорит: — Погубила нас Настасья Окульевна!

И думает Марья — Лебедь белая, как бы еще раз перехитрить Потока: зовет его к себе, подносит ему чару зелена вина с сонным зельем.

Уже взялся Поток за чару, хочет пить, да случилась тут Настасья Окульевна; толкнула она богатыря под руку, уронил он чару, расплескал питье, смотрит на всех, словно от сна проснулся, спали с него злые чары.

Разгневался Поток на жену, отрубил ей голову, а Настасью Окульевну взял за себя замуж. Повенчались они в церкви божией золотым венцом, стали жить-поживать лучше прежнего.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

Явилось однажды к Солнышку-князю Владимиру сто молодцев киевлян; пришли они избитые, в разорванных платьях; идут, на ходу пошатываются, приносят князю горькую жалобу:

— Рассуди нас, князь, по справедливости с Чурилой Пленковичем: на Сороче-реке появились неведомые люди, дружина в пятьсот человек, одеты они в бархатные кафтаны, в золотые шапки; забросили они шелковые невода в воду; всю рыбу из реки повыловили; нечего нам, государь, тебе на стол подать, заслужить от тебя милости. А называет себя эта дружина людьми Чурилы Пленковича.

Только скрылись со двора князя эти челобитчики — приходят другие сто киевлян, приносят другую жалобу:

— Солнышко-князь! Дай нам управу на Чурилу Пленковича; сегодня пришла его дружина на тихие заводи; всю птицу дикую перестреляла; нечего тебе, государь, к столу подать, нечем заслужить твоего жалованья.

Вслед за второй толпой киевских жителей является и третья:

— Ласковый князь! уйми дружину Чурилы: пришли к нам пятьсот молодцов: наставили силков в темных лесах, куниц, лисиц повыловили, перебили черных сибирских соболей. Не-

чего, государь, тебе во двор принести, нечем заслужить твоего жалованья.

Взглянул тут князь в окно и видит: едут к Киеву пятьсот молодцов; кони под ними гнедые, все одной масти, седла под ними золотом разукрашены, сапоги на молодцах из зеленого сафьяна, кафтаны из голубой парчи, разноцветными поясами подпоясаны, шапки из литого золота; сидят молодцы на конях — словно свечи горят. Стали молодцы по Киеву разъезжать, пошаливать, весь лук на огородах повыдергивали, всю капусту с корнем повывали.

Толпами валит народ с жалобами к князю на широкий двор; весь Киев тут собрался: и князья с княгинями, и знатные бояре, и жители городские; просят суда на Чурилиных людей.

Рассердился Владимир:

— Как вы просите у меня суда на Чурилу, когда я даже не знаю, где он живет, где его двор стоит.

Говорят бояре:

— Свет государь! не в Киеве, не за Киевом стоит двор Чурилы, а стоит он на Пучай-реке, тянется на семь верст, обнесен булатным тыном; двери везде точеные, ворота хрустальные, косяки и подворотни из дорогого рыбьего зуба, а во дворе стоит семь теремов.

Захотелось Владимиру посмотреть на такое роскошное жилье, и собрался он в путь-дорогу ко двору Чурилы; взял с собой и князей, и бояр именитых, и богатырей могучих, и горожан киевских. Приехал Владимир на Пучай-реку, смотрит на Чурилин двор, удивляется, правду молвили люди о несметном Чурилином богатстве! Видит князь, выходит на крыльцо старик, отец Чурилы; шуба на нем соболья, золотой парчой крытая, золотыми пуговицами застегнута; кланяется Владимиру отец Чурилы:

— Пожалуй, князь, в высокие хоромы хлеба-соли с нами откушать.

— Назовись, добрый человек, — отвечает князь, — как

тебя звать-величать, чтобы знали мы, у кого будем хлеб-соль отвеживать.

— Я Чурилин батюшка — Пленко,— сказал старик и повел Владимира в хоромы.

Видит Владимир: стоят терема из белого дуба; к главному терему ведут трое ворот: первые — резные раскрашенные;

вторые — хрустальные, третьи — из олова литые, золотыми маковками украшены, а уж в тереме такое убранство, что и пером не описать: пол посередине из чистого серебра, стены серым соболем обиты, а потолок черным. Вся в тереме красота небесная: на небе солнце — и в тереме солнце, на небе месяц — и в тереме месяц, около месяца частые звездочки рассыпались.

Открыл князь окошко, увидел во дворе нарядную толпу.

— Не тут ли Чурило? — спрашивает князь Пленко.

— Нет, князь! Чурило еще в церкви, обедню слушает.

Появилась тут во дворе другая толпа, еще нарядней и лучше: человек более тысячи; посреди, всех лучше и краше, едет добрый молодец; шуба на нем соболья,

золотыми пуговицами застегнута, каждая пуговица по яблоку.

Владимиру даже боязно стало: не царь ли едет с ордой, не король ли из Литвы, или не едут ли великие послы сватать княжую племянницу Забаву!

Говорит Пленко:

— Не страшись, князь, это сын мой Чурило возвращается домой.

Едет Чурило, с коня на коня перепрыгивает, из седла в седло перескакивает, копьё из руки в руку перекидывает.

Несут над Чурилой большой зонтик-подсолнечник, чтоб не загорело от солнца белое лицо Чурилы.

Слез с коня Чурило, идет по двору легкой частой походочкой; идет — под ногами травы не мнет.

Как сказали Чуриле, что сам князь у него в гостях, — взял Чурило золотые ключи, отворил свои богатые амбары, достал меха черных соболей, куниц и лисиц, подарил Владимиру дорогие шубы соболы, а боярам лисьи, а купцам куньи; раздарил горожанам золотой казны без счета.

Говорит Владимир:

— Много было мне принесено на тебя жалоб, добрый молодец, да не хочу тебя судить, старое поминать: уж очень ты мне полюбился, свет Чурило Пленкович!

И зовет его князь к себе в Киев:

— Будешь у меня стольничать-чашничать!

Согласился Чурило. Остался князь ночевать у него в доме; положил его Чурило на пуховую постель, усыпил игрою на звонких гусях, а поутру поехали они вместе в Киев, и сделал Владимир пир для Чурилы.

На пиру сама княгиня Евпраксия заглядывалась на красоту Чурилы; руку себе ножом порезала, заглядевшись.

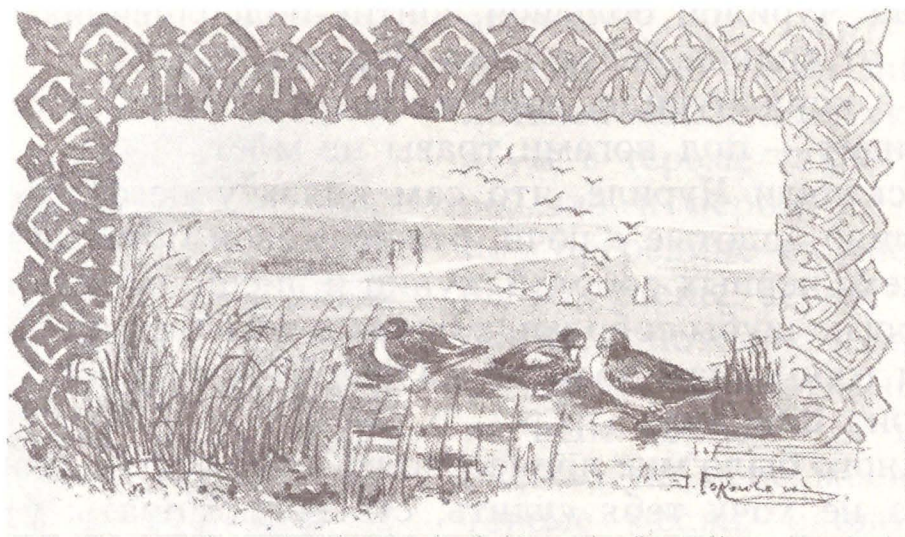
Пожаловал князь Чуриле еще должность:

— Свет Чурило, ходи-ка ты по Киеву на пиры мои собирать честной народ, князей-бояр, горожан именитых.

Идет Чурило по Киеву, желтыми кудрями потряхивает; на руках у него шелковые перчатки, на голове золотая шапка, на ногах сафьяновые сапоги. Смотрит на него народ, не налюбуется, красны девицы тихонько из теремов на него поглядывают, старые старухи, засмотревшись, прялки ломают; зазывают Чурилу в гости и князя-бояре, и горожане именитые, и богатые купцы.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Далеко-далеко, за синими морями, за высокими горами, в Индии заморской, в богатой Волян-земле жил добрый молодой купец Дюк Степанович.

Не ясный сокол пролетел, не белый кречет вспорхнул — то молодой Дюк поехал охотиться на гусей, лебедей, на малых серых уток. Расстрелял Дюк свои золотые стрелы, не убил ни одной птички; еще вынул три стрелы, самые драгоценные, и те извел напрасно. Покачал Дюк головою и говорит сам себе:

«Извел я напрасно свои дорогие стрелы, а были стрелы на три грани гранены, пером сизых орлов оперены; ручки у стрелы были яхонтами разубраны, где летит стрела — луч света бросает за собой; днем светит, словно луч солнца красного, вечером — словно луч ясного месяца».

Собрал Дюк свои стрелы в колчан и вернулся в родной Галич.

Приехал Дюк домой, когда в церкви шла вечерня, и пошел к божьему храму на церковное крыльцо встречать свою родимую матушку.

Вот выходит из церкви Дюкова матушка; кланяется ей

Дюк низко, достает до земли кудрями, просит у ней благословения:

— Государыня, родимая матушка! во всех городах я побывал, не был только в городе Киеве у ласкового князя Владимира; благослови меня съездить в Киев!

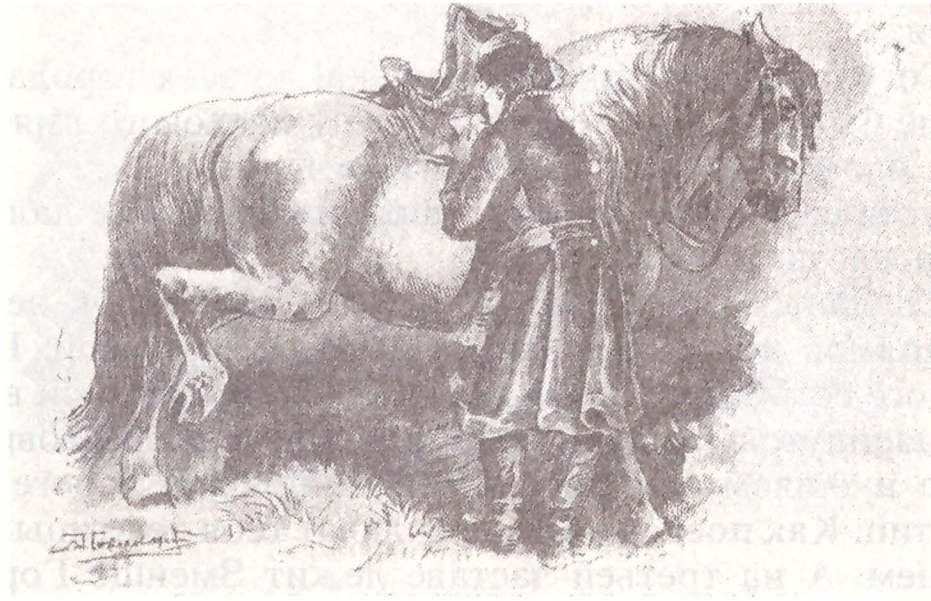
Отпустила его родимая матушка, на прощанье дала родительское наставленье:

— Слушайся меня, свет мой Дюк Степанович, не езди к Киеву прямой дорогой, поезжай дорогой окольной. На прямой дороге есть три заставы великие; стоят на одной высокие горы, разойдутся и опять сойдутся, поедешь не вовремя — тут тебе и живому не быть. Есть на прямой дороге гнездо диких птиц. Как поедешь мимо, склюют тебя те птицы и вместе с конем. А на третьей заставе лежит Змеище Горынище о двенадцати хоботах, проглотит тебя та змея вместе с конем. Еще тебе мой совет: как будешь на пиру у князя Владимира, не хвастайся своим сиротским именем, не доведет до добра напрасное хвастовство.

Простился Дюк с матерью, пошел на конюшню выбрать себе в дорогу жеребца неезженного — выбрал косматого бурушку; была у бурушки грива в три сажени длиною, на все стороны развевалась, словно скатный жемчуг рассыпалась. Оседлал Дюк своего бурушку, Бахмата-коня, черкасским седельцем ценою в две тысячи, с серебряными подпругами, с булатными стремянами заморскими, накинул попону, красным золотом, серебром строченную, ценою в три тысячи; взял Дюк с собою свое цветное платье, захватил и дорогие стрелы.

Выехал Дюк... Как взвился бурушка — первый скачок сделал — на целую версту ушел, а со вторым только его и видели: с горы на гору он перескакивал, реки и озера перелезывать.

Приехали они к первой заставе; не успели горы сдвинуться да раздвинуться, как они мимо проскользнули; приехали и на вторую заставу — не успела птица крыльев расправить, как они промелькнули, и на третьей заставе еще змей хобота не успел протянуть, как они уже за версту были.

Наконец, в поле наехал Дюк на шатер белополотняный и, не подумав, крикнул громким голосом:

— Эй, кто там стоит в белополотняном шатре? Выходи с Дюком побороться!

Сначала никто не ответил ему; тогда Дюк крикнул и второй и третий раз и разбудил спавшего богатыря.

Раскаялся Дюк в своих неразумных словах, когда увидел, что из шатра вышел к нему навстречу сам Илья Муромец.

— Что кричишь, Дюк, во всю голову,— говорит старый богатырь,— или хочешь со мною силами померяться?

— Нет, славный Илья Муромец,— отвечает Дюк смиренно,— одно на небе солнце красное, один на свете богатырь Илья: кто с ним померяться захочет силами — тот сложит в бою голову.

Полюбились Илье эти речи, и говорит он Дюку:

— Как будешь ты в Киеве, добрый молодец, если станет кто обижать тебя на честном пиру,— дай мне знать, я тебя из беды выручу.

Поехал Дюк дальше, поспел он в Киев к заутрени; пошел в соборную церковь Божией матери, осенил себя по обычаю крестным знамением, отдал низкий поклон на все четыре сто-

роны и занял место между Владимировыми боярами: Бермятой Васильевичем да Чурилой Пленковичем; сам посматривает на свое цветное платье, не обрызгал ли его ненароком, не испортил ли по дурной погоде.

Спрашивает его князь Владимир о роде-племени.

— Свет государь, приехал я из Галича, из Индии богатой, зовусь Дюком Степановичем, а родом боярский сын.

— Скажи, добрый молодец, давно ли ты из Галича?

— Вчера я после вечерни выехал из дома — сегодня в Киев поспел к заутрени.

Говорят между собою князя и бояре:

— Что за сказки рассказывает нам богатый молодец! Прямой дорогой из Галича в Киев нельзя проехать меньше трех месяцев, да и то на хорошем коне.

— Дороги ли у вас в Галиче кони? — спрашивает Владимир.

— Свет государь! есть у нас кони и по рублю, иной и два рубля, иной и все пятьсот, а моему бурушке и цены нет.

Говорят тут князя и бояре:

— Не видать, чтобы Дюк был боярским сыном: больно много хвастается, держать себя не умеет. Больше похож он на мужика деревенского; жил, вероятно, у купца, украл у хозяина цветное платье, а как жил у боярина — своровал себе коня и похваляется напрасно.

Однако, отстояв божью службу, вышли они все вместе на улицу. Идет Дюк, посматривает на свои сафьяновые сапожки, на длинную шубу, головой покачивает.

Смеются бояре:

— Еще не налюбовался, молодец, на свое цветное платье, никогда еще, верно, такого не нашивал.

Отвечает Дюк:

— Не потому я осматриваюсь, что люблюсь на свое цветное платье, а вижу, что все у вас в Киеве не по-нашему: у нас в Галиче, как идет моя матушка домой из церкви — везде по улицам настланы мостки дубовые, по мосткам положены суконные постилочки; впереди идут слуги с лопатками и мет-

лами — очищают дорогу; пройдешь — не запылишь сафьяновых сапожек, не запачкаешь цветного платья.

Как пришли гости в терем, сели за столы белодубовые — пьет Дюк вино, головой покачивает:

— Все у нас в Галиче не по-вашему: у матушки моей погреба вырыты в земле глубиной в сорок сажень; зелено вино привешено на серебряных цепях в крепких бочках; в поле из погреба проведены трубы; повеет ветер из поля в погреб, всю сырость на воздух вынесет, и вино не затхлое, не горькое в бочках, а свежее, крепкое, не то что у вас в Киеве.

Ест Дюк крупитчатый калачик, нижнюю корочку отламывает. Спрашивает Чурило Пленкович:

— Что это ты, Дюк, чванишься, не ешь нижней корочки?

— Не гневись на меня, Солнышко-князь, а только пекут у тебя калачи не по-нашему, в глиняных печках, вытирают печи сосновой мочалкой; оттого нижняя корочка пригорает, сосной пахнет. У моей государыни матушки печки муравленые, метелки шелковые, в медвяной росе омытые, зато и вкусны калачи: один съешь — другого хочется.

Стало тут досадно Чуриле, что так хвастается Дюк, и говорит ему Чурило:

— Правда ли все, что ты рассказываешь, добрый молодец? Давай-ка побьемся с тобой о заклад, чтобы нам три года друг перед другом по Киеву красоваться, каждый день надевать новое платье цветное, одно другого наряднее: кто первый отступится и проиграет — заплатит восемьсот рублей.

И поручились тут все на Чурилу: и князь, и княгиня, и бояре, и купцы — за Дюка никто не ручается.

Догадался Дюк, как ему поступить — сел он за стол, написал письма скорописчатые, припечатал их к стрелам, расстрелял стрелы в чистое поле. Одну стрелу нашел Илья Муромец, прочитал Дюково письмо, прискакал в Киев, поручился за Дюка; на заклад поставил коня и свою голову.

Написал Дюк еще письмо своей родимой матушке, положил в сумочку, а сумочку спрятал под седло и послал в Галич своего верного бурушку.

Говорят дома слуги Дюковой матушке:

— Видно, нет в живых, государыня, твоего любимого сына, что бурушка один прибежал домой!

Горько заплакала Дюкова матушка. Стали слуги расседлывать бурушку и нашли письмо. Обрадовалась Дюкова ма-

тушка, что жив милый сын. Напоили бурушку ключевой водой, накормили белояровой пшеницей. Выбрала матушка для Дюка несколько сот перемен цветного платья на три года, привязала к седлу; назад поехал бурушка в Киев.

Стали Дюк с Чурилой щеголять по Киеву: что ни день — новый наряд; пришел и последнего года последний день. Одел Чурило сапоги из зеленого сафьяна с острыми носками, серебром шитыми, подбитые золотыми гвоздями, надел соболью шубу с золотыми пуговицами, на каждой пуговице вылито по доброму молодцу, в петлях вышито по красной де-

вице; как проведет Чурило по пуговицам — начнут красные девицы наливать вина добрым молодцам, проведет по петлям — добрые молодцы на гуслях заиграют; еще надел Чурило высокую шапку пушистую, спереди не видно лица белого, сзади шапка закрывает Чуриле всю голову.

Только Дюк нарядился еще богаче: надел лапти, семью шелками шитые, дорогими камнями разукрашенные, днем камни горят, как солнце, вечером, словно ясный месяц. Была на нем богатая шуба парчовая, в пуговицах вышиты диковинные звери, в петлях вышиты лютые змеи; проведет Дюк по пуговицам — заревут дикие звери, проведет по петлям — зашвистят, зашипят лютые змеи; от того реву и свисту все в Киеве на землю ничком попадали.

Выиграл Дюк заклад в восемьсот рублей, а Чурило тут же новый заклад выдумал:

— Испытаем, Дюк, наших добрых коней, чей конь через Днепр-реку перескочит, а в заклад поставим свои буйные головы: кто проиграет — тому голову с плеч долой.

Говорит Дюк:

— Придумал ты, Чурило, неладное: твой конь живет в холе и в неге, а мой устал от дальней дороги!

Пошел Дюк к своему бурушке, обнял его за шею, призадумался крепко.

Говорит бурушка:

— Не бойся, Дюк Степанович, перескочу я через Днепр, хватит у меня сил с Чурилиным конем потягаться; он ведь мне меньшей брат, а больший мой брат служит Илье Муромцу, а второй у Добрыни Никитича.

Настало утро; на Днепре видимо-невидимо народа: все пришли смотреть на Чурилу и Дюка. Вдруг в степи пыль поднялась — прискакал Илья Муромец в случае беды заступиться за Дюка, как обещал ему.

Шириной река в три версты. Смотрит на Днепр Чурило — сам испугался, да нечего было делать; разогнал Чурило своего коня и прыгнул первый... Попал Чурило в середину Днепра,

а как Дюк прыгнул — перескочил реку, еще на версту берега прихватил да Чурилу по дороге из Днепра вытащил.

Пришел конец Чуриле, да князь с княгиней попросили Дюка отпустить им их стольника, не рубить его буйной головы, и Дюк отпустил его.

И задумал Владимир послать посла в Галич переписать Дюково богатство.

Говорит Дюк:

— Не посылай, князь, Алешу Поповича — у Алеши глаза завидующие, увидит он мое богатство, глаза у него разбегутся — ничего он и не перепишет; пошли лучше Добрыню Никитича.

И поехал Добрыня в Галич. Видит — среди города стоят три высоких терема; отроду Добрыня такой красоты не видел; вошел Добрыня в главный терем, вступил в богатую палату; видит — сидит в ней старушка вся в шелку да в бархате, а около нее стоят пять сенных девушек.

Говорит Добрыня:

— Здравствуй, Дюкова государыня-матушка.

Отвечает старушка:

— Я вовсе не Дюкова матушка, а только матушки его прислужница.

Совестно стало Добрыне за свою ошибку, пошел он дальше по хоромам; видит — сидит в большой палате старушка, вся в серебре, около нее десять сенных девушек; кланяется ей Добрыня.

— Ошибся ты, добрый молодец, я не матушка Дюку, а только его стряпуха; Дюкова матушка у обедни; если хочешь, пойди к ней навстречу.

Пошел Дюк к церкви — видит, идет от обедни Дюкова матушка; впереди слуги сукном мостки устилают; одни идут с метелочками, дорогу очищают, другие несут над госпожой своей зонтик; самое ее тридцать девушек поддерживают под одну руку да тридцать — под другую. Платье на ней цветное; вышиты на нем солнце и месяц и частые звезды и зори майские нарисованы.

Поклонился ей Добрыня, рассказал, зачем приехал; приказала она принести золотые ключи, отворила Добрыне амбары, где спрятаны были товары заморские, отворила погреба глубокие, где казна была схоронена. Считал Добрыня, считал, отступился. И написал Добрыня в Киев письмо:

«Если бы привезти из Киева бумаги на шести возах да чернил на трех, то и тогда не описать Дюкова богатства».

Увидели тогда в Киеве, что правду сказал удалый добрый молодец; подивились люди немало его богатствам несметным, его казне несчетной.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Из-за дальнего моря, из-за славного острова Кадольского, из богатого города Леденца выплывало, выбегало тридцать кораблей с белыми парусами да еще один корабль впереди всех — имя ему Сокол, а хозяин того корабля сам Соловей Будимирович, богатый добрый молодец.

Все корабли хорошо расписаны, разубраны, а Сокол лучше всех: вместо очей у корабля по яхонту вставлено, вместо бровей по черному соболю якутскому прибито, вместо усов два острых ножа булатных воткнуто, вместо ног — два горно-стая, вместо гривы — две лисицы пушистые, вместо хвоста — два медведя белых заморских; нос расписан по-туриному, а бока по-звериному. Якоря на корабле серебряные, мачты позолоченные, паруса из дорогой ткани: не гнутся, не трутся, не ломаются, канаты из заморского шелку.

Посреди корабля выстроен чердак расписной, потолок в нем обит бархатом, стены завешаны лисицами и соболями, скамья в нем из дорогого рыбьего зуба.

На скамье сидит прекрасный молодец, Соловей Будимирович, со своей родимой матушкой Ульяной Григорьевной. Едут они к городу Киеву к князю Солнышку в гости.

Взял с собой Соловей храбрую дружину в триста молодцев удалых и смелых; богато они принаряжены: кафтаны на них алого сукна, шапки на них черного бархата, сапожки зеленые сафьяновые застегнуты серебряными пряжками, золотыми гвоздями подбиты: под пятой ворон пролетит, около носка яйцо прокатится.

Приехал корабль под славный Киев; бросила якоря Соловьева дружина в Днепр-реку, положили три сходни на берег, три мостика: один золота красного, другой чистого серебра, третий светлой меди. По первому мостику Соловей сам перешел, по второму мать перевел, а по третьему шла его дружина молодецкая; уплатили гости в таможене пошлины за товары семь тысяч золотом.

Взял Соловей богатые подарки, идет в гридню к князю Владимиру, Спасову образу молится, князю низко кланяется, дары свои подносит: целую мису красного золота, меха черных соболей да сибирских лисиц, а княгине, прекрасной Евпраксии, поднес Соловей дорогих тканей с хитрыми узорами: нарисованы на них были хитрости Царь-града, мудрости Иерусалима, замыслы Соловья Будимировича; а Забаве Путятишне, княжой племяннице, подарил Соловей мису скатного жемчуга.

Понравились дары князю и княгине, зовут они щедрого гостя своего на почестный пир. Говорит Владимир-князь:

— Удалый добрый молодец, Соловей Будимирович, живи у нас в Киеве: выбери себе для житья дворы княжеские, дворянские или боярские.

— Красное Солнышко! не надо мне столько места: ты отведи мне уголок в саду у Забавы Путятишны среди вишенья-орешенья, там построю я себе три терема, чтобы было мне где жить, пока я стою в Киеве.

Князь исполнил просьбу своего гостя, дал ему землю в саду у Забавы.

Пошел Соловей к своему кораблю, говорит дружинишке:

— Братцы мои, работнички! берите-ка вы топоры булатные, пойдите к Забаве в зеленый сад, постройте мне светлый терем, широкий двор среди вишенья-орешенья.

Принялась за работу дружинишка, словно дятлы в дерево пощелкивают, колоды, дубы вывертывают, во все стороны разбрасывают — к утру поспело для Соловья светлых три терема с золотыми маковками, с тремя сенями косячатыми и с тремя решетчатыми; в теремах навели работники неописанную красоту: на небе солнце и в тереме солнце, на небе месяц — и в тереме месяц, заря зарю сменяет.

Проснулась Забава Путятишна, как зазвонили к заутрени, посмотрела в окошко, диву далась, увидав новые терема у себя в саду.

Надела Забава наскоро соболью шубку на одно плечо, побежала в сад рассмотреть хорошенько дивные терема; слышит — в теремах шум и звон: в первом тереме деньги сыплются, звякают: кто-то казну считает, во втором Соловей богу молится, в третьем музыка гремит.

Вошла Забава в третий терем: было там так прекрасно, что у ней от удивления ноги подкосились, села она на скамью.

Вышел навстречу к Забаве сам Соловей Будимирович.

— Здравствуй, красная девица, Забава Путятишна!

Поклонилась ему Забава в пояс, стала его расспрашивать:

— Откуда ты родом, добрый молодец? Холост ты или женат? Если ты холост и я тебе нравлюсь — возьми меня за себя замуж!

Посмотрел на нее Соловей с удивлением:

— Всем ты хороша, девица красная, и понравилась мне; одно мне не понравилось — зачем ты сама себя просватала?

Покраснела Забава, как маков цвет, как вскочит живо на быстрые ноженьки, правой ручкой закрылась, убежала в свой терем, расплакалась горько.

Хочет Соловей жениться на Забаве. Проведала об этом его мать и говорит ему:

— Съезди-ка раньше за море синее, расторгуйся там хорошенечко, тогда вернешься и женишься на Забаве.

Пока Соловей ездил за море, явился в Киев купец — Го-

лый Щап Попов ¹, привез князю подарки, сватает за себя Забаву.

Спрашивает его Владимир:

— Добрый молодец Щап Давидович, не слыхал ли чего за морем о молодом купце Соловье Будимировиче?

Отвечает Щап:

— Я его встретил в городе Леденце: он не заплатил королю Веницейскому таможенных пошлин, за то и попал в тюрьму.

Согласился Владимир отдать Забаву за Щапа; уже и свадебный пир устроили.

Об эту пору вернулся в Киев Соловей Будимирович; вышел он с корабля, переодетый в платье каличье, взял с собой сорок товарищей, приходит на княжеский пир.

А на пиру Забава узнала своего суженого да и говорит князю Солнышку:

— Государь свет, родимый дядюшка! ведь это мой прежний жених, Соловей Будимирович; пойду ему навстречу!

Выбежала Забава из-за стола, пошла Соловью навстречу, взяла его за белые руки, усадила рядом с собой за стол. На утро обвенчали их святыми венцами в божьем храме, на пиру княжеском им славу спели. Стали они жить-поживать своим домком, а Щап Попов ни с чем убрался к себе домой.

---

¹ Щап — щеголь. (Примеч. автора.)

МИХАЙЛО КАЗАРЯНИН

Не ясный сокол вылетывал, не белый кречет выпархивал — выезжал во чисто поле из Галича добрый молодец, Михайло Казарянин.

Конь под ним — словно лютый зверь: проходу, проезду не дожидает, реку в пятнадцать верст шириною за один раз перескакивает; доспехи на молодце такие, что и цены им нет: латы и панцирь из чистого серебра, кольчуга золотая, шлем ценою в три тысячи, копье в руках, как свеча, горит; концы на луке из красного золота, а полосы по ним булатные и тетива шелковая; в колчане у Михайлы 150 стрел, каждой цена — пять рублей.

Снаряжается Михайло в Киев, в гости к князю Владимиру. Приезжает в Киев после вечерни, приходит в гридню княжескую прямо на почестный пир.

Не случилось тут у Владимира стольника-чашника, сам князь налил для богатыря чашу зелена вина в полтора ведра да турий рог сладкого меда в полтрети ведра.

Подносит князь вино и мед богатырю и говорит:

— Молодой Михайло Казарянин! сослужи-ка мне службу: съезди к морю синему, настреляй гусей, белых лебедей, налови малых серых утушек, чтобы было мне что на стол подать. А я тебя за это пожалуй своей великой милостью.

Помолясь богу, поехал добрый молодец за добычей; по-

слал ему господь счастья: видимо-невидимо птиц настрелял Михайло для княжеского стола. Уже повернул он назад своего лихого коня, как вдруг видит, стоит в поле громадный дуплистый дуб; на дубу сидит черный ворон диковинный: ноги и нос у него словно жар горят; сидит, перушки расправляет.

Вынул Михайло тугой лук, достает уже каленую стрелу из колчана, хочет застрелить черного ворона, а ворон говорит ему человеческим голосом:

— Не стреляй в меня, добрый молодец, нет для тебя во мне никакой корысти: кровь мою пить не будешь, мясо мое есть не станешь, а я сослужу тебе службу; слушай же меня хорошенечко: поезжай на высокую гору, посмотри с нее в чистое поле и увидишь в поле три белые шатра; скамьи в них из дорогого рыбьего зуба, а на тех скамьях сидят три татарина, прислуживает им молодая пленница, душа девица Марфа Петровна; поезжай и освободи ее из тяжелого плена.

Послушался Михайло ворона, поехал на высокую гору, увидел татарские шатры и повернул к ним коня своего.

Подъехал к шатрам Казарянин, увидал в шатрах и красную девицу, о которой сказал ему ворон: прислуживает девица поганым татарам, горячими слезами обливается.

Говорят ей татары:

— Не плачь, красная девица! не тумань своих очей ясных — мы тебе зла не сделаем, увезем тебя в Орду, отдадим замуж за нашего татарина, за доброго молодца.

Разгорелось сердце в Михайле, как сокол налетел он на шатер, как вихрь повалил злых татар: одного копьем заколол, другого конем затоптал, третьего о сырую землю одним ударом убил и освободил красную девицу.

Говорит она ему:

— Что же не спрашиваешь меня, добрый молодец, об имени, о роде-племени? Я ведь родом из Волыни, из города Галича, дочь купца Марфа Петровна!

Обрадовался Михайло, услышав это.

— Душа, красная девица, — воскликнул он, — ведь ты мне сестра родная! Расскажи, как ты попала в руки злых татар поганных.

— Гуляла я под вечер в своем саду вместе с родимой матушкой; откуда ни возьмись прискакали три татарина наездника, захватили меня, посадили на коня и увезли с собою.

Забрал Михайло все серебро и золото в татарских шатрах, посадил девицу на татарского коня, двух других коней с собой повел и поехал к Владимиру. Низко кланяется Михайло князю Солнышку:

— Исполнил я твою службу княжескую, настрелял гусей, лебедей, малых утушек да еще убил в поле трех татар, сестру родную выручил из плена, привез добычу — серебра, золота татарского.

Принял князь подарки, щедро угостил на пиру доброго молодца, промолвил ему ласковое слово:

— Честь тебе и хвала, добрый молодец, что служишь мне, твоему князю, верой и правдою!

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

Жил-был в Новгороде-Великом господине посадский по имени Буслай; до девяноста лет уже дожил он тихо и мирно: не заводил ссор с Псковом, ладил и с матушкой Москвой, и в Новгороде все любили и уважали его.

Жил Буслай, не старился, да ведь не два века жить на белом свете! Пришла смерть и к Буслаю. Оставил он по себе вдову да единственного сына, Васильюшку. Буслаева вдова была женщина опытная и разумная: стала она воспитывать Васильюшку в страхе божием, научила его письму, чтению церковному, и так хорошо читал и пел Василий в церкви, что народ, бывало, слушает не наслушается, толпой сбегается в соборный храм.

Выучился понемногу Васильюшка и ратному делу и почувал в себе великую, неслыханную силушку; не дает Василью покоя его силушка: так вот и толкает его на борьбу, на драку — испробовать удаль молодецкую, удачу богатырскую.

Стал Васильюшка по новгородским улицам погуливать, нехорошие шуточки пошучивать: кого возьмет за руку — тому руку оторвет, кого схватит за ногу — тот без ноги останется, кто на ногах стоял — тот сидья сидит, а кто сидел — тот лежамя лежит.

Говорят новгородцы:

— Уймись, Васильюшка, этак ты весь Волхов закидаешь убитыми телами, да и своей головы тебе не сносить!

Услышав это, пошел Василий домой, закручинился. Встречает его родимая матушка, Авдотья Васильевна, и спрашивает:

— Отчего, Васильюшка, ты невесел домой вернулся? Кто тебя не обидел ли на улице?

— Никто меня, родная, не обидел — нет такого человека, который был бы мне равен силою; но грозят мне жители новгородские расплатиться со мною за своих убитых.

— Брось, милый сын, свои недобрые шутки, — говорит Авдотья Васильевна, — да набери себе хорошую дружинишку, чтобы было кому постоять за тебя, если захотят твои враги переведаться с тобою.

Послушался Василий материнского совета, сел на ременный стул, принялся писать записочки; каждую записочку привязывал к стреле каленой, расстрелял по разным улицам все свои стрелы.

А в записочках было написано: «Зовет Василий жителей новгородских к себе на почестный пир: кто хочет сладко пить, есть даровое, носить цветное платье — тот иди к Буслаеву на широкий двор».

Как пошли жители по улицам от вечерней службы, подобрали записки, прочитали их, и все почти собрались на Буслаеве дворе; всем хочется дарового сладкого угощения — идут толпа за толпой.

На дворе стоит чаша зелена вина в полтора ведра.

Говорит Василий:

— Кто поднимет эту чару одной рукой, выпьет за один раз — того возьму к себе в дружинишку.

— Ну, Василий, — говорят новгородцы, — пришли мы теперь к тебе в гости, все твое кушанье съедим, все твое вино припьем, цветное платье все поизносим, золотую казну порастаскаем.

Не понравились Василию такие дерзкие речи, выскочил он на широкий двор, схватил дубовую палку, стал по двору похаживать и палкой помахивать: махнет направо — лягут побитые улицей, махнет налево — ложатся переулком; словно градом набило на землю новгородских жителей.

Видит тут Василий Буслаев — идет к нему в гости Костя Новоторжанин; подходит Костя к чаре зелена вина, берет

чару одной рукой, выпивает ее за единый раз. Выскочил Василий из сеней да как ударит Костю своей дубинкой со всего размаха: стоит Костя, с места не тронется, на голове кудри не шелохнутся.

— Будь моим дружинником,— сказал ему Буслаев, увидав его силу и мужество,— войди в мои палаты белокаменные.

Пришел за Костей вслед Потанюшка Хроменький, взял чару одной рукой, выпил единым духом, так же как Костя выдержал — не шелохнулся под ударом Буслаевой дубинушки, и его Василий позвал в свою дружину.

Принял к себе Василий и Фомушку Горбатенького и решил, что с такими товарищами ему больше некого бояться во всем Новгороде.

Была в Великом Новгороде община Никольщина. Собрались однажды братчики все вместе пир пировать: каждый давал старосте свою долю денег, а старосты на те деньги устроили пир.

Собралось на тот пир много князей, бояр, удалых добрых молодцев; не позвали только Василия с дружиною.

Тогда пришел он на пир незванный, непрощенный, привел с собой и свою дружинишку. Спрашивает:

— Почем следует с брата?

Отвечают братчики нехотя:

— Званому-то гостю хлеб да соль, а незваному места нет.

Однако Василий заплатил им по пяти рублей за своих товарищей, а за себя самого пятьдесят рублей дал и говорит им:

— Званным-то гостям почетные места отведены, а незванным надо устраиваться, как бог пошлет!

Идет Василий с дружиной, никого о дороге не расспрашивает; левой ногой вступили они в горницу, а правой прямо шагнули к большому столу в красный угол, на самое лучшее место; стал Василий правой рукой народ раздвигать: кто на

скамье сидел — в угол попал, а из угла его к сениям оттеснили, а оттуда иной за дверь угодил, и поднялась тут теснота и давка.

Кричит Василий:

— Хотите со мной побиться о великий заклад? Буду я с вами бороться: если одолею вас — заплатите мне денег по три тысячи, а если меня одолеете, повалите хоть до мосту, хоть на мосту — отдам вам свою буйную голову.

— Что ж, мы готовы бороться с тобой, — отвечают новгородцы, — только будем уже всем народом биться с тобой, Василий Буслаев!

И сделали запись об этом великом закладе.

Как проведала о том, что Василий надумал, родная матушка его, Авдотья Васильевна, со страху сердце у ней так и упало:

— Убьют, убьют новгородцы моего милого сына!

Заперла Авдотья Васильевна сына своего дома, дверь закрыла крепкими замками железными, отобрала у него все оружие, сама насыпала полную чару красного золота, а другую чистого серебра, а третью скатного жемчуга, пошла поклониться новгородскому князю, просить помиловать ее любезного сына.

Говорит новгородский князь:

— Ничего не могу для тебя сделать, честная вдова, уже у нас записи сделаны о великом закладе, что держит твой сын; тогда прощу Василия, как голову с него снимут!

Пошла домой Авдотья Васильевна, заплакала горько, все дары свои по земле рассыпала.

— Не дороги мне ни жемчуг, ни золото, дорога победная головушка родимого сына Васильюшки!

Поутру собрались на мосту новгородцы; народу видимо-невидимо, а Василий спит себе за железными запорами, позабыл, какая беда ждет его.

Выскочил тут Фомушка Горбатенький; один пошел против всех новгородцев, перебил силы пятьсот человек; пришел ему

на смену Потанюшка Хроменький, а за ним Костя Новоторжанин, перебили силы видимо-невидимо; только стали уставать добрые молодцы, а много еще против них новгородцев — все приходят новые и новые, нет конца борьбе.

В это время мыла на Волхове цветные платья служанка Василия, девушка Черनावушка; кричит ей Васильева дружина:

— Девушка Черनावушка! не дай нам погибнуть понапрасну, позови к нам Василия на помощь!

Стала Черनावушка к дому Васильеву пробиваться: уложила на месте новгородцев пятьсот человек, разбудила доброго молодца, отворила замки железные, вышел Василий к мосту, говорит своей дружине:

— Храбрая моя дружинишка, подите вы теперь отдохните, я и без вас тут управлюсь.

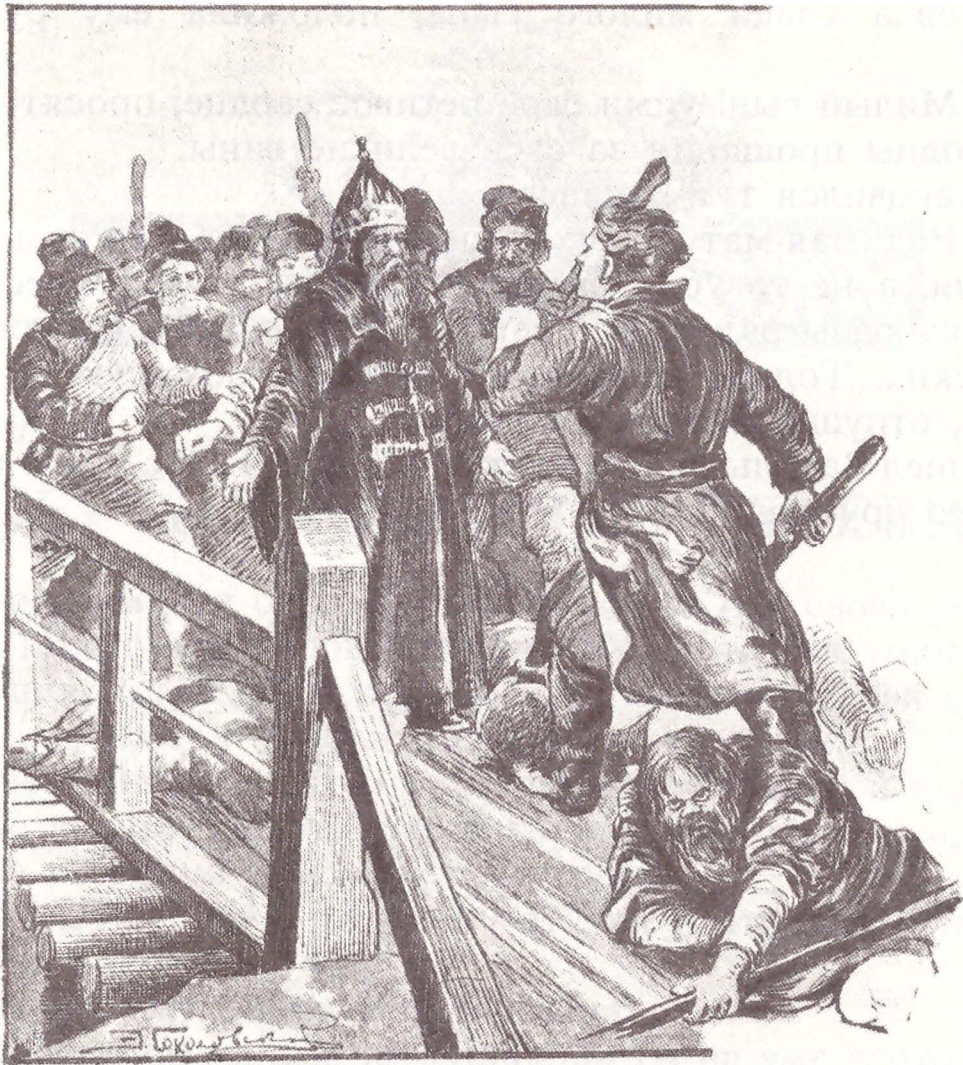
Стал Василий по мосту похаживать, стал дубинкой помахать, набил словно градом новгородских жителей и все не унимается; пришла беда на новгородских жителей, сам воевода с посадником пошли к Авдотье Васильевне, кланяются ей в пояс, просят, чтобы уняла она своего любезного сына, не то перебьет Василий весь Новгород!

Отвечает им честная вдова:

— Не могу я ничего сделать для вас теперь; сердит на меня мой милый сын за то, что заперла я его железными замками, спрятала его оружие. Пойдите поклонитесь его крестовому батюшке, старчищу Питиримищу, может быть, послушает его Василий, уймёт свое сердце.

Выслушал старчище Питиримище просьбу новгородцев, надел шапку-колокол весом в девяносто пуд, языком колокольным, как дубинкой, подпирается, вышел унимать своего крестового сына.

— Слушай меня, милое мое чадо: уймись до поры до времени; всей воды тебе из Волхова не вычерпать, не перебить тебе всего Новгорода, да и меня уважь, своего крестного, не наступай на меня с дубиной!

— А для чего ты, крестный, не вовремя мне под руку попадаешься? Не шутки ведь я шучу: буйную свою голову отстаиваю!

Поднял Василий свою дубинушку в девяносто пуд да как ударит по колоколу: разбил колокол вдребезги, а еще раз ударил — и дух вон вышиб из крестового батюшки.

Тогда сам князь новгородский пошел к Авдотье Васильевне, поклонился ей великими дарами, упросил, умолил ее заступиться за новгородцев.

Надела Авдотья Васильевна смирную черную одежду, надела шубку соболью, пошла на мост, зашла Авдотья

Васильевна сзади милого сына, положила ему руки на плечи:

— Милый сын! уйми свое ретивое сердце; просят у тебя новгородцы прощения за свои великие вины.

Остановился тут Буслаев:

— Родимая матушка! хорошо ты сделала, что зашла сзади меня, а не то убил бы я и тебя, как своего крестового батюшку: разыгралось мое ретивое сердце, расходились сильные руки... Только ради твоей просьбы помилую я новгородцев, отпущу их великие вины.

И ушел Васильюшка с места побоища, увел с собой и свою храбрую дружину.

СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЧА

Пораздумался однажды Васильюшка над своей участью:
— Много я попиrowал, удалъ свою потешил, много загубил душ хриcтианских; пора мне подумать и о своей душеньке грешной, пора замолить свои тяжкие грехи.

Созвал Василий свою храбрую дружинишку, и надумали они все вместе поехать в град господень, Иерусалим, чтобы у гроба господня замолить свои грехи.

Пошел Василий к родимой матушке взять у ней благословение на дорогу.

Говорит ему Авдотья Васильевна:

— Сын мой милый, не дурное ли ты на уме держишь: не собираешься ли заводить новую ссору? Если вправду хочешь ты ехать грехи замаливать, дам тебе свое благословение, а если дурное у тебя на уме — пусть лучше не носит тебя мать земля сырая. Запомни еще, что я тебе скажу, Васильюшка: как будешь купаться в Иордане-реке, не купайся нагим телом, бог тебя накажет за это — вспомни, что сам Иисус Христос купался в Иордане.

Снарядил Василий свои белопарусные кораблики и поехал то Ильмену-озеру, свернул на Волгу-матушку; едет день, другой, встречается купеческий корабль, нагруженный богатыми заморскими товарами.

Спрашивают купцы дружинишку Буслаева:

— Куда путь держите, за делом или так погулять по морю, с кем-нибудь удалю переведаться?

— Не гулять едем по морю,— говорит Василий,— едем в Святой град грехи свои тяжкие замаливать; не знаете ли вы прямого пути в Святую землю?

Отвечают купцы:

— Не проехать вам, добрые молодцы, прямоезжей дорогой, стоит на ней заставой целый разбойничий стан. А поезжайте вы дорожкой окольной, хоть и надо ехать по ней целых полтора года.

— Стыдно мне,— говорит Буслаев,— ездить окольными дорожками, поедем прямым путем!

Доехали они до заставы; испугались разбойники, увидав Васильеву дружину.

— Беда нам пришла: ведь это сам Василий Буслаевич жалуется к нам со своей дружиной!

Приняли их разбойники очень радушно, хлеб-соль поднесли да дары богатые дали им и надежного человека, который проводил бы их до Иерусалима. Приехал Василий в Святой град, отслужил панихиду по отцу своему, Буслаю, поклонился гробу господню, а потом пошли все купаться в Иордане. И позабыл Василий завет своей матушки, выкупался в святой реке нагим телом.

На Фаворе-горе увидел Василий с дружиной соборную церковь с двенадцатью престолами, а стоит она на том месте, где преобразился сам Спаситель. Недалеко от церкви на обратном пути увидели они на земле в пыли кость богатырскую. Стал Василий толкать ногой кость, шелковой плеткой ее похлестывать.

— Чья это тут кость валяется — татарина-басурмана или христианина-богомольца?

И слышит Василий — говорит ему кость человеческим голосом:

— Что толкаешь меня ногами, добрый молодец? Ведь я при жизни был добрым христианином, принял смерть на-

прасную... где теперь лежу — там и ты сложишь свою головушку, не доедешь и до церкви соборной.

Не испугался Василий.

— Не верю я ни в чох, ни в сон.

Повернул Василий к соборной церкви, а перед церковью

лежит белый камень, на нем надпись: «Кто перескочит через этот камень три раза, тот попадет в соборную церковь, а кто не перескочит — тому и в церкви не бывать!»

И вся дружинушка Васильева перескочила через камень; стал Василий сам перескакивать: два раза перескочил через камень, а на третий захотелось ему свою удачу попытать, показать себя.

— Не только передом — я и задом перескочу через камень.

Стал Василий задом через камень перескакивать и задел за камень правой ногой, головой о камень ударился, тут ему и конец пришел, чувствует Василий, что смерть его близка, созвал свою дружину и говорит ей:

— Поезжайте домой, добрые молодцы, свезите поклон моей родимой матушке; скажите ей, что прошу я ее помолиться за мою грешную душу, скажите ей: сосватался сын ее любимый на Фаворе-горе, женился на белом горячем камне.

Умер Василий тут же на горе, и схоронила его дружинущка; поехали они домой невеселые, а Авдотья Васильевна вышла встречать милого сына, ясного сокола.

— Нет с нами твоего сына, Авдотья Васильевна! сосватался он на Фаворе-горе, женился на горячем белом камне.

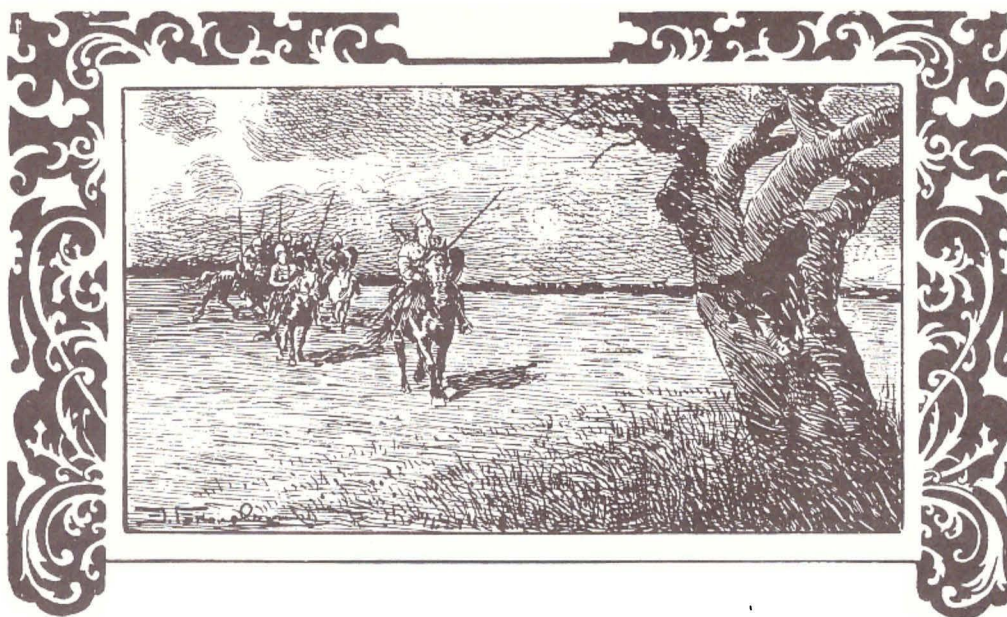
Горько заплакала Авдотья Васильевна:

— Как буду жить теперь без милого сына Васильюшки? Не мил мне белый свет!

Раздала она свое имение по церквам да убогим людям, а сама ушла в монастырь замаливать грехи любезного сына Васильюшки; проводила ее дружина Васильева с хлебом-солью; низко поклонились добрые молодцы Авдотье Васильевне, благодарили ее за ее к ним милость да ласку, просили ее помолиться и за их грешные душеньки.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА РУСИ?

Однажды на закате солнца выехало на Сафат-реку семеро русских богатырей, названных братьев; был тут и Илья Муромец, и Добрыня, и Алеша Попович.

Видят богатыри перед собою широкое чистое поле, а среди поля вырос развесистый дуб, дуплистый, старый; около дуба сходятся три дороги: первая ведет к Новгороду, вторая к старому Киеву, а третья к синему морю, последняя дорога широкая, прямая, только нельзя по ней ездить: уже три года, как залегла она, заняли ее разбойники татары.

Остановились под дубом русские витязи, разложили тут шатер полотняный, коней пустили на зеленый луг, а сами легли отдыхать. Поутру проснулся Добрыня с зарею, чистой росой умылся, господу богу помолился и оглянулся кругом. Видит Добрыня: за Сафат-рекою стоит белый полотняный шатер, залег в нем злой татарин, не дает проезду конному, не дает дороги пешему.

Оседлал Добрыня своего доброго коня, положил потнички

на потнички, войлочки на войлочки, а сверх всего на коврик надел черкасское седельце, взял свое оружие, сел на коня и ударил своего бурушку по крутым бедрам; конь от земли отделился, перескочил на другой берег Сафат-реки. Кричит Добрыня татарину:

— Выходи, злой татарин, со мной на честный бой!

Не два ветра в поле слетались, не две тучки в небе сходились — сходились, слетались два удалые витязя, сломались в этой сшибке их острые копья, в куски рассыпались булатные мечи.

Сошли тогда витязи с коней, стали биться рукопашным боем; размахнулся Добрыня правой рукою, поскользнулась у него правая нога, упал Добрыня на сырую землю, и разрубил татарин грудь его белую, вынул из нее молодецкое, богатырское сердце.

Встал и Алеша, росой умылся, богу помолился, вышел из шатра — видит, стоит у шатра конь Добрыни, стоит невесел, копытом землю роет, очи потупил, тоскует по хозяине.

Поскакал тогда Алеша к татарскому шатру, видит он — лежит Добрыня в чистом поле убитый; очи ясные закатились, опустились руки сильные, на груди запеклась богатырская кровь.

Кричит Алеша:

— Злой татарин-бусурманин! выходи со мною на честный бой!

Отвечает татарин:

— Худо тебе, Алеша, бороться со мною, из твоего рода все в бою не крепки, — не устоишь и ты!

— А ты, молодец, не хвались раньше времени, хвались потом, как одолеешь меня в бою.

Но в бою одолел Алеша татарина; уже заносит меч свой, чтобы срубить ему голову, как откуда ни возьмись прилетает черный ворон и говорит Алеше:

— Послушайся меня, добрый молодец, не убивай татарина; слетаю я за синее море, принесу тебе мертвой и живой воды. Вспрыснешь ты Добрыню мертвой водой — срастется

его белое тело, впрыснешь живой — очнется добрый молодец.

Послушался Алеша ворона. Принес ворон живой и мертвой воды, и ожил Добрыня, а татарина богатыри отпустили на волю.

Вот проснулся Илья Муромец, росой умылся, богу помолился, оглянулся кругом, видит старый казак — на том берегу Сафат-реки собралась несметная татарская сила, столько силы, что ни на коне ее не объехать, серым волком не обжесть, черным вороном не облететь.

Закричал Илья громким голосом, собрал своих названных братьев; сбежались витязи, сели на добрых коней, все врубались в силу татарскую. Долго бились витязи и одолели татарскую силу: кого конем потоптали, кого мечом порубили, и разгорелось в богатырях молодецкое их сердце, расходились могучие руки; стали они похваляться:

— Одолели мы татарскую силу; руки у нас еще не притомились, кони не утопались!

И сказал Алеша безрассудное слово:

— Не только с татарской силой мы можем справиться, но справились бы и с нездешней силою, если б вышла против нас такая сила.

Не успел Алеша кончить своей речи, а сила небесная тут как тут: явилось двое воинов; лица у них светлые, как день.

И говорят воины русским витязям:

— Давайте померяемся с вами силою, не смотрите на то, что нас двое, а вас семеро.

Не угадали витязи, кто явился перед ними, как ударил Алеша одного воина с размаху по голове, разрубил его надвое и видит дивное диво: вместо одного — перед ним двое воинов; разрубил он обоих — и стало воинов четверо.

Кинулся в битву Добрыня; порубил воинов и видит чудное чудо: из каждого воина стало два.

Прискакал Илья Муромец, ринулись в битву и другие богатыри: чем больше рубят, тем больше прибывает у против-

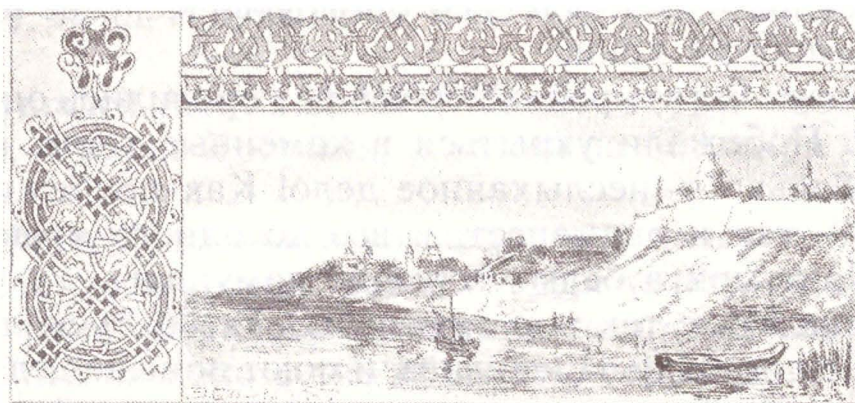
ников их силы; утомились тут у богатырей могучие руки, при-топтались добрые кони.

Страх взял богатырей; в первый раз бросились они бежать от врага... Побежали укрыться в каменные горы, в темные пещеры. Только — неслыханное дело! Как подбежит к горе богатырь — так и окаменеет; и все до одного превратились могучие богатыри в белые горючие камушки.

И перевелись с тех пор витязи на святой Руси, только не замолкла, не потемнела их слава, и поют поныне деда внукам славные песни об их великих подвигах, о верной их службе Солнышку-князю и всему народу христианскому.

ПЕСНЯ О ЩЕЛКАНЕ ДУДЕНТЬЕВИЧЕ

Сидит царь Азвяк Таврулович у себя в Большой Орде на золотом стуле, алым бархатом крытом, суд держит, расправу творит, костылем своим по виновным помахивает, послушных слуг своих награждает.

И подарил Азвяк трем своим шурьям по русскому городу: Василья посадил княжить на Плесу, Гордею пожаловал Вологду, а Ахрамея послал в Кострому.

Только одному своему любимому шурину Щелкану не дал Азвяк никакого города, так как Щелкан не случился в эту пору в Орде: ездил он за синие моря, в литовские страны собирать с народа жестокие дани: брал он с князей по сту рублей, с бояр по пятидесяти, с крестьян по пяти рублей. У которого денег нет, у того дитя возьмет, у кого дитяти нет, жену в плен увезет, у кого жены нет — того самого навек в Орду увезет, измучают его татары непосильными вековыми работами.

Воротился Щелкан домой с богатыми данями: конь под ним в сто рублей, седло в тысячу, узде и цены нет, потому что она — жалованье царское.

Узнал Щелкан про ханские подарки и говорит Азвяку: — Царь Азвяк Таврулович, слышал я, что раздарил ты

своим шурьям стольные русские города, дай и мне Тверь старую, богатую, отдай мне под начало двух тверских князей, двух удалых Борисовичей.

Отвечает Азвяк:

— Хорошо, любимый мой шурин! я тебя пожалуйу богатой Тверью, только не даром, а вот если ты заколешь своего любимого сына, наполнишь большую чашу его младенческой кровью и выпьешь ее, тогда пожалуйу тебя Тверью.

И Щелкан заколол своего сына и выпил чашу его крови.

Поехал Щелкан в Тверь, стал судьей над народом, над двумя удалыми Борисовичами. Был он судьей неправым, надо

всеми боярами насмеялся, измучил народ поборами. Невмочь стало тверитянам от такого судьи, собрались старые посадские люди, поговорили между собою, сложили на Щелкана жалобу и пошли к удалым Борисовичам с просьбою:

— Вступитесь за нас, наши добрые князья!

Собрали князья богатые дани: серебра, золота, скатного жемчуга, пошли к Щелкану с поклоном просить его:

— Будь нам судьей справедливым и милостивым.

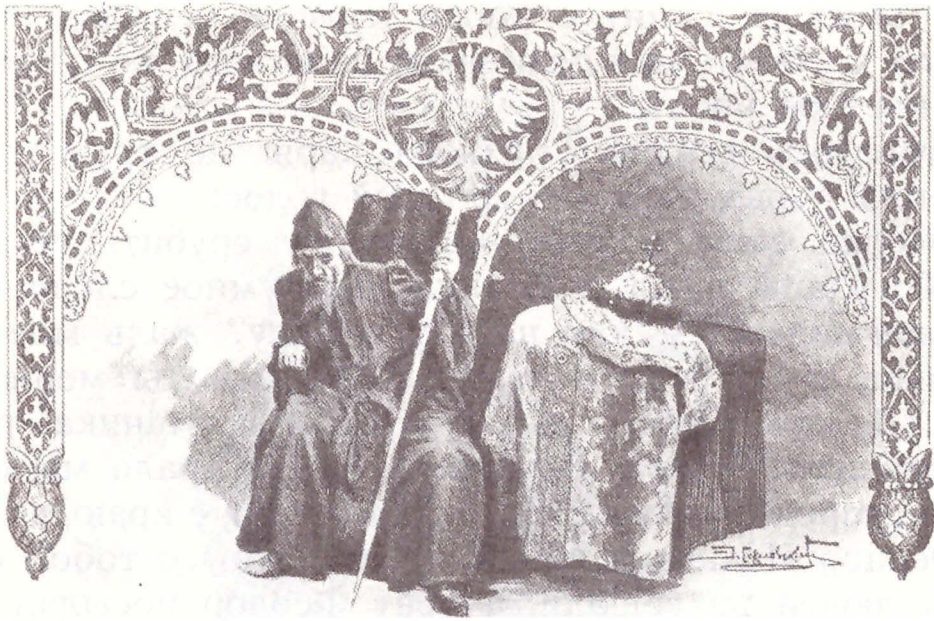
Зазнался Щелкан, зачванился, принял Борисовичей не как князей знатного, славного рода, а как своих последних слуг.

Разгорелось сердце у молодых удалых князей, не вытерпели они кровной обиды, бросились на Щелкана: один ухватил его за волосы, а другой за ноги — да и разорвали его пополам.

Так умер Щелкан позорной смертью, никто за него не вступился, никто не наказал удалых Борисовичей за смерть злого Щелкана.

ПЕСНЯ О ГРОЗНОМ ЦАРЕ

То не солнце красное засияло на синем небе — воцарился в Москве Грозный царь, Иван Васильевич.

Созвал однажды Иван Васильевич на почестный пир своих князей, и бояр, и могучих опричников; хорошо угостились гости, языки у них поразвязались, порасхвастались они кто чем: кто хвалится селами с приселками, кто городами с пригородами, умный хвастает родом-племенем, глупый — женой-красавицей...

Вставил и Иван Васильевич в речь гостей грозное свое слово:

— Есть и мне чем похвалиться: царскую свою власть вынес я из Царь-града, на себя надел я царскую порфиру, взял в руки царский посох — всякую измену повывру я с корнем по всей Руси!

Не солнышко проплывает красное, не скатный жемчуг рассыпается — ходит по царской палате молодой Иван-царевич, услышав родительские слова, посмеивается:

— Государь мой батюшка! Не вывести тебе измены из ка-

менной Москвы, сидит с тобой измена за одним столом, одним ты хлебом с ней делишься, одно и то же с тобой она платье цветное носит.

Разгорелось сердце Грозного царя: не труба золотая вострубила — раздался его грозный голос:

— Подай сюда измену — прикажу срубить ей голову!

— Государь! вижу, сказал я неразумное слово, — отвечает Иван-царевич, — как назову измену? жаль мне твоего изменника, а на себя покажу — казнишь ты меня лютой казнью. Делать нечего, назову твоего ослушника, родного моего братца Феодора Ивановича. Когда брали мы с тобой стольный город Москву, ехал ты, господин, с краю, а я с другого, Феодор Иванович был посредине; мы с тобой ехавши казнили людей да вешали, а брат Феодор посылал вперед послов, чтобы могли вовремя скрыться виновные; все они по домам попрятались, в чистое поле поразбежались и схоронили от тебя измену.

Не помнит себя от гнева Иван Васильевич:

— Идите сюда, палачи немилостивые, возьмите Феодора Ивановича за белые руки, сведите его в чистое поле, на дальнее болото, отрубите ему голову за его изменные дела.

Поразбежались все палачи, попрятались, остался один Малюта Скуратов.

— Казнил я немало царей-царевичей, казнил без счету королей-королевичей, не миновать и Феодору Ивановичу моей тяжелой руки.

Взял поганый Малюта царевича за белые руки и повел на казнь.

Как услышала об этом царица Авдотья Романовна — света белого не взвидела, обула сапожки на босу ногу, накинула соболью шубку на одно плечо, побежала в хоромы своего родного братца Никиты Романовича:

— Не знаешь ты, не ведаешь, свет Никита Романович, какая на нас пришла беда, какая великая печаль: повел поганый Малюта казнить твоего родного племянничка! Упадает звезда поднебесная, угасает свеча воску ярого!

Испугался Никита Романович, бросился вон из хором, вскочил на коня неоседланного, невзнузданного, кричит громким голосом:

— Не по плечу ты себе дело взял, вор, Малюта Скуратов, не казни царевича — самому тебе ведь головы не сносить!

Не слушает Малюта: уже взял он царевича за русые кудри, наклонил его голову на липовую плаху, уже нож над ней заносит.

Как взмахнет мечом Никита Романович, отнес Малю-

те голову по самые плечи, а царевича скрыл в своем доме.

Отдав во гневе безрассудный приказ казнить царевича, призадумался Грозный царь, закручинился. Как пришла пора ехать к вечерне, надел он на себя смиренное черное платье, велел заложить вороных лошадей в черную карету — ехать в Божию церковь.

Только видит Иван Васильевич — навстречу ему едет шурина его, Никита Романович, на лошадях рыжих, сам в цветном платье; встретившись с царем, поклон ему низкий отдает.

— Здравствуй, государь Иван Васильевич. со всей твоей семьей, с любимой женой Авдотьей Романовной, с любезными детками царевичами: Иваном Ивановичем да Феодором Ивановичем!

— Любимый шурина мой, Никита Романович, не ведаешь ты над собою невзгодушки! Нет уже в живых любимого твоего племянника Феодора Ивановича — срубил ему Малюта голову в дальнем поле.

Но Никита Романович и во второй, и в третий раз повторил свои слова; разгневался царь:

— Видно, ты надо мной шуточки шутить надумал не вовремя. Вот отойдет заутреня, и тебе прикажу срубить буйную голову! — И заплакал царь: — Казнил я воров и разбойников — за каждого находил заступника, а как приказал я казнить милого сына — не нашлось никого, кто бы за него заступился!

Говорит Никита Романович:

— Простишь ли теперь, государь, послушника?

— Что толковать пустое, — молвил Грозный, — и простил бы, да прощать-то некого!

— Послушай же меня, Грозный царь, не дал я вору Малюте срубить голову царевичу — самому Малюте срубил я голову.

Обрадовался Грозный царь, бросился к шурина, взял его за белые руки, поцеловал в сахарные уста.

— Чем мне тебя пожаловать, мой любезный шурина, за

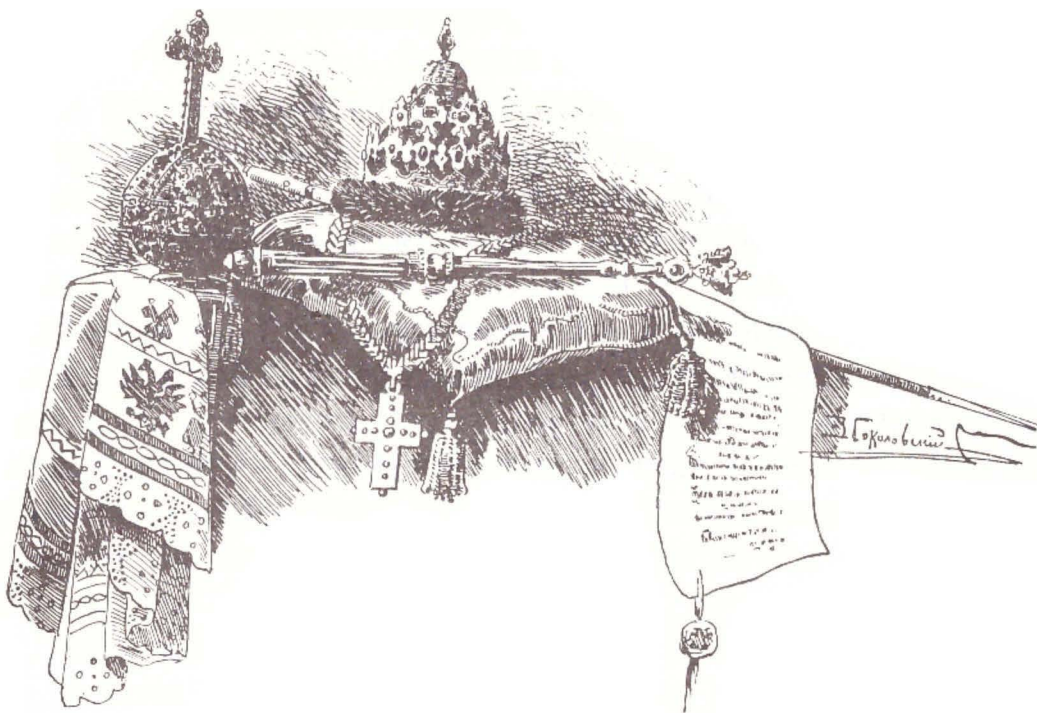
твое ко мне раденье: дать ли тебе сел с приселками, городов с пригородами или золотой казны?

— Ничего мне не надо, царь-государь,— есть у меня и села с приселками, и золотая казна, пожалуй мне лучше Никитину вотчину, чтобы всякий виновный, всякий заслуживший твою немилость мог укрыться в ту вотчину от твоего великого гнева, заслужить твое прощенье!

Исполнил царь просьбу праведного боярина, пожаловал ему Никитину вотчину, и спасались в ней люди от великого царского гнева.

Тут Никите Романовичу и славу поют — честь воздают за его добро, за милости, за правдивые дела, угодные богу.

ПЕСНЯ О ВЗЯТИИ КАЗАНИ

Плохо спалось однажды молодой царице Елене в белокаменных палатах своего Казанского царства.

Говорит она мужу своему, царю Симеону:

— Видела я во сне, что из Москвы сизый орел налетел на нас, грозная туча надвинулась на наше царство.

А в то время из Москвы собрался идти на Казань великий князь московский со своими грозными полками, со старыми воинами-казаками.

Не доходя пятнадцати верст до Казани, сделали они подкопы на Булак-реке, на другой реке Казанке; зарыли в землю пороховые черные бочки под самое Казанское царство и зажгли свечу воска ярого, чтобы поджечь порох.

А на стене Казани-города похаживают татары, посмеиваются над грозным царем:

— Не взять тебе Казани ни во сто лет, ни в тысячу. Разгневался тут царь на своих слуг-канонеров¹, начал их

---

¹ Канонер — пушкарь, от французского слова «канон» — пушка.

казнить за измену, за то, что не сумели они устроить подкопы, взорвать городские стены. Испугались канонеры, друг за дружку попрятались, только один из них, молодой воин, сказал царю:

— Великий государь, не вели ты казнить нас, верных твоих слуг: ведь на поле больше воздуху — горит на поле свеча быстрее, а в земле горит медленней — оттого и нет еще взрыва.

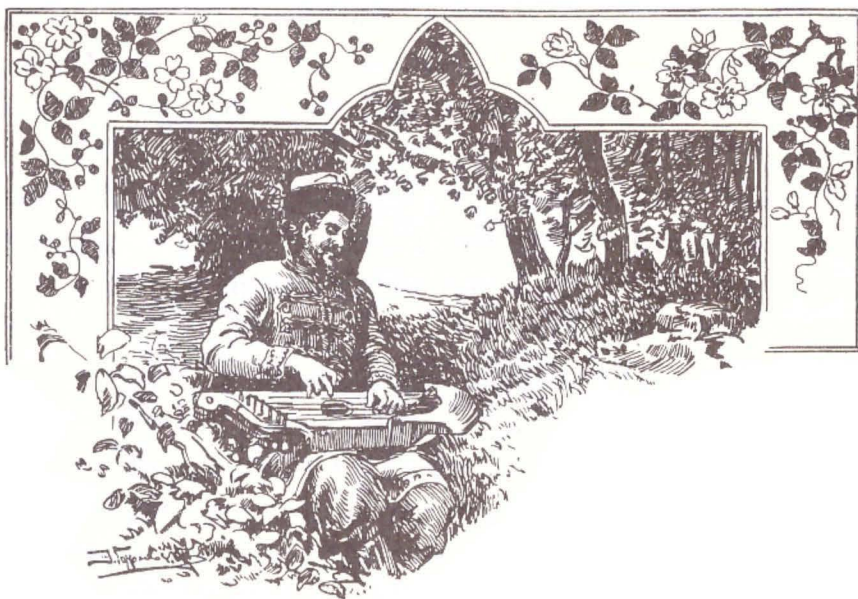
Призадумался тут Иван Васильевич, понял, что правду говорит его слуга, и стал терпеливо дожидаться взрыва.

Догорела в земле свеча, зажгла порох, растреснулась высокая гора, распались на куски белокаменные палаты царя Казани, и взошел в город царь Иван Васильевич.

И догадалась тут царица Елена встретить Грозного царя с хлебом-солью, встретила она царя радостно, низко ему поклонилась.

Понравилась царю покорность Елены, и помиловал он царицу, привел ее в христианскую веру, а царя Симеона приказал казнить за его гордость, снял с него корону и порфиру и надел их на себя, взял в руки царский скипетр и сделался царем на Москве, и сама Москва тогда же основалась и покрылась великой славой.

САДКО, БОГАТЫЙ ГОСТЬ

Велик и богат славный город, государь Великий Новгород: не окинешь глазом его широких концов, не перечтешь его посадов и пригородов.

Весело живут в нем богатые гости — новгородские купцы: то и дело задают пиры на весь мир в своих светлых расписных хоромаш; сидят гости за столами белодубовыми, едят яства сахарные, пьют напитки медвяные, гуслиаров-певцов искусных слушают-потешаются.

Во всем Новгороде нет гуслиара искуснее Садка; наперыв зовут его играть на барские и купеческие пиры; тем только Садко и промышляет и живет себе припеваючи, на судьбу не жалуется.

Только пришли и на Садка черные дни: и день, и два, и три никто не зовет его играть на пир. Соскучился Садко, бродит без дела, пошел к Ильменю-озеру, сел на горюч белый камень и начал песни напевать, на гуслиях подыгрывать.

Видит Садко: всколыхнулось озеро, заходили по нем волны; удивился и испугался Садко и ушел домой в Новгород.

И опять целых три дня не зовут Садка играть на пиры, и опять пошел он от скуки к Ильменю и заиграл на гусях. Всколебалось, расшумелось широкое озеро — из воды показался грозный царь морской и повел к Садке такую речь:

— Полюбилась мне, Садко, искусная игра твоя. Чем мне тебя пожаловать за нее? Мог бы я дать тебе и серебра и золота — да лучше научу тебя, как разбогатеть. Поди ты на пир к новгородским купцам и побейся с ними о великий заклад, что есть в Ильмене-озере рыбки о золотых перьях. Поставь ты на заклад свою буйную голову, а купцы пусть поставят лавки товара красного¹; сплети себе шелковый невод и приходи к Ильменю ловить рыбок: брошу я тебе в сети трех златоперых рыбок — выиграешь ты заклад и разбогатеешь.

Вернулся Садко домой и видит — как раз пришли за ним звать его играть на богатом пире. Долго играл Садко, тешил гостей сладкими песнями; напоили его хозяева крепкими медами, заморскими винами, угостили сахарными яствами, и разошелся Садко под конец пира, расхвастался:

— Знаете ли вы, честные гости, какое в Ильмене-озере есть диво-дивное, чудо-чудное — есть в Ильмене рыбки в золотых перьях.

— Небылицы ты, гусяр, рассказываешь, — говорят купцы.

— Хотите побиться со мною о великий заклад, что наловлю в Ильмене рыбок о золотых перьях — ставлю на заклад свою буйную голову, а вы поставьте свои лавки товара красного!

Согласились купцы: три богатых купца поставили на заклад по три лавки красного товара, и пошли все к Ильменю закидывать шелковые невода. Видят небывалое чудо: раз закинул Садко невод и вытащил золотую рыбку и второй раз закинул — вытащил еще рыбку, так же и в третий раз.

Нажил себе Садко девять лавок красного товара, стал торговать, барыши получать; поставил себе палаты белока-

---

¹ Лавки, в которых торговали тканями.

менные, все в палатах у Садка по-небесному: в небе солнце — и в тереме солнце, в небе месяц — и в тереме месяц и частые звездочки около рассыпаны.

Однажды Садко позвал к себе на пир честной всех новгородских жителей, знатных бояр, торговых людей, самого посадника с тысяцким. Угостились гости хорошо, языки у них поразвязались, кто чем порасхвастался: кто золотой казной, кто удачей-счастьем, кто родом-племенем... Один Садко сидит, молчит, ничем не хвастает.

Удивляются на него гости:

— Что же ты, Садко, ничем не хвастаешь?

— Что хвастать попусту, — говорит Садко, — вы и сами знаете, что казны золотой у меня без счета; платье мое цветное не изнашивается, дружина моя храбрая не стареется; если захочу, то могу скупить все товары новгородские худые и хорошие, всех по миру пушу: торговать будет Новгороду нечем.

— Ну, это ты напрасно похвалился — готовы мы о заклад биться, — говорят гости, — что не закупить тебе всех новгородских товаров, — а на заклад ставим тридцать тысяч.

Побились они о заклад.

Поутру поднялся Садко с зарею, разбудил свою дружину, дал ей казны без счету и разослал добрых молодцов по всем улицам скупать товары, а сам пошел в гостиный двор.

На первый раз скупил Садко все новгородские товары; но наутро навезли отовсюду новых. И эти забрал Садко. На третье утро пошел он в гостиный двор — опять навезено товаров видимо-невидимо.

Призадумался Садко:

«Не закупить мне всех товаров в Новгороде: скуплю товары московские, привезут товары заморские — приходится сознаться, что Новгород богаче меня».

И отдал Садко купцам проигранный заклад.

Построил Садко на свою бессчетную золотую казну тридцать богатых кораблей, серебром и золотом разукрашенных, нагрузил их разными новгородскими товарами, поехал по

Волхову в Ладожское озеро, а оттуда на Неву-реку и выехал в синее море. Распродав Садко за морем все свои товары, нажил несметные барыши, везет домой сорок бочек, нагруженных красным золотом, да три сорока — чистым серебром. Едет Садко по морю, а в море бушует непогодушка, разыгралась великая буря, бьют волны о корму корабля, палубу заливают, рвут паруса, ломают крепкие мачты.

Говорит Садко дружине:

— Видно, рассердился на нас морской царь за то, что ездим мы по морю целый век — никогда царю морскому дани не плачивали. Возьмите-ка вы самую большую бочку чистого серебра, спустите ее в синее море.

Не унимается буря. Недоволен данью морской царь. Опустили тогда в воду большую бочку красного золота, а все бушует непогода, разыгрывается — тонут богатые корабли.

— Видно, живой жертвы требует морской царь, — говорит Садко, — не миновать одному из нас лютой смерти. Давайте

бросим жребий, кому из нас идти на дно морское. Сделайте себе жеребья, а я свой сделаю на золоте; на каждом надпишем имена свои и пустим жеребья в волны; чей пойдет ко дну — тому отправляться к царю морскому.

И выплыли наверх все жеребья, кроме жеребья Садка, идет он ко дну. Опечалился Садко.

— Неправильно, братцы, мы кинули жребий, ведь мой-то всех тяжелее, оттого и ко дну идет. Сделайте себе жеребья из красного золота, а я себе сделаю ивовый, посмотрим, что будет.

Сказано — сделано; только опять тонет Садкин жребий, идет ко дну, и, сколько ни пытал Садко судьбу свою, все ему самому выходит в морское царство отправляться...

— Требуется самого меня царь морской, — промолвил Садко, — и делать тут нечего... несите мне мою чернильницу, перо лебединое, гербовую бумагу — напишу я свое завещанье.

И разделил Садко свое имущество на четыре части: одну часть отписал на божии церкви, а вторую — на нищую братью, третью же оставил родным, а четвертую распределил храброй своей дружине.

— Теперь, — говорит Садко, — принесите мне мои гусельки яровчатые¹, поиграю я, потешусь в последний раз: не видать мне больше света белого, не играть мне на моих золотых гусельках.

И опустили Садка в синее море, привязали его на дощечку дубовую, чтобы не так страшно было ему носиться по волнам, захватил он с собою и свои яровчатые гусельки: жалко ему было расставаться с ними.

Долго носили Садка морские волны, долго его с волны на волну перекидывало, закрыл он глаза со страху да тут же и заснул крепким сном.

Очнулся Садко — понять не может, что с ним такое при-

---

¹ Гусли яровчатые — гусли из явора, дерева рода клен. Из его древесины изготавливали музыкальные инструменты.

ключилось: видит себя на самом дне морском; кругом него вода зеленая, всякой рыбы и гадов морских видимо-невидимо; едва сквозь воду светит красное солнышко, как в тумане едва видна заря алая да небо чистое. На дне моря видит Садко перед собой белокаменные палаты. Вошел Садко в те-

рем: сидит в нем царь морской — косматое страшное чудище, в бороде запутались морские травы.

— Здравствуй, добрый молодец,— говорит морской царь своему гостю,— долго ты по морю езживал, дани мне не плачивал, за то и хотел я тебя самого повидать. Хорошо играешь ты на золотых гусельках! Хочу я твою игру послушать: потешь меня, позабавь хорошенько, сыграй мне свои сладкие песни.

Заиграл Садко на гусельках, развеселилось косматое чудище, пошло плясать — всколыхнуло все море.

Играет Садко день, второй — пляшет морской царь. Гуляют по морю великие волны, все море песком со дна замутилось, все корабли в щепки поразбились, гибнут люди толпами, гибнет и все их имущество, наступили невиданные, неслыханные беды. Стали люди молиться Николаю Можайскому, чтобы спас их угодник божий от такой невзгоды.

Играет Садко и слышит — кто-то тронул его тихонько за правое плечо. Обернулся Садко — стоит за ним седой старик, величавый и строгий с виду.

— Будет тебе играть, добрый молодец, в гусли,— говорит он Садке,— уймись, и так много бед натворил ты своей игрою.

— Я не виноват, божий человек,— возразил Садко,— играю не по своей воле, по приказу морского царя — не смею ослушаться.

— Повыври струны,— сказал ему святой,— поотломай гвозди, скажи царю, что нет у тебя с собою других струн — играть больше не на чем. Да слушай, что еще скажу тебе: станет предлагать тебе царь морской, чтобы ты в синем море женился на душе-девице, и покажет тебе всех морских красавиц; все пройдут перед тобою, и пропусти ты мимо первых триста прекрасных девиц, не выбирай себе из них жены; пройдет и еще триста, а позади всех пойдет девушка Черनावушка, непригожая, невидная: возьми ее за себя замуж и вернешься в Новгород, а вернувшись, построй церковь Николе Можайскому.

Изломал Садко гусельки, а царь морской упрашивает его:
— Поиграй еще, Садко,— больно развеселила меня твоя игра!

— Рад бы играть, да изломались струны, а других я не взял с собою в море!

Успокоился царь, отдохнул; говорит Садке:

— Не хочешь ли здесь у меня жениться, добрый молодец?

И стал царь показывать Садке невест: одна другой прекрасней проходят красные девицы. Но взял Садко за себя по совету Николы-чудотворца самую некрасивую и невидную девушку Черनावушку. Зато, как на утро после свадебного пира проснулся Садко, увидел он себя в Новгороде на берегу реки Чернавы, смотрит, а по Волхову бегут его кораблики, один другого краше, один другого богаче.

Горько плакала жена Садка, не видя так долго любимого мужа, кручинилась по нем его дружинишка.

А подъехав к Волхову, видят добрые молодцы — жив и невредим Садко!

— Как это ты тут очутился? — спрашивают они его.

Рассказывал им Садко все, что с ним приключилось. И стала упрашивать его молодая жена, чтобы не ездил он больше торговать за море.

Возвратясь домой, построил Садко в Новгороде богатую церковь Николе Можайскому, своему заступнику и покровителю. Как жар горели ее золотые маковки, весь иконостас сиял драгоценными камнями.

И стал Садко жить себе поживать лучше прежнего — бросил с тех пор ходить в синее море.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ

Зародилось горюшко от сырой земли, вышло из-под серого камушка, из-под ракитова кустика, в шелковые лапотки горе обулось, в рогожу горе нарядилось, лыком подпоясалось, пришло горе к доброму молодцу.

Едет добрый молодец в дальние страны людей посмотреть, себя показать; снаряжают его отец с матерью в дальний путь, наказывают доброму молодцу:

— Дитя наше любимое, как будешь на чужой стороне, не ходи в царев кабак, а как будешь на людях — не садись на большее место, выберешь место похуже — на лучшее тебя сами хозяева попросят, а как сядешь на большее место — станут над тобой смеяться добрые люди.

Не послушал добрый молодец родительского наказа, зашел по дороге в царев кабак, крестится молодец по писаному, поклон отдает по-ученому; выходит к нему хозяин, наливает чару зелена вина, говорит ласковые речи:

— Выпей, молодец, добрую чару, развесели свою душу.

Взял молодец чару: от края до края огнем кипит, посреди чары дым стоит. Выпил молодец чару и заснул крепким сном.

Проснулся — глядь: нет на нем дорогой шубы, сапожек сафьяновых, шапки черного соболя, пропали и денежки его,

оставили ему воры одну старую рогожу прикрыть грешное тело.

Закручинился тут добрый молодец, а горе на подмогу

из-за печки выскакивает, пляшет горюшко по горнице, само приговаривает:

— Не кручинься, добрый молодец; в горе жить — некручинну быть!

Научило его горе надеть кафтан из рогожи, лыком подпоясаться, да так и идти на пир.

Увидели на пиру доброго молодца — не знают хозяева, что с ним делать: по одеже — надо бы посадить его на малое место, там бы и кусочек ему какой-нибудь перепал из милости, а по роду-племени надо бы посадить его на место большое — так другим гостям обидно покажется... и посадили его на среднее место; тут поел и попил добрый молодец досыта, после пира тут же и выпался.

Наутро говорят ему добрые люди:

— Послушай-ка добрых советов: наймись служить к богатому купцу на двенадцать лет — наживешь и шубу бархатную, и сапожки сафьяновые, и денег пятьдесят рублей.

Послушался добрый молодец, прослужил у купца двенадцать лет, воротил назад все, что порастерял.

Опять советуют молодцу добрые люди:

— Не ходи, молодец, в царев кабак, не пируй, не гуляй, женись лучше — выбери себе по сердцу красную девицу, будешь жить-поживать, от горя навек избавишься.

А горе молодцу свое толкует:

— Эх, не живи чужим разумом — не женись, не продавай своей волюшки, пойдем лучше разопьем добрую чару вина, потешим молодецкую душу.

И послушался опять горя добрый молодец, прогулял все свое имущество, нажил себе неизбываемой беды, и связалось с ним горе с той поры на целый век: некуда молодцу от горя укрыться; молодец от горя в чистое поле, а горе за ним тенета¹ несет — стой, не уйдешь, добрый молодец; молодец

---

¹ Тенёта — сеть, пути.

от горя в быструю речку, а горе за ним невода тащит; молодец от горя в постель укрывается, а горе в ногах сидит:

— Не на час я к тебе, горе, привязалось — на целый век!

Молодец от горя в сырую землю, в гробовые доски, а горе за ним вслед лопату несет, тележку везет.

Положили молодца в сырую землю — сидит горе на могиле, присказывает:

— Хорош ты был, добрый молодец, ладно мы с тобой век прожили, а пойду по свету, найду и другого — получше тебя!

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

В славных степях саратовских, пониже города Саратова, повыше Камышина, собрались в круг вольные казаки с атаманом своим Ермаком Тимофеевичем. Стали они раздумывать великую, глубокую думушку. Говорит Ермак:

— Проходит красное лето, наступает суровая зимушка, где будем зимовать? Немало мы нашутили недобрых шуток, немало пограбили богатых кораблей, послов царских перебили, какой будем ответ держать? Будем жить на Волге — прослышем целый век ворами-разбойниками; уйти на Урал — переход слишком долог; под Казанью стоять — не рука: стоит под Казанью Грозный царь Иван Васильевич с ратной силой; всех нас, товарищи, переловят царские слуги, засадят в глубокие погреба в наказание за наши разбои и дурные дела. Уйдем-ка зимовать к славным купцам Строгановым, возьмем с собой хлеба про запас, захватим казну свою, а как наступит весна — пойдем походом на татар: заслужим своими подвигами себе прощение у царя Ивана Васильевича.

Стали казаки по весне строить себе лодочки-коломенки, ставить уключины еловые, строгать сосновые весла.

— Поедем вверх по реке Чусовой, — говорит Ермак, —

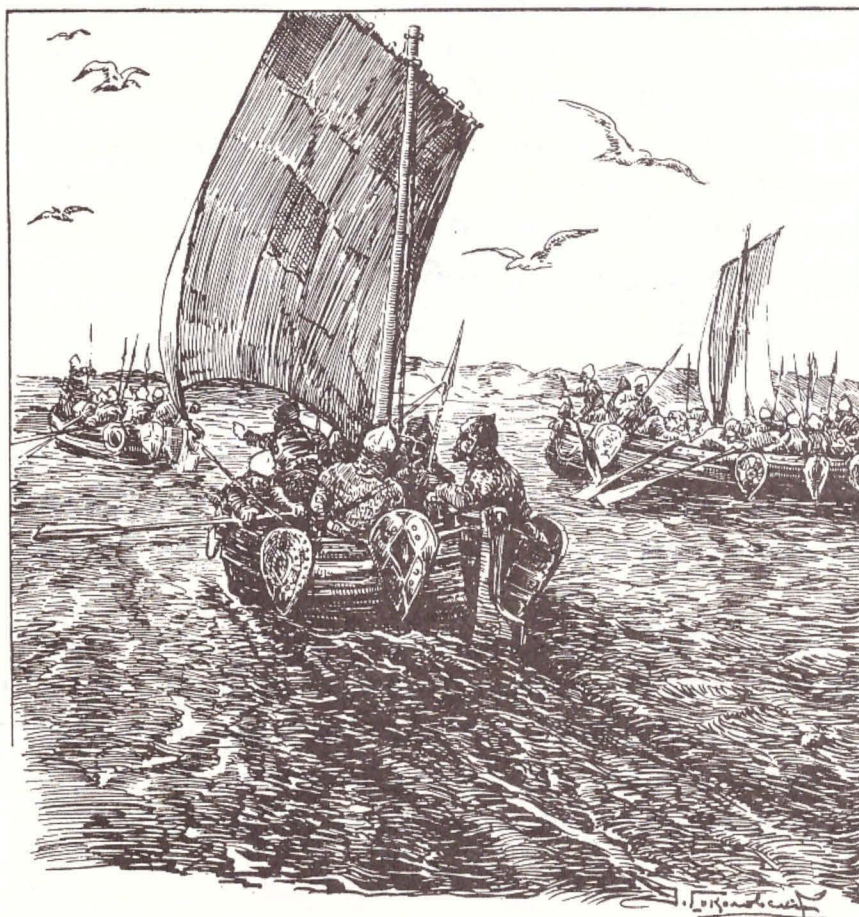

поберемся к басурманскому сибирскому царству; возьмем в плен царя Кучума — вымолим себе милость Ивана Васильевича, Грозного царя.

Долог и труден был поход: шли казаки вверх по Чусовой реке, а оттуда по Серебряной, а потом пришлось по земле им тащить на себе лодки — утомились казаки, оставили лодки по дороге.

Добрались казаки и до реки Баранчи и опять начали рубить себе сосновые боты, сколачивать наскоро новые лодки. У Медведя-камня жила дружина Ермака с весны до Троицы; поплыли они потом по Туре-реке и на Епанче остановились до Петрова дня; тут понаделали они соломенных людей, нарядили их в цветное платье; было у Ермака всего триста человек дружины, а тут стало более тысячи.

Поплыли казаки все вперед и вперед до татарских селе-

ний; взяли с собою в плен татарского князька, чтобы дорогу им указывал.

Собрали казаки еще раз думу и порешили, чтобы ехал Ермак вверх по реке к самому устью, а сами остались внизу. И загорелся тут под горой великий бой между казаками и татарами: как дождь сеются татарские стрелы, и выставили казаки вперед своих соломенных дружинников; видят татары, что сколько ни стреляют они — живы и целы казаки. Диву дались татары.

А Ермак Тимофеевич был уже на реке Сибири, дошел до малого устья, взял в плен самого царя сибирского и послал сказать татарам:

— Сдавайтесь, уже царь ваш у меня в руках.

Смирились татары, пришли к Ермаку с поклоном, принесли дары: куниц и соболей, и жил Ермак в Сибири до самой зимы, а зимой послал в Москву белокаменную своего верного есаула и казаков с богатыми подарками к Грозному царю.

Тихонечко подвигался есаул Кольцо к Москве, пришел в Москву в день святой Пасхи; поднялся он с товарищами на Красное крыльцо, упал на колени перед Грозным царем.

— Надежа, православный царь! не вели казнить, позволь речь держать: принесли мы тебе повинную голову; кланяется тебе атаман Ермак Тимофеевич богатым сибирским царством, что добыли для тебя казаки, верные твои слуги — прости же нам наши великие вины перед тобою!

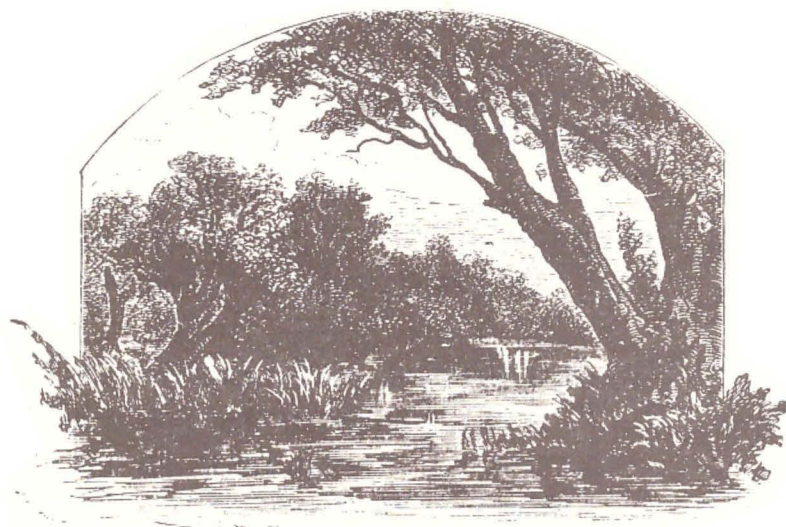
Ласково принял Иван Васильевич послов Ермака:

— Спасибо лихому казаку, Ермаку Тимофеевичу, за его верную службу, отпускаю я ему и товарищам его их прежние вины!..

Но не пришлось Ермаку попасть обратно на Тихий Дон, где бы можно было жить старому казаку: напали темной ночью на его малый стан изменники-татаровья, перебили всех его товарищей, а сам Ермак, спасаясь от них, прыгнул в Иртыш-реку и нашел могилу себе на дне его.

**ОБРАЗЦОВЫЕ
СКАЗКИ
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

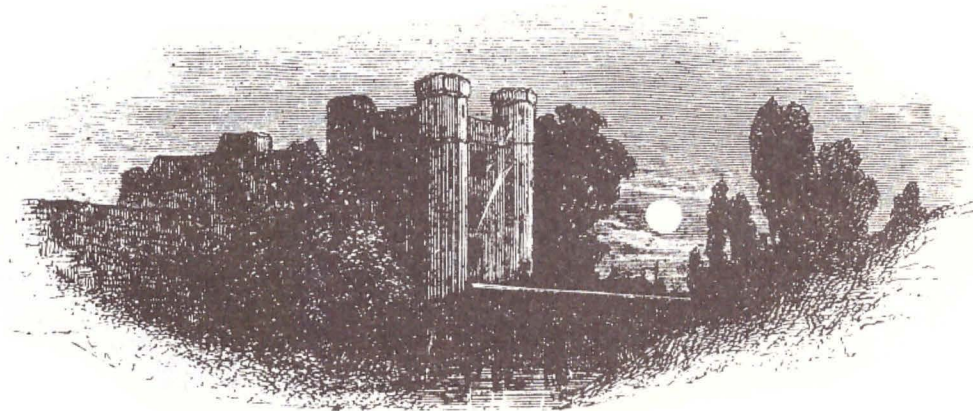
ОБРАЗЦОВЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Собрал для детей
В. П. АВЕНАРИУС

Рисунки Н. Н. Каразина, М. В. Нестерова
и других

Текст печатается по изданию:
ОБРАЗЦОВЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Москва: Издание книгопродавца А. Д. Сытина, 1897. 4-е изд.

А. С. ПУШКИН
ПРОЛОГ

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том;
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег пустынный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;

Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит;
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет-бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был; и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый,
Под ним сидел; и кот ученый
Свои мне сказки говорил...

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

СКАЗКА О ЦАРЕВИЧЕ ХЛОРЕ¹

До времен Кия, князя киевского, жил да был на Руси царь — добрый человек, любивший правду и желавший всем людям добра; он часто объезжал свои области, чтобы видеть, каково жить людям, и везде разведывал, живут ли по правде.

У царя была царица. Царь и царица жили согласно, царица езжала с царем и не любила быть с ним в разлуке.

Приехал царь с царицею в один город, построенный на высокой горе посреди леса. Тут родился царю сын дивной красоты; ему дали имя Хлор. Но посреди этой радости и трехдневного празднества царь получил неприятное известие, что соседи его беспокойно живут, в его землю въезжают и разные обиды пограничным жителям творят. Царь взял войско, что стояло поблизости в лагере, и пошел с ним для защиты границы. Царица поехала с царем. Царевич остался в том городе и доме, где родился. Царь приставил к нему семерых нянек разумных и в детском воспитании искусных. Город же царь велел укрепить стеною из дикого камня, по углам с башнями; по старинному обычаю на башнях пушек не поставили, так как тогда еще нигде не было пушек. Дом, в котором остался царевич Хлор, хотя и не был построен из сибирского мрамора и порфира², но был очень хорош и покойно расположен.

---

¹ В обработке В. П. Авенариуса.

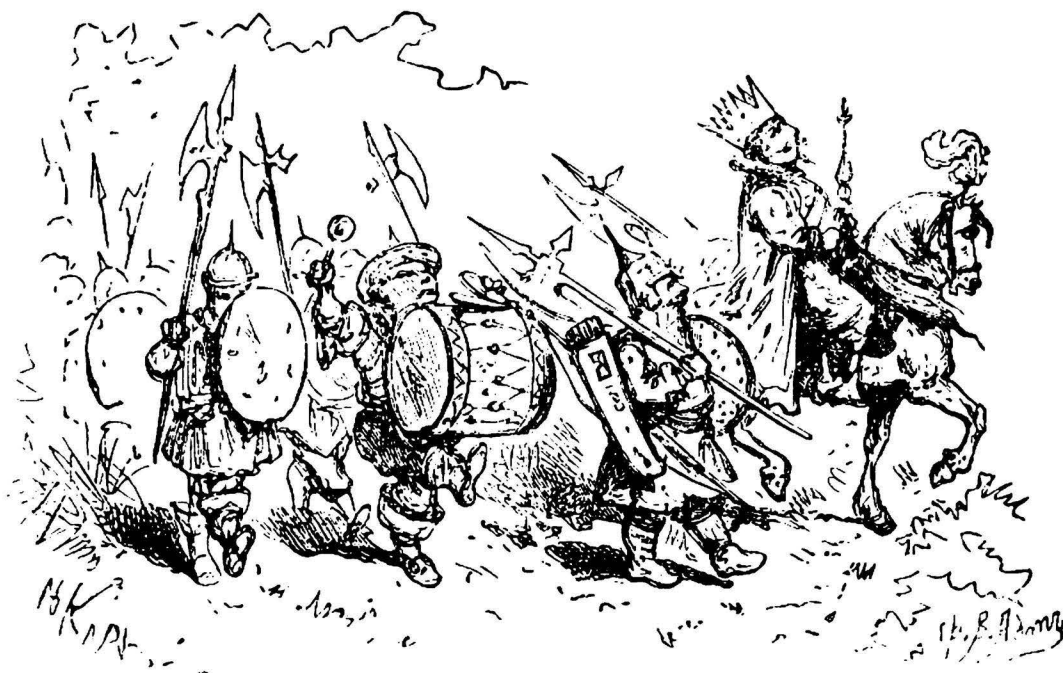
² *Порфир* — горный камень.

Позади палат были сады с плодовыми деревьями, а в садах — пруды с рыбами и беседки во вкусе разных народов, откуда имелся обширный вид на окружные поля и долины.

Когда царевич стал подрастать, кормилица и няни начали примечать, что он делается все красивей, а еще того умней и живей; и разнесся повсюду слух о красоте, уме и больших дарованиях царевича. Услышал о том и какой-то хан киргизский, кочевавший с кибитками по дикой степи; полюбопытствовал увидеть столь дивное дитя, а увидев, пожелал увезти его с собою; начал просить нянь, чтоб поехали с царевичем к нему в степь. Няни сказали со всякою учтивостью, что им того без дозволения царя делать нельзя, что они не имеют чести знать господина хана и с царевичем не ездят к незнакомым людям в гости. Хан не был доволен тем учтивым ответом, пристал пуще прежнего, как голодный к тесту; но, получив твердый отказ, наконец понял, что просьбами не успеет в своем намерении, и прислал к ним подарок. Они, поблагодарив, отослали дары обратно и велели сказать, что ни в чем нужды не имеют. Хан был упрям и, не оставляя своего намерения, стал раздумывать, как быть? Придумал, нарядился в изодранную одежду и, сев у ворот сада, будто человек старый и больной, стал просить милостыни у проходящих. Царевич прогуливался в тот день по саду, увидев, что у ворот сидит какой-то старик, послал спросить: что за старик? Побежали, спросили: что за человек? Возвратились с ответом, что больной нищий. Хлор, как любопытное дитя, просился посмотреть больного нищего. Няни, унимая Хлора, сказали, что смотреть нечего и чтоб послал к нему милостыню. Хлор захотел сам отдать деньги, побежал вперед. Няни побежали за ним, но чем няни скорее бежали, тем младенец шибче бежал; выбежав же за ворота и подбежав к мнимому нищему, зацепился ножкою за камешек и упал на личико. Нищий вскочил, поднял дитя под руки и пустился с ним под гору. Тут стояли вызолоченные роспуски¹, бархатом обитые. Сел хан

---

¹ *Роспуски* — повозка, сани.

на роспуски и ускакал с царевичем в степь. Няни, как добежали до ворот, не нашли уже ни нищего, ни дитяти, ни следа их не видали, и дороги тут не было, где хан с горы спустился. Сидя, держал он царевича перед собою одною рукою, как будто курочку за крылышко, другою же рукою махнул шапкою через голову и крикнул три раза «ура!». На голос его няни прибежали к косогору, но поздно, догнать не могли.

Хан благополучно довез Хлора до своего кочевья и вошел с ним в кибитку, где встретили хана его вельможи. Хан поставил к царевичу лучшего из старшин. Тот взял Хлора на руки и отнес его в богато украшенную кибитку, устланную китайскою красною камкою¹ и персидскими коврами; дитя же посадил на парчовую подушку и начал тешить его. Но Хлор очень плакал и жалел, что от нянь убежал вперед, и то и дело спрашивал: куда его везут? зачем? на что? где он? Старшина и находившиеся при нем киргизы рассказали ему много басней: один говорил, будто по течению звезд так опре-

---

¹ Камка — старинная шелковая цветная ткань с узорами.

делено; другой — будто тут лучше жить, нежели дома; всего насажали, кроме правды; но, видя, что ничто не унимает слез Хлора, вздумали его страшить небывальщиною, говоря: «Перестань плакать! или оборотим тебя летучею мышью или коршуном; а там волк или лягушка тебя съест». Царевич не боязлив был: посреди слез расхохотался над такою нелепостью. Старшина, увидя, что дитя перестало плакать, приказал накрыть стол. Накрыли и кушанья принесли. Царевич покушал. Потом подали варенье в сахаре и разные плоды, какие имели; после ужина раздели его и положили спать.

На другой день, рано до света, хан собрал своих вельмож и сказал им:

— Да будет известно вам, что я вчерашний день привез с собою царевича Хлора, дитя редкой красоты и ума. Хотелось мне доподлинно узнать, правда ли слышанное об нем? А чтобы узнать теперь, я намерен употребить разные способы.

Вельможи, услыша слова ханские, поклонились в пояс. Из

них льстецы похвалили ханский поступок, что чужое-де и то еще соседнего царя дитя увез. Труссы потакали, говоря: «Так, надежа государь-хан! как и быть иначе, как тебе на

сердце придет?» Немногие лишь, что действительно любили хана, покачали головою; на вопрос же хана: отчего не говорят? — сказали чистосердечно: «Дурно ты сделал, что у соседнего царя увез сына, и беды нам не миновать, коли не поправишь своего поступка». Хан же сказал: «Вот так вы всегда ропщете противу меня!» — и отошел от них; а когда царевич проснулся, то приказал принести его к себе. Дитя, видя, что нести его хотят, сказало: «Не трудитесь, я ходить умею, я сам пойду», — и, войдя в ханскую кибитку, всем поклонилось: сперва хану, потом около стоявшим направо и налево; после чего стало перед ханом с почтительным, учтивым и благопристойным таким видом, что всех киргизов и самого хана в удивление привело. Хан, однако, опомнясь, сказал так:

— Царевич Хлор! говорят про тебя, что ты дитя разумное. Сыщи же мне, пожалуйста, цветок розу без шипов, что не колется. Дядька тебе покажет большое поле, сроку же даю трое суток.

Царевич поклонился хану, сказал: «Слышу», — и вышел из кибитки, пошел к себе.

Дорогою попалась ему навстречу дочь ханская, что была замужем за Брюзгою-Султаном. Этот никогда не смеялся и сердился на других за улыбку. Ханша же была нрава веселого и весьма любезна. Увидя Хлора, она сказала:

— Здравствуй, царевич! здорово ли живешь? куда изволишь идти?

Царевич сказал, что по приказанию хана, батюшки ее, идет искать розу без шипов, что не колется. Ханша Фелица (так ее звали) дивилась, что дитя посылают искать такой трудной вещи, и, полюбив младенца в сердце своем, сказала:

— Царевич! подожди маленько: я с тобой пойду искать ту розу без шипов, коли батюшка хан позволит.

Хлор пошел в свою кибитку обедать, ибо час был обеда; ханша же к хану — просить позволения идти с царевичем искать розу без шипов, что не колется. Хан не только не по-

зволил, но и запретил ей накрепко, чтоб не шла с дитятею. Фелица, вышедши от хана, мужа своего Брюзгу-Султана уговорила остаться при отце ее, хане, сама же пошла к царевичу. Он обрадовался, как увидел ее; она же сказала ему:

— Хан мне не велит идти с тобою, царевич, искать розу без шипов, что не колетса; но я тебе дам совет добрый; смотри не забудь! слышишь ли, дитя? не забудь, что тебе скажу.

Царевич обещал вспомнить.

— Отселе недалече,— продолжала она,— как пойдешь искать розу без шипов, что не колетса, встретишься с людьми весьма приятного обхождения. Станут уговаривать тебя идти с ними, наскажут тебе про веселия многие, про несчетные забавы; не верь им — лгут: веселия их мнимые и ведут только к большей скуке. Затем придут другие; будут о том же еще сильнее тебя просить; откажи с твердостью — отстанут. Потом попадешь в лес; тут найдешь льстивых людей, что всячески стараться будут приятными разговорами отвести тебя от истинного пути. Но ты не забывай, что тебе один цветок, розу без шипов, что не колетса, искать надо. Я тебя люблю и потому к тебе вышлю навстречу сына моего: он поможет тебе найти тот цветок.

Хлор, выслушав Фелицу, спросил:

— Разве так трудно сыскать розу без шипов, что не колетса?

— Нет,— отвечала ханша,— не слишком трудно, коли кто прямодушен и тверд в добром намерении.

— А нашел ли уже кто тот цветок? — спросил Хлор.

— Я видала,— сказала Фелица,— людей простых, что успевали в том не хуже вельмож.

Сказав так, ханша простилась с царевичем; старшина же дядька повел дитя искать розу без шипов, что не колетса, и впустил его затем сквозь калитку в огромный зверинец. Тут увидел Хлор перед собою множество дорог: одни были прямые, другие извивались вкривь и вкось, третьи были перепу-

таны между собой. Царевич не знал сначала, по которой идти; увидя же юношу, идущего ему навстречу, поспешил к нему спросить: кто он такой? Юноша отвечал:

— Я — *Рассудок*, сын *Фелицын*; меня мать моя прислала идти с тобою искать розу без шипов, что не колется.

Царевич, благодаря *Фелицу* в душе и на словах, взял его за руку и осведомился, по какой дороге идти. *Рассудок* с веселым и добрым видом сказал ему:

— Не бойся, царевич, пойдем по прямой дороге, по которой не все ходят, хотя она и лучше других.

— Отчего же по ней не ходят? — спросил царевич.

— Оттого, — сказал юноша, — что, останавливаясь, сбиваются на другие дороги.

Выйдя лесом к красивой долине, они увидели речку, прозрачной воды, и на берегу ее несколько молодых людей: одни из них сидели, другие лежали на траве и под деревьями. Как увидели царевича, встали и подошли к нему; один же из них сказал ему отменно учтиво и приветливо:

— Позвольте, сударь, спросить: куда вы идете? Нечаянно ли вы сюда зашли? И не можем ли мы иметь удовольствие чем-нибудь вам услужить? При одном виде вашем мы чувствуем уже к вам уважение и дружбу.

Царевич, вспомня слова *Фелицы*, улыбнулся и сказал:

— Я не имею чести вас знать, ни вы меня не знаете; поэтому ваши слова я приписываю обыкновенной светской учтивости, а не моим достоинствам; иду же я искать розу без шипов, что не колется.

Тут заговорил и другой:

— Намерение ваше прекрасно; но сделайте милость, останьтесь с нами хоть несколько дней; у нас тут превесело.

Хлор отвечал, что ему назначен срок и останавливаться недосуг: опасается ханского гнева. Они же старались его уверить, что ему отдых нужен для здоровья и что лучше и удобнее места не найдет, ни людей усерднее их. Наконец мужчи-

ны и женщины, взяв друг друга за руки, сделали около Хлора и его проводника круг и начали плясать и скакать, не пуская их далее. Но пока они вокруг вертелись, Хлора под руку ухватил Рассудок и выбежал с ним из круга так скоро, что те не могли их удержать.

Пройдя далее, нашли они Ленътяг-Мурзу, прогуливавшегося с своими домашними. Увидя Хлора с провожатым, тот принял их ласково и просил зайти в его избу. Они, устав маленько, зашли к нему. Он посадил их на диван, сам же лег возле них посреди пуховых подушек, покрытых старинною парчою; его же домашние сели около стены. Потом Ленътяг-Мурза приказал принести трубки и кофе. Услыша же от них, что табаку не курят, кофе не пьют, велел ковры опрыскать благовонными духами; после чего спросил Хлора о его приходе в зверинец. Царевич отвечал, что по приказанию хана он ищет розу без шипов, что не колется. Ленътяг-Мурза, дивясь, что в таких молодых летах предпринял такой труд, заметил:

— И старее тебя едва ли на то станет. Отдохните, не хо-

дите далее! У меня здесь есть люди, что также найти старались, да, устав, бросили.

Один из сидевших тут же встал с места и сказал:

— Я сам не раз хотел дойти, да соскучился, а вместо того остался жить у моего благодетеля Леньтяг-Мурзы, который меня и кормит.

Среди этих разговоров Леньтяг-Мурза уткнул голову в подушку и заснул. Как сидевшие около стены слышали, что Леньтяг-Мурза храпит, то полегоньку встали; одни пошли наряжаться и украшаться, другие легли спать, третьи начали всякий вздор говорить, четвертые ухватились за карты и кости, и при всех этих занятиях одни сердились, другие радовались, и на лицах всех выражались волновавшие их разные чувства. Когда Леньтяг-Мурза проснулся, все опять собрались около него и внесли в горницу стол с фруктами. Леньтяг-Мурза, оставаясь посреди пуховых подушек, потчевал оттуда царевича, который весьма прилежно примечал все, что там ни делалось. Но лишь только Хлор принялся отведывать предлагаемое им Леньтяг-Мурзою, как проводник его Рассудок за рукав его дернул полегоньку. Кисть прекрасного винограда, которую царевич держал в руках, рассыпалась по полу; сам же он, опомнясь, тотчас встал, и оба вышли из хором Леньтяг-Мурзы.

Вскоре увидели они двор крестьянский с участком отлично обработанной земли, на которой был засеян всякий хлеб: и рожь, и овес, и ячмень, и гречиха; иной поспевал, другой лишь выходил из земли. Далее увидели луга, на которых паслись овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли с лейкою в руках: он обливал рассаживаемые женою его огурцы и капусту; дети же были заняты в другом месте: щипали сорную траву из овощей.

— Бог помочь, добрые люди! — сказал Рассудок.

— Спасибо, баричи! — отвечали они и, кланяясь царевичу незнакомо, просили Рассудок любезно: — Загляни к нам, милости просим! И матушка твоя, ханша, нас жалует, навещает и не оставляет.

Рассудок с Хлором зашли к ним на двор. Посреди двора стоял старый и высокий дуб, под ним широкая, чисто выскобленная лавка, а перед лавкою — стол. Гости сели на лавку; хозяйка с невесткою разостлали по столу скатерть и поставили на стол чашу с простоквашею, другую с яичницею, блюдо блинов горячих и яиц всмятку, а посредине ветчину добрую; положили тут же ситный хлеб да поставили возле каждого крынку молока, а после, вместо закусок, принесли сот и огурцов свежих, да клюквы с медом. Хозяин просил: «Кушайте, пожалуйста!» Путешественники, проголодавшись, ничем не брезгали и разговаривали между тем с хозяином и хозяйкою, которые им рассказывали, как они живут здорово, весело и спокойно, проводя век свой за работою и трудом. После ужина на той же лавке разостлали войлочки; Хлор и Рассудок на них положили свои плащи; хозяйка каждому принесла подушку с белою наволочкою, и тут они легли спать и заснули крепко, потому что устали.

Поутру встали на рассвете, поблагодарили хозяина, который за ночлег ничего с них взять не хотел, и собрались в путь. Отойдя с полверсты, услышали издали, что играют на волынке. Хлору захотелось подойти ближе; Рассудок заметил, что волынкою отведут их от пути; но Хлор, не устояв против любопытства, подошел к волынке. Тут, однако, увидя безобразия пьяных около волынщика, испугался и кинулся на руки Рассудку. Тот отнес его опять на прямую дорогу, где вскоре, пройдя рощу, увидели крутую гору. Рассудок сказал царевичу, что тут-то и растет роза без шипов, что не колется. Но Хлор от солнечного зноя изнемог; начал скучать, говоря, что конца нет той дороге; долго ли это будет, нельзя ли идти по другой дороге. Рассудок отвечал, что он ведет его ближним путем и что терпением одним можно преодолеть труд. Царевич с неудовольствием сказал: «Авось-либо сам сыщу дорогу!» — и, махнув рукою, удвоил шаг и удалился от провожающего.

Рассудок остался позади и пошел вслед за ним молча тихим шагом. Так забрел Хлор в село, где никому не было

дела до дитяти, потому что был торговый день и весь народ был занят торгом на рынке. Царевич, ходя между телегами и посреди торгового шума, заплакал. Какой-то человек, который его не знал, проходил мимо и, увидя, что дитя плачет, сказал ему:

— Перестань, щенок, кричать! И без тебя здесь шума довольно.

В это самое время подошел Рассудок. Царевич стал жаловаться на того человека, что щенком его назвал. Рассудок, ни слова не говоря, вывел его оттуда. Когда же Хлор спросил, отчего он не говорит по-прежнему с ним, Рассудок отвечал:

— Ты моих советов не спрашиваешь, сам же забрел неведь куда; так не прогневайся, коли нашел людей не по себе...

Рассудок хотел еще продолжать, но им встретился человек, немолодой, но приятного вида, окруженный толпою юношей. Хлор, любопытствуя всегда обо всем, обратился к одному из них с вопросом: кто это с ними?

— Это наш учитель,— сказал юноша,— мы отучились и идем гулять. А вы куда идете?

На что царевич отвечал:

— Мы ищем розу без шипов, что не колетя.

— Слыхал я,— сказал юноша,— от нашего учителя про розу без шипов, что не колетя. Цветок этот не что иное, как добродетель. Иные думают достигнуть ее кривыми путями, но к ней ведет только прямая дорога. Вот гора у вас в виду, на которой растет роза без шипов, что не колетя; но дорога крута и камениста.

С этими словами он простился с ними и пошел за своим учителем.

Хлор с провожатым пошли прямо к горе и нашли узкую и каменистую тропинку, по которой стали всходить с трудом. Тут попались им навстречу старик со старухой, в белом платье, одинаково почтенного вида; они протянули им свои посохи и сказали: «Упирайтесь на них — не спотыкнетесь». Другие прохожие объяснили, что имя первого — Честность, а другой — Правда.

Упираясь на те посохи, они стали взбираться вверх по тропинке, пока не добрались до вершины горы, где и нашли розу без шипов, что не колется. Лишь успели снять ее с куста, как в бывшем тут же храме заиграли на трубах и литаврах.

Повсюду разнесся слух, что царевич Хлор в таких молодых летах сыскал розу без шипов, что не колется. Он поспешил к хану с цветком; хан же Хлора и со цветком отослал к царю. Тот так обрадовался царевичу и его успехам, что забыл и про всю свою тоску и печаль. Царевича и царь, и царица, и все люди любили час от часу более, потому что час от часу добродетель его все более укреплялась.

Здесь сказке конец; а кто больше знает, пусть другую скажет.

А. С. ПУШКИН

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.

Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,—
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод,—
Пришел невод с травой морскою;
В третий раз закинул он невод,—
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой,— золотою.
Как взмолился золотая рыбка!
Голосом молвит человеческим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю
Не посмел я взять с нее выкуп:
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!

Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколелось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит,— море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколелось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю
(Помутилось синее море).
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:

Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми ворота.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю
(Не спокойно синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,

Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:

«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой;
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? перед ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,

За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик,— испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает.
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,

Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,

Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Н. М. ЯЗЫКОВ
ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА
ОБ
ИВАНЕ ЦАРЕВИЧЕ, О ЖАР-ПТИЦЕ
И О СЕРОМ ВОЛКЕ ¹

*Царь Выслав и Министр его
(Министр держит блюдо с яблоками.)*

Царь Выслав

Вот яблоки, так яблоки на славу!
Могу сказать, что лучшие плоды
На всей земле, единственные. Чудо!
Цвет, как янтарь иль золото. Как чисты,

---

¹ В сокращении.

Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляет в них
Свои лучи! А вкус! не то что сахар
Иль мед,— гораздо тоньше, выше...

(Кушает яблоко.)

Поверишь ли, что иногда бывает
Со мною? Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдруг и позабудусь,
И полетят, и полетят мечты!
И кровь во мне играет, целый час
Сажу недвижно с яблоком в руке
И на него смотрю равнодушно;
А сам не ем вкуснейшего плода!
Прекрасный плод! И мне какая слава,
Какая слава подданным моим,
Что у меня в саду такая сладость
Растет и зреет! Только у меня!
Зато уж как я радуюсь, когда
Приходит лето и пора... Однако ж,
Мне кажется — и вот уже дня с два,
Как замечаю то же,— прежде больше
Ты приносил мне яблоков. Не так ли?
Ведь так?

М и н и с т р

Их было больше, государь!

Ц а р ь В ы с л а в

Их было больше! Отчего ж теперь?..
Куда ж они деваются? Послушай,
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кроме царя, во всей моей державе
Не должен сметь подумать, что он может
Их есть. Так я постановил закон.
Куда ж ты их деваешь? Говори...

М и н и с т р

Прости меня, великий государь!
Я виноват...

Ц а р ь В ы с л а в

Какой же ты министр!..
И хорошо ты служишь мне, когда
Ты не радеешь именно о том,
Что мне всего милее!

М и н и с т р

Государь!
Сыздетства я привык служить царю,
Всегда, везде: и мудрый Зензивей,
Дед твоего величества, всегда
Мне жаловал знатнейшие чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андрон,
Не отвергал советов...

Ц а р ь В ы с л а в

Знаю, знаю!
Да не об том я спрашивал тебя;
Я не люблю речей окольных длинных;
Мне говори и коротко и прямо,
А в сторону от дела не виляй.

М и н и с т р

Я виноват, что не дерзнул доселе
Открыть тебе великую беду,
Тяжелое общественное горе:
В твой царский сад повадилась Жар-птица,
И яблоки заветные ворует,
И прилетает каждую ночь, и яблонь
Несчастливая теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выслав

Поймать Жар-птицу! Что это за птица?

Министр

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталу
Восточному, а перья золотые,
И блещут ярко...

Царь Выслав

Все-таки поймать!

Министр

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на деле.
Твои рабы усердные, Жар-птицу
Уж мы давным-давно подстерегаем!
Устроены засады, караулы
И оклики; отряд дружины царской
Дозором ходит; наконец, я сам
Не раз уже ходил ее ловить,
И все напрасно!

Царь Выслав

Стало быть, она
Огромная, из рода редких птиц
Времен предысторических?

Министр

Она

Величиной с большого петуха,
Иль много что с павлина. Но у ней
Глаза и перья блещут и горят
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблони, и вдруг

Раскинет свой великолепный хвост:
Он закипит лучами, словно солнце;
Тогда в саду не ночь, а чудный день,
И так светло, что ничего не видно!
А между тем все это от нее ж,
И тишина, такая тишина,
И нежная и сладкая, что самый
Крепчайший сторож соблазнится, ляжет
На дерн, кулак подложит под висок,
Заснет и спит до позднего обеда!

Царь Выслав

Так как же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогут мне подумать, рассудить,
Что делать нам.

(Министр уходит.)

II

Царь Выслав и Царевичи

Царь Выслав

Любезные царевичи мои!
В наш царский сад повадилась Жар-птица
И яблоки заветные ворует.
Скажите же, царевичи мои,
Как поступить мне с нею? Ты сначала
Подай совет, мой старший сын Димитрий!

Димитрий Царевич

Я думаю, что надобно сперва
Наверное разведать,— чья она;
Потом посла к тому царю отправить
Сказать ему, что ваша-де Жар-птица
Повадилась летать в наш царский сад
И яблоки ворует дорогие.

Так мы по дружбе с вами просим вас
Унять ту птицу; мы-де не желаем,
Чтоб вечный мир, который...

Царь Выслав

Ты, Василий?

Василий Царевич

Я думаю так точно, слово в слово,
Как говорит мой старший брат, сперва
Наверное разведать, чья она.
Потом посла...

Царь Выслав

А ты, Иван Царевич?

Иван Царевич

Я думаю, что нечего тут думать!
Поймать ее — и в шляпе дело!

Царь Выслав

Как же

Поймать ее? Вот в том-то и задача!
Давно об ней хлопочут: караул,
Засада, часть дружины, вообще
Против нее ловительные меры
Уж приняты, но все напрасно.

Иван Царевич

Что же,

Нам прикажи: мы сыновья твои,
Тебя мы любим больше, чем твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочие ловительные меры,
Авось поймаем!

Царь Выслав

Да и в самом деле!
Совет разумный! Я с тобой согласен,
Иван Царевич! Знаю это слово:
Авось! Авось! Я вам повелеваю,
Вам всем троим, царевичи, ходите
В наш царский сад, по брату каждую ночь,
Ловить ее, сначала ты, Димитрий,
Потом Василий, наконец Иван.
Иван Царевич, подойди ко мне,
Дай мне тебя расцеловать, мой милый,
Любимый сын: ты освежил меня
Своим советом. Весело мне видеть,
Что у тебя отважная душа...
Расти, мой сын, ты будешь богатырь!

(Следующие две ночи старшие два Царевича, один за другим, подстерегают в саду Жар-птицу, но и тот и другой, не устояв против сна, сладко засыпают и уверяют потом отца, что Жар-птица вовсе не прилетала.)

III

*Царь Выслав и Царевичи Димитрий
и Василий*

Царь Выслав

Мне, право, жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Вас не виню, да как вас и винить!
Не прилетала: нечего и делать!
Где взять ее? Посмотрим, что-то скажет
Иван Царевич! Он еще так молод;

Он не сумеет справиться с такой
Чудесной птицей. Верно, оробеет
И ничего не сделает... Да вот он!
А, здравствуй, мой Иван Царевич, как
Ты ночь провел? Что это у тебя?

IV

Те же и Иван Царевич

И в а н Ц а р е в и ч

Перо Жар-птицы.

Ц а р ь В ы с л а в

Что ты, в самом деле?
Возможно ли!

И в а н Ц а р е в и ч

Я не поймал ее!
Пресильная, пребешеная птица!
Одно перо осталось у меня.

Ц а р ь В ы с л а в

А как его достал ты?

И в а н Ц а р е в и ч

Очень просто:
Я влез на яблонь и в густых ветвях
Под самую верхушкой притаился;
Сижу и жду: что будет? Ночь тиха,
Безмесячна, во всем саду ни листик
Не шевельнется; я на яблоне сижу,
Вдруг вижу, что-то на краю небес,
Как звездочка, заискрилось; гляжу

В ту сторону: оно растет и будто
Летит, и в самом деле ведь летит!
Все ближе, ближе, прямо на меня,
И к яблоне,— и листья зашумели;
Однако ж я ничуть не оробел.
Сидит Жар-птица,— знаю... да как гаркну —
И хватить ее обеими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигом
Ушла из глаз — в далекий небосклон;
А у меня в руке перо осталось.

Царь В ы с л а в
(*рассматривая перо*)

Прекрасное, редчайшее перо!
Как тяжело! знать, цельно-золотое!
Как тонко, нежно, гибко, что за цвет!
Любезные царевицы, я рад,
Сердечно рад жар-птицыну перу!
Теперь я ожил: я почти уверен,
Что не уйдет она от наших рук.
По-прежнему ходите караулить,
И с нынешней же ночи. Я надеюсь,
Что ты, Димитрий... Ну, Иван Царевич!
А я грешил: я думал, ты... ан, нет!
Ты, как герой, ничуть не испугался
И действовал благоразумно. Славно!

(*Целует Ивана Царевича.*)

Мой милый сын! Пойди, мой друг, к себе
И отдохни! А ты, Димитрий, снова
Приготовляйся к караулу. Я
Хочу подумать, как мне самый лучший,
Приличный ящик сделать иль ковчег
Для этого чудесного пера,
Изящно драгоценный! Позови (*Василью*)
Сюда ко мне дворцовых столяров
И резчиков, я дожидаюсь их!

(Жар-птица перестала между тем летать в царский сад, и царь Выслав посылает двух старших сыновей сыскать ее где бы то ни было, во что бы то ни стало. Иван Царевич, которого царь оставил было при себе, не дает отцу покою, пока тот не отпускает и его за Жар-птицей.)

V

Иван Царевич
(в лесу едет верхом)

Невесело мне ехать. Этот лес,
Большой, дремучий, мрачный и, как видно,
Принадлежащий царству тишины,
Несносно скучен! Еду третьи сутки
И много уж проехал, а ни с кем
Не встретился и ничего не видел,
Кроме лесной дороги да небес,
Протянутых, как лента голубая,
Высоко, вдаль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здесь мертвое молчанье
И непробудный сон, в тиши лесной
Не свистнет птичка, леший не аукнет;
Лишь изредка скакун мой удалой
Встряхнет своей пахмурой¹ головой
И забренчит опущенной уздой
Или в кремень стальным копытом стукнет.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищ! не всегда же
Поедем мы таким дремучим лесом!
Неси меня, порадуй господина

---

¹ Пахмурый — понурый.

И резвым ветром бега твоего
Отвей тоску от головы его!

(Скачет.)

Вот этак лучше! Вот уж и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столб стоит, и на столбе слова...
Посмотрим, что имеет он сказать!

(Читает.)

«Ежели кто поедет от сего столба прямо,
тот будет голоден и холоден;
кто же поедет в правую сторону,
тот будет здоров и жив, а конь его убит;
а кто поедет в левую сторону,
тот будет убит,
а конь его жив и здоров будет».

Куда ж мне ехать? Прямо от столба?
Я не люблю, я вовсе не способен
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мне коня! Да и себя мне жаль:
Идти пешком... умаешься, устанешь!
Потом лежи и отдыхай, потом
Опять иди и снова отдыхай.
Нет, это скучно, мешкотно; а я
Сказал отцу, что скоро ворочусь
С Жар-птицею, я должен торопиться.
Куда ж мне ехать? Разве уж налево,
Чтобы меня убили... а мой конь,
Мой добрый конь, надежный мой товарищ,
Остался бы покинутым под верх
Разбойнику? Нет, этого не будет.
Нет! Добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчеств никаких,
Не верю им, я знаю: врут они.

VI

Иван Царевич (в лесу сидит)

Чтоб у тебя всегда болели зубы,
Проклятый волк! Ты самый хищный зверь!
Чем я тебя обидел, огорчил,
Что ты зарезал моего коня,
Товарища и друга моего?
Чем виноват он? Голоден ты, что ли?
Иль мал тебе пространный этот лес —
Ловить твою несчастную добычу?
Как я устал! А долго ли я шел,
И много ли прошел я? То ли было...
Ах, добрый конь мой, что я без тебя?
Проклятый волк! осиротил меня.

VII

Иван Царевич и Серый Волк

Серый Волк
(выходит из лесу)

Прости меня, Иван Царевич!

Иван Царевич

Что ты?

Прочь от меня, разбойник! прочь поди!

Серый Волк

Мне жаль тебя, Иван Царевич.

И в а н Ц а р е в и ч

Поздно

Ты обо мне жалеешь.

С е р ы й В о л к

Право, жаль,

И знаешь ли! Ведь я почти невинен,
Что твоего коня я растерзал:
Ты помнишь, что предсказывал тебе
Дорожный столб? Ты выбирал дорогу!
Но будь спокоен; я тебе слуга,
Хочу помочь твоей большой беде,
И помогу: садись-ка на меня
И поезжай на мне куда угодно,
Как на коне, на самом удалом.

И в а н Ц а р е в и ч

Пожалуй, я от этого не прочь,
Чем мне пешком тащиться. Хорошо!
Будь мне конем. Вот, видишь ли, в чем дело:
Меня послал царь-батюшка достать
И привезти Жар-птицу: так вези
Меня туда, в то царство, понимаешь?

(Садится верхом на волка.)

VIII

С е р ы й В о л к

Приехали! Слезай с меня, мой витязь!
Вот через эту каменную стену
Переберись, а там в саду Жар-птица.
Давно уж ночь, уснули сторожа;
Иди себе, не бойся их нimalo:
Они обыкновенно крепче спят,
Чем прочие хранительные власти.

Да вот тебе совет мой: ты Жар-птицу
Бери смелей, во сне она смирна,
И вынь ее из клетки золотой,
И унеси; а клетку золотую
Оставь как есть, не тронь ее: она
С механикой, со штукой; от нее
Звончатые, чувствительные струны
Проведены к дворцовым караулам;
Они как раз подымут шум и крик,
Тогда тебе не миновать беды!

IX

Царь Долмат и стража. Потом Иван Царевич (Царь Долмат лежит на кровати; перед ним на полу сидит сказочник и говорит сказку. Вдруг слышат шум и крик.)

Царь Долмат

Что за тревога? Что за крик и шум?

Начальник стражи

Все слава богу! изловили вора
В твоём саду: хотел унести Жар-птицу.

Царь Долмат

Сковать его, в тюрьму его скорее!
Судить его шемякиным судом!..
Ко мне его сию ж минуту!..
(Вводят Ивана Царевича.)

Начальник стражи

Вот он!

Царь Долмат

Кто ты таков?

Иван Царевич

Я сын царя Выслава,
Иван Царевич.

Царь Долмат

Сын царя Выслава...
Андроновича, что ли?

Иван Царевич

Точно так!

Царь Долмат

Послушай, друг мой, как тебе не стыдно
Птиц воровать! Твое ли это дело?
Ведь ты царевич.

Иван Царевич

Я не виноват...
Меня послал царь-батюшка поймать
И привезти ему Жар-птицу; нам
Она премного сделала вреда:
Изволила повадиться в наш сад
По яблоки заветные, и яблонь
Испортила, хоть брось... Меня послал
Царь-батюшка...

Царь Долмат

Так разве ты не мог
Не воровски, а честно и полезно
Достать ее? Ты просто попросил бы:
Тогда бы я, приняв в соображение,

Что твой отец — известный государь,
Что ты — Иван Царевич, сын его,
Решился бы по милости моей
Тебе отдать, пожаловать Жар-птицу.
Ты поступил иначе. Что ж ты взял?
Тебя ж поймали, привели на суд
Перед царем, и что царю угодно,
Тому и быть с тобою! Я бы мог
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкий твой поступок; но, пожалуй,
Я пощажу тебя, Иван Царевич,
Когда ты мне дашь слово, что ты мне
Сослужишь службу; я прошу тебя
И сверх того отдам тебе Жар-птицу,
И ты со мной расстанешься, как с другом,
И выведешь из царства моего
В большом почете, как высокий гость,
Как сын царя, с которым я желаю
Вести приязнь и дружбу.

Иван Царевич

Я согласен.

Какая ж это служба?

Царь Долмат

Вот какая:

Есть царь Афрон, и у царя Афрона
Есть превосходный златогривый конь;
Так ты достань мне этого коня;
А не достанешь — нет тебе пощады!
Согласен ты на это?

Иван Царевич

Я согласен.

Царь Долмат

Итак, прощай же, будь здоров и действуй.

Ты молодец! Прощай, Иван Царевич!

(Волк везет Ивана Царевича к царю Афрону. Здесь он предостерегает его отнюдь не брать вместе с конем узды.)

X

Серый Волк

(один)

Мне нравится мой витязь! Он красавец,
Смел, добродушен; жизненная сила
В нем весело играет и кипит,
В нем лишь одно не ловко, не похвально
И мне прискорбно: он мои советы
Позабывает. Я того и жду,
Что он опять забудет мой наказ:
Он соблазнится золотой уздой,
Возьмет ее и сделает тревогу!

XI

Серый Волк и Иван Царевич

Иван Царевич

Прости меня, мой добрый Серый Волк!
Я виноват, опять впросак попался.
Я со стены спрыгнул благополучно,
Все было тихо, на дворе широком
Покоился крепчайший караул.
Я шел, твердя в уме твои слова:
«Не брать узды! Не брать узды!» — и этак
Добрался до конюшни, и в нее
Вошел, взглянул: а на стене узда!
Я и теперь еще не понимаю,

Как я тогда смешался, я забыл
И твой приказ, и самого себя,—
Вся в дорогих камнях, в жемчугах
И золотая, от нее лучи! —
Я протянул к ней руки и лишь начал
Снимать ее с высокого гвоздя —
Вдруг звон, и крик, и страшная тревога!
Меня схватили молодца, и прямо
На суд, как раз перед царя Афрона;
Царь вспыхнул, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпал.
Я отвечал ему чистосердечно,
Кто я таков и для чего зашел
В его конюшню. Он хоть и смягчился,
Но уж мыл-мыл мне голову! Потом
История, похожая на ту,
Что у меня была с царем Долматом:
И царь Афрон дарует мне прощенье,
Отдаст мне златогривого коня,
Когда ему я службу сослужу;
Вот видишь ты, в чем дело: он влюблен
В какую-то прекрасную Елену;
Так я взялся, дал рыцарское слово
Достать ему предмет его любви.
Не знаешь ли, мой добрый Серый Волк,
Скажи ты мне, что это за Елена?

Серый Волк

Верх совершенства, чудо красоты!
Я потружусь, я сослужу тебе
Большую службу, я тебе достану
Прекрасную Елену; а тебе
Ее похитить самому нельзя,
Поверь ты мне. Садись-ка на меня,
Поедем мы в то царство. Я тебя
Оставлю на дороге одного

Во чистом поле, под зеленым дубом.
Там жди меня, я скоро ворочусь
С Прекрасною Еленой и тебе
Отдам ее руками.

Иван Царевич

Добрый Волк!

А мне было хотелось самому...
Да все равно я на тебя надеюсь
И буду ждать.

(Садится верхом на Волка.)

Пошел же поскорее!

XII

Иван Царевич

(под зеленым дубом)

Светла, чиста небесная лазурь;
Прохладен воздух, доли и холмы
Цветут; стрекочет подмуравный мир;
Журчат ручьи, и свищет соловей.
Прекрасный день! люблю тебя, весна!
А что со мною будет, если Волк
Меня обманет, убежит домой,
А я останусь пеш и одинок? Я не знаю,
Чье это царство и куда идти?
Жду не дождусь; теперь уж третьи сутки
Кончаются с тех пор, как он меня
Покинул здесь. О нет! Он добрый малый...

XIII

Иван Царевич и Серый Волк с Еленой

Серый Волк

Иван Царевич, принимай руками
Прекрасную Елену, вот она!

(Кладет ее на луг, она в беспамятстве.)

Она дорогой чувства потеряла;
Я так внезапно выхватил ее
Из тишины отеческого сада,
Из круга милых, молодых подруг,
Прислужниц, нянек, мамок и так быстро
Скакал с моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная в неге и покое,
Имела право обмереть со страху
И задохнуться на моей спине;
А впрочем, я берег ее, слегка
Придерживал зубами, чтоб никак
Не уязвить чувствительного тела.

Иван Царевич
(*смотрит на Елену*)

Жесток ты, Волк!

Серый Волк

Небось: она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
(*Елена просыпается и плачет, что Иван Царевич отдаст ее царю Афрону. Сам Иван Царевич плачет, потому что не хотел бы уже расставаться с красавицей царицей.*)

Серый Волк

Уж разве мне вступиться в ваше дело,
Прекрасная Елена?

Елена

Добрый Волк!
Спаси его, спаси обоих нас!

Серый Волк

Я вам слуга, Прекрасная Елена:
Спасу я вас обоих,— успокойтесь!
Садитесь-ка на серого слугу!
Я повезу вас самой нежной рысью,
Прохладно и сохранно в государство
Царя Афрона; там, Иван Царевич,
Найдем мы лес, а в том лесу поляну,
И в той поляне мы одну оставим
Прекрасную Елену ненадолго.
Я обернусь Прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону,
И на своем коне золотогривом
Туда приедешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не более трех суток, убегу,
И снова к вам явлюся вам служить.

XIV

*Иван Царевич, Елена и Серый Волк.
(В лесу.)*

Елена

Любезный волк! я буду вечно помнить,
Чем я тебе обязана, ты спас
Обоих нас: благодарю тебя!

Серый Волк

И есть за что, Прекрасная Елена!
Ах, если бы вы видели, как я
Вас представлял перед царем Афроном!
Комедия! Когда Иван Царевич
Покончил с ним дела свои и вышел
Из комнаты, где приняты мы были
Блистательно и радостно и им

Самим, и ловкой пестрою толпой
Золотошвейных царедворцев,— царь
Махнул рукой, и я осталась с ним
Наедине. Он предложил мне сесть;
Я села на диван под балдахином,
Задумчиво склонилась головой
К высокой спинке, очи и уста
Полузакрыла томным выраженьем
Пленительной усталости, а руки
На бархатных подушках разметала.
Он занимался созерцаньем
Моей всесовершенной красоты,
Потом сказал: «Прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливейший мой день,
Когда вполне вы будете моею?
Угодно ли вам завтра?» Я смутилась
И трепетно и робко отвечала:
«О, да!» Он тотчас отдал приказанье
Готовить праздник; он был вне себя
От радости, что завтра наша свадьба.
Мне захотелось походить в саду
И по полю,— он отпустил меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужниц, нянек, мамок и других
Чинов придворных, я в саду гуляла
И вышла в поле. Вдалеке чуть видно
Синелся лес; я села на траве
И приказала им сесть; а сама
В то самое мгновенье, как они
На землю опускались, вдруг вскочила
И поминай как звали: прямо в лес —
Там обернулась в свой родимый вид,
И к вам сюда, за тридевять земель.
Скорее ветра прибежал ваш Волк,
По-прежнему готовый вам служить.

Иван Царевич

Вот молодец! Знай наших! Милый Волк!
Мне понравился златогривый конь:
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный...

Серый Волк

Я люблю тебя,
Иван Царевич, я готов на все,
Тебе в угоду буду златогривым
Конем. Ты за меня возьмешь Жар-птицу;
Я убегу и от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый Серый Волк.

(Волк исполняет свое слово: обернувшись конем, дает сесть на себя царю Долмату, но тут же сбрасывает его на-земь, а сам убегает опять к Ивану Царевичу, чтобы с ним уже проститься. Иван Царевич остается один с Еленой. Старшие два брата, встретив их на дороге, из зависти к Ивану Царевичу убивают его, сонного, а Елену, коня и Жар-птицу берут с собой.)

XV

*Царь Выслав, Димитрий Царевич, Василий Царевич и
Елена
(Обедают.)*

Царь Выслав

Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий Царевич

Она здорова, но нельзя ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас все внове,
Все будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и внезапно,
Так быстро торопились от погони,
И чтоб скорей обрадовать тебя
Жар-птицей,— что Прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить,
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!
Не правда ли, Прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий Царевич

И больше всех полюбите меня!

Елена

Не знаю я.

Василий Царевич

Ведь вы моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван Царевич?

Василий Царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись.

Иван Царевич

Вот молодец! Знай наших! Милый Волк!
Мне понравился златогривый конь:
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный...

Серый Волк

Я люблю тебя,
Иван Царевич, я готов на все,
Тебе в угоду буду златогривым
Конем. Ты за меня возьмешь Жар-птицу;
Я убегу и от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый Серый Волк.

(Волк исполняет свое слово: обернувшись конем, дает сесть на себя царю Долмату, но тут же сбрасывает его на-земь, а сам убегает опять к Ивану Царевичу, чтобы с ним уже проститься. Иван Царевич остается один с Еленой. Старшие два брата, встретив их на дороге, из зависти к Ивану Царевичу убивают его, сонного, а Елену, коня и Жар-птицу берут с собой.)

XV

*Царь Выслав, Димитрий Царевич, Василий Царевич и
Елена
(Обедают.)*

Царь Выслав

Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий Царевич

Она здорова, но нельзя ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас все внове,
Все будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и внезапно,
Так быстро торопились от погони,
И чтоб скорей обрадовать тебя
Жар-птицей,— что Прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить,
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!
Не правда ли, Прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий Царевич

И больше всех полюбите меня!

Елена

Не знаю я.

Василий Царевич

Ведь вы моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван Царевич?

Василий Царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись.

Димитрий Царевич

Теряет время, ищет вам Жар-птицу,
Которая находится у вас!

Василий Царевич

Знать, он заехал чересчур далеко
Иль заплутался.

Димитрий Царевич

Иль сидит в плену,
Да, признаюсь: я очень удивился,
Царь батюшка, когда узнал от вас,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жар-птицу; он дитя!
Ну, мало ли, что может с ним случиться.
Мы, например, мы, кажется, не дети,
И мы не раз спасались от беды
Лишь случаем. Большие переезды,
Вертепы, горы, дикие леса,
Наполненные лютыми зверями!
И кое-где разбойники — не шутка!

Царь Выслав

Ты прав, мой сын: не должно было мне
Пускать его. Да мне же и хотелось,
Чтоб он остался утешать меня;
Я всячески доказывал ему,
Что молод он, что этот подвиг труден,
Опасен, что мне нужно при себе
Иметь всегда хоть одного из вас;
Я говорил, что мало ли, что может
Вдруг сделаться. Он плакал, горячился,
Упрашивал меня, мне представлял
Свои причины, мысли и надежды
Так жалобно и страстно, что я сам

Разнежился и отпустил его.
Ах, жив ли ты, мой друг Иван Царевич?
(Плачет.)
(Елена плачет.)

Димитрий Царевич
Царь батюшка! смотрите, как она
Вас полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена
Я не могу не плакать!

Димитрий Царевич
Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совет!
Не плачьте же — вот выпейте вина!

XVI

Те же и Иван Царевич

Елена
(бросаясь ему на шею)
Иван Царевич! мой Иван Царевич!

Царь Выслав
Мой милый сын, ты жив и цел, мой сын!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значит? Где же вы его?..

Елена
Он мой жених, мой милый и сердечный,
Иван Царевич. Он достал для вас
Жар-птицу, златогривого коня,

И для себя невесту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

В а с и л и й Ц а р е в и ч
(на коленях)

Царь батюшка, прости нас,
Мы виноваты! Брат Иван Царевич!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себе твое добро,
Твои злодеи...

Д и м и т р и й Ц а р е в и ч
Зависть нас смутила.

Ц а р ь В ы с л а в
Я ровно ничего не понимаю:
Они тебя убили, милый сын,
Так как же ты живой к нам воротился?

И в а н Ц а р е в и ч
Я в самом деле был убит; они,
Царь батюшка, зарезали меня
И мертвого покинули в лесу.

Д и м и т р и й и В а с и л и й
Ц а р е в и ч и
Иван Царевич, добрый милый брат!
Иван Царевич! будь великодушен!

И в а н Ц а р е в и ч
Я был бы съеден хищными зверями
И птицами; но, знать, судьбе угодно,
Чтобы не то случилось. Серый Волк,
Волшебный волк, приятель мой, который
Мне чрезвычайно много услужил

В моих делах (я всем ему обязан),
Нечаянно зашел в тот самый лес,
Узнал меня и, сжался надо мною,
Стал думать, как помочь моей беде!
Стал думать; вот увидел он, что ворон
И с ним два вороненка прилетели
Поесть меня. Он спрятался за куст,
И только что они на мне уселись
И начали свой голод утолять —
Он прыг из-за куста на вороненка,
Схватил его и хочет растерзать!
Тогда взмолился волку старый ворон,
Чтоб не губил он детища его.
«Послушай же ты, Ворон Воронович! —
Сказал ему мой добрый Волк,— слетай
За тридевять земель и поскорее
Мне принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, так будешь ты без сына;
А принесешь, я отпущу его
И целым и здоровым». — «Принесу», —
Сказал ему проворно старый ворон,
И полетел, и воротился к Волку
На третьи сутки, и принес ему
Два пузырька с лекарством. Серый Волк
Взял их, а вороненка разорвал
И части sprыснул мертвою водою,
И вороненок сросся от лекарства;
Тут sprыснул он его живой водою,
И вороненок ожил, вострепенулся
И улетел, Волк за меня принялся,
И вылечил от смерти, и довез
Меня домой до городской стены.

Царь Выслав

Теперь я понял. Ах, они злодеи!
Братоубийцы!..

В а с и л и й   Ц а р е в и ч

Брат, Иван Царевич,
Царь-батюшка, Прекрасная Елена!
Простите нас!

Ц а р ь   В ы с л а в

Прочь от меня!

В а с и л и й   Ц а р е в и ч

Не будем
Впредь никогда, исправимся, полюбим
Всех вас. Ах, будьте милосерды,
Простите нас, Прекрасная Елена.

И в а н   Ц а р е в и ч

Я вас прощаю, встаньте!

Е л е н а

Я прощаю!

Д и м и т р и й   Ц а р е в и ч

Царь-батюшка, ужели ты один...

Ц а р ь   В ы с л а в

Ты слишком добр, Иван Царевич. Встаньте!

Д и м и т р и й   и   В а с и л и й
Ц а р е в и ч и

(встают и обнимают брата)

Дай нам обнять тебя, любезный брат,
Забудь великодушно.

Иван Царевич

Все забуду!

И станем жить, как братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невеста!

Елена

Ты мой жених, моя любовь и радость,
Мой нежный друг!

Димитрий и Василий
Царевичи
(с бокалами в руках)

Да здравствует Иван
Царевич и Прекрасная Елена!

Иван Царевич
(берет бокал)

Да здравствует царь-батюшка и вы,
Со мною помирившиеся братья!

Царь Выслав

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково друг с другом,
Бесхитростно и будете счастливы.
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иван Царевич, видел я Жар-птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной с павлина! Золотые
И радужные перья! А глаза,
Как две звезды востока! Для нее
Мы выстроим высокие палаты
С зеркальными окошками! Василий,

Поди и прикажи подать сюда
Десяток яблоков заветных! Эка птица!
Особенно мне нравится у ней
Хвост! Вот так хвост! величественный хвост!
Раскидистый и разными лучами
Сияющий...

Иван Царевич
Да здоровствует Жар-птица!

Н. А. ПОЛЕВОЙ

СТАРИННАЯ СКАЗКА О СУДЬЕ ШЕМЯКЕ¹

В некотором царстве, в некотором государстве стояла деревня. В той деревне жили-были два мужика: Голой Ерема да Фома Большая Крома. Вот пришла к ним зима сиволапая, затрещали избушки, повалил снег. У кого тепло, у кого добро, а Ерема лежит на нетопленной печи, дует в кулаки да думает: «Ух! холодно! ныне и морозы стали сердитее: нигде места не находишь! Дай-ка поеду я в лес, дров нарублю да печку вытоплю!» Пошел к соседу, попросил сани. Пришел к Фоме, просит лошади. На Фому в тот раз добрый стих нашел.

— Изволь, — говорит, — возьми лошадь.

Ерема поклонился, взял лошадь, повел к себе да идучи-то думает: «Экой я дуралей! Выпросил я лошадь, хомута не взял. Как же я запрягу ее? Идти опять к Фоме — еще рассердится и лошаденки не даст. Идти к соседям — скажут: что за дурак, хомут забыл, когда лошадь брал? Да и придется ли чужой хомут по лошадке?» Голь мудрена. Думал, думал да и вздумал: «Привяжу я лошадь к саням хвостом!» Точно привязал, перекрестился, поехал.

Ну, ехал он близко ли, далеко, низко ли, высоко, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Ерема нарубил воз дров и поехал назад. Ладно дело! Приехал домой, отворил ворота, да и забыл подворотню вынуть; нукнул на

---

¹ В обработке В. П. Авенариуса.

лошадь; та уперлась, двинул: сама-то на двор взошла, а воз-то на улице остался, и с хвостом!

Этакое горе! Как теперь к Фоме показаться? Что он скажет? Взял лошадь с хвостом, а отдаешь без хвоста! Но так как делать было нечего, побрел Ерема к Фоме, повел с собою и лошадку бесхвостую.

Как закричит на Ерему Фома Большая Крома, закричит, как только богатые на бедных кричать умеют; у Еремы и ноги подкосились! Повалился он в ноги Фоме, просит, плачет, умоляет. Нет пощады!

— Как ты смел?! Как ты дерзнул?! Как ты мог у моей лошади хвост выдернуть?!

Ерема уверял, что она сама его выдернула, отдавал себя в заработку, просил простить, просил прибить, да только простить.

— Ни прощать, ни бить тебя не стану,— отвечает Фома,— а пойдем-ка, приятель дорогой, к судье Шемяке! Пусть он рассудит, и что он велит, то и будь!

Что станешь делать! Фома ухватил Ерему за ворот и повел его к судье Шемяке.

Недалеко уж им и до Шемяки-судьи, и думает Ерема: «Ну, и без беды судья беда, а у меня такая беда над головою — куда я денусь! Сгинь моя голова победная? Вот подходим мы к мосту, а под мостом прорубь немалая. Перекрещусь да брошусь в прорубь — поминай как звали!»

Сказано — сделано. Только поравнялись с серединой моста, Ерема говорит:

— Постой, Фома Карпыч! Вон видно отсюда село — дай перекреститься на божью церковь!

Отпустил Фома Ерему, а он снял шапку, положил ее на перила моста, перекрестился да как махнет с моста — только и видели его! Бросился Фома к перилам, глядит — глазам не верит: Ерема стоит под мостом на льду живехонек и держит его там за ворот здоровый мужчина; подле стоит лошадь, запряженная в сани, а в санях лежит кто-то и молчит.

Сбежал Фома вниз, а мужичина уже навстречу ползет, Ерему с собой за ворот волочет.

— Что, добрый человек,— сказал Фома,— как звать тебя, не знаю... Куда это волочешь ты этого окаянного Ерему?

— Зовут меня Артамон, сын я Сидорович,— отвечал мужичина.— А ехал я с бачкой¹ моим к куму в гости, нового пива отведать. Подъехали мы под этот мост, и вдруг свалился с моста вот этот окаянный на моего бачку и отправил его в дальнюю дорогу, так что он перед смертью и пожалеть не успел, что у кума пива молодого не отведал. Вот я поворотил оглобли: веду этого прыгуна к судье Шемяке, пусть он у него попрыгает да научится, каково с мосту не оглядевшись бросаться да добрых людей давить!

— Хе, хе! — возгласил тогда Фома по прозвищу Большая Крома,— так я тебе добрый попутчик!

---

¹ С батюшкой.

Подошли наши просители к дому судьи Шемяки, смотрят: дом стоит во дворе, на всей красоте, а над домом поставлена превеликая надпись:

«ДОМ ПРАВОСУДНОГО СУДИИ ШЕМЯКИ».

Ворота растворены настежь, и от самых ворот до крыльца дубового снег расчищен, песочком дорожка посыпана — свободный вход всякому, бедному и богатому.

— Ай да судья Шемяка! — говорят просители. — Да у нас и к сотскому такого свободного входа нет!

Смотрят они еще: подле ворот на улице, по обе стороны, врыты два столба высоких, подле каждого столба стоит земский ярыжка¹ с дубинкой, а на столбах прибиты листы и на листах написано что-то такими крупными буквами, что слепой прочитает. Нашим просителям жаловаться судье Шемяке было дело небывалое, не знают они ни суда, ни обряда. Сняли шапки, кланяются ярыжкам и хотят идти прямо во двор, в ворота.

---

¹ Ярыжка (ярыга) — низший полицейский чин.

— Стой! — закричал один ярыжка. — Сперва прочитай, что на столбе написано!

Просители поглядели друг на друга и отвечали:

— Грамоты не знаем, кормилец!

— Ну, так слушайте, я вам прочту: «Ведомо сим чинится всякому, что никто из жалобщиков, приходящих к судье Шемяке, никаких взяток никому давать не должен, а паче чаяния кто что даст, будет судиться, яко виновный в подкупе».

— Ай да кормилец судья Шемяка! — вскричали просители.

— Ну, теперь давай же за прочтение! — сказал им ярыжка, протягивая руку.

— Как — давай? Да ведь ты сам о том читал, чтобы мы не давали?

— Да разве я взятку с тебя прошу? — вскричал ярыжка. — Это законное дело. Кто тебе не велел грамоте знать самому!

— А если бы мы сами грамоте знали?

— Тогда вы должны бы были заплатить за то, что сами прочитали. Толковать нечего! Давай, а не то дубинкой по лбу съезжу; забудешь, как твоего отца зовут, да еще в тюрьме насидишься заслушание против начальства и своеволие!

Толковать было в самом деле нечего; просители вынули свои мошны, заплатили по алтыну.

— Теперь ступайте к другому столбу! — проговорил ярыжка.

Просители подошли к другому столбу.

— Знаете грамоте? — спросил товарищ ярыжки.

— Нет, кормилец!

— Так слушайте: «Ведомо сим чинится всякому, что каждый жалобщик, приходящий к судье Шемяке, имеет быть к нему допущен свободно во все положенные часы, и никто не смеет, пришедши, уйти назад, под опасением быть судимым, яко виноватый».

— Слышим, кормилец! — отвечали просители, низко кланяясь.

— Давай же за объявление,— сказал ярыжка,— и отговариваться не смей, понеже за ослушание будешь виноват!

Просители поглядели друг на друга и заплатили еще по алтыну.

— А ты, молодец, что не платишь? — спросили ярыжки Ерему.

— У меня нечего дать,— отвечал Ерема.

— Так и не смей ты идти к судье Шемяке, коли за прочтение да за объявление приказов не платишь — пошел прочь!

— Да я и не желаю идти к судье,— сказал Ерема,— спасибо вам, господа земские ярыжки! Пожалуй, хоть приударьте еще меня в толчки да прогоните!

— Давай затылок, за этим дело не станет!

Тут Фома и Артамон испугались, кланяются, говорят:

— Господа земские ярыжки! ведем мы его к судье Шемяке, а если вы его прогоните, так кого же судья судить будет?

— Нам какое дело! Платите за него вы, а без того не пустим.

Просители постояли, подумали, опять развязали мошны и заплатили за Ерему по доброму грошу с брата. А Ерема между тем расхаживал по улице подле ворот, увидел камешек порядочный, подумал, завернул его в тряпичку и спрятал за пазуху.

— Все выместим на лиходее нашем, когда будем у судьи Шемяки! — говорили просители. Идут, прошли сквозь широкие ворота, пошли по чистой, гладкой, широкой дорожке.

— Стой! — закричали два новых ярыжки и выскочили из будок, которые поставлены были во дворе по обеим сторонам ворот, так что с улицы совсем не были видны.— Куда? зачем?

— К судье Шемяке.

— Давай по три алтына!

— За что, кормильцы?

— Положенное за вход во двор судейский.

— Что, Артамон Сидорович, платить ли нам? — спросил Фома, который был скупее товарища.— Не вернуться ли нам?

— Так заплатите по шести алтын за выход! — вскричали ярыжки.

Ни взад, ни вперед! Попались молодцы! Ерема и думать ни о чем не хотел, потому что ему, как голому, и тут угрожали только толчками, а просители поморщились, да опять за него заплатили.

— Шапки долой! пени по пяти алтын! — закричал главный ярыжка, когда просители подошли к судейскому крыльцу. Они и не заметили, как он вывернулся, откуда взялся. То-то и беда, что просителям кажется чистая, широкая дорога к судейскому крыльцу, а как пойдут по той дороге, ярыжки словно из-под земли вывертываются да так змейкой в карман и лезут.

— Послушай-ка, кормилец, — сказал Фома главному ярыжке. — Читали нам приказы у ворот, чтобы никому взятки не давать.

— Да разве вы давали кому-нибудь? Разве с вас взятки взял кто-нибудь? Скажите скорее: беда и вам, и тому беда, кто взял!

— А вот, кормилец, заплатили по алтыну у первого столба.

— За прочтение.

— Да по алтыну у другого столба.

— За объявление.

— Да по три алтына, когда вошли во двор.

— За вхождение.

— А ты, кормилец, за что берешь?

— За то, что вы у крыльца шапок не сняли.

— А если бы мы сняли?

— Так заплатили бы за здорово живешь.

— Как — за здорово живешь?

— Да так, потому что я приставлен здесь говорить всякому, кто ни придет: здорово живешь, а за это вносится по пяти алтын.

— Была не была! — Заплатили молодцы, взошли на высокое судейское крыльцо, подошли к двери. Дверь заперта. Стукнули раз, и за дверью кто-то сиплым голосом произнес: «Гривна!» Стукнули в другой, и тот же голос произнес: «Дру-

гая!» Стукнули в третий, и тот же голос в третий раз промолвил: «Третья!»

— Ой, брат! да не на наш ли карман это насчитывают? — молвил Фома.

— Подразумевается! — произнес невидимка; маленькое окошечко в двери отворилось; протянулась из него костлявая рука, крючком изогнутая, и невидимка за дверью произнес: — Положи по три гривны с брата.

— Кормилец! за что же?

— А за то, что вы в положенный день пришли. Разве не читали приказа у входа?

— Артамон Сидорович! не пойти ли нам назад? — шепнул Фома.

— Так за бесчестье положенному дню и напрасное чело-битье давай по шести гривен.

— Отворяй двери — бери деньги!

— Нет! сперва заплати, тогда отворят.

— На, бери деньги.

— Взял.

— Отворяй!

— Нет, погоди — надобно еще дьяку доложить.

— Так иди да докладывай!

Рука опять протянулась, а дверь не отворялась.

— Иди же докладывать!

— Вы должны доложить, а тогда и двери настезь!

Еще по гривне с головы слетело в костлявую руку невидимки. Дверь наконец растворилась. Глядят просители: стоит целый ряд подьячих, протянулся до самого того стола, за которым сидит дьяк, пишет, пером пощелкивает и не глядит.

Не знали просители, что тут делать. И вот с правой стороны протянулась подьяческая рука крючком, и говорит первый подьячий: «На отопление судейской!» Протянулась другая, говорит другой: «На бумагу для жалобы!» Протянулась третья, говорит третий: «За записку просьбы». Протянулась четвертая, говорит четвертый: «За печать!» Протянулась пятая... Словом, протянулось четырнадцать рук, и каждая

вытянула из мошны у каждого просителя по несколько алтын.

И с горя, и с расходов, и с холоду повалились просители в ноги дьяку, кричат, вопят:

— Смилуйся, отец!

— Что вы? — спросил дьяк.

— Жаловаться судье Шемяке.

— На жалобу нет запрещения. Справедлива ли жалоба?

— Эй, отец, уж как справедлива, кормилец!

— Не брал ли кто-нибудь с вас взятки, пока вы дошли до меня?

— Нет, кормилец! брали с нас много, а взятки не брал никто.

— Имеешь ли ты личные доказательства в правоте своего дела? — спросил дьяк у Фомы.

Тот подумал-подумал и отвечал:

— Со мной никаких доказательств налицо нет!

— Хорошо, а ты имеешь ли?

— Нет!

— А ты имеешь ли?

Еремка смекнул и отвечал:

— Имею.

— Покажи.

Ерема вынул из-за пазухи камень в тряпичке и из-за спины Фоминой показал дьяку.

— Ладно! — молвил дьяк. Он встал, растворил двери и ввел просителей в судейскую.

Глядят наши молодцы: сидит старый судья Шемяка на большой скамье, за большим столом; с одной стороны стоит чернильница в полтора ведра, с другой лежат большою охапкою перья лебединые. Хорош судья Шемяка, толст, красен, дороден, ноздри раздувает, правду изрекает. Испугались, трусились, оробели наши просители, кланяются в землю.

— Судья Шемяка! — заговорил дьяк, подошедши к судейской скамье.— Бьют тебе челом два просителя за одного ответчика!

— Гм! — промолвил Шемяка и поднял нос кверху.

— Наличных доказательств не имеют!

— Гм! — промолвил опять Шемяка и погладил по широкой своей бороде рукою.

— Не имеют! А ответчик наличные доказательства имеет!

— Гм! — молвил еще раз Шемяка, потянулся по лавке, выдвинул брюхо вперед, голову закинул за спину, глаза уставил в потолок, сложил ногу за ногу и сказал: — Объявлен ли просителям приказ, что посулов не принимают?

— Объявлен.

— Итак, суд по форме начинается. Жалуйтесь по порядку!

И вот Фома повалился в ноги судье Шемяке, объясняет сущую правду, как Ерема у лошади его хвост выдернул.

— Ну, что ты, ответчик, скажешь? — возговорил судья Шемяка.

— Я не виноват, что он не дал мне хомута и что у его лошади хвост некрепко держался.

— А чем докажешь?

Ерема не отвечал, а из-за Фомы показал судье Шемяке камень в тряпичке.

— Гм! — промолвил судья Шемяка и тихо прибавил: — Сто рублей наверное.

— Прав! — возгласил он. — Слушай, проситель: отдай ты свою бесхвостую лошадь этому негодяю, и пусть он держит ее у себя до тех пор, пока у нее опять хвост вырастет. Тогда возьми себе лошадь с хвостом, а если он хвоста отдавать не будет, дозволяется тебе жаловаться законным порядком. Дьяк! вывести просителя и взять с него надлежащую подписку, пошлины, приказный сбор и прочее, как следует.

Фому подхватили и повели в подъяческую, а Артамон повалился в ноги судье Шемяке, объясняет сущую правду, как Ерема с моста прыгнул и отца его задавил.

— Ну! что ты, ответчик, скажешь? — возговорил судья Шемяка.

— Я не виноват, что отцу его вздумалось подъехать под мост, когда я прыгнул, и что отец его не увернулся, когда я на него упал.

— А чем докажешь?

Ерема не отвечал, а из-за Артамона показал судье Шемяке камень в тряпичке.

— Гм! — промолвил судья Шемяка и тихо прибавил: — Еще сто рублей на верное!

— Прав! — возгласил он. — Слушай, проситель: поди ты, стань на мост, на том самом месте, где стоял этот негодяй, а его поставь на то самое место, где ехал твой отец, и потом спрыгни на него с моста и задави его, точно так же, как он задавил твоего отца. А если ты, спрыгнувши, его не задавишь, дозволяется тебе снова жаловаться на него законным порядком. Дьяк! вывести просителя и взять с него надлежащую подписку, пошлины, приказный сбор и прочее, как следует.

Артамона подхватили и повели в подьяческую. Остались в судейской судья Шемяка, дьяк да Ерема.

— Ну! — сказал судья Шемяка. — Доволен ли ты моим судом?

— Доволен, — отвечал Ерема.

— Так подавай же доказательства того, что доволен.

— И за этим не станет! — отвечал Ерема, вынул тряпичку, развязал и показал судье Шемяке камень.

— Как? — воскликнул Шемяка. — Стало быть, ты не хотел мне за каждое решение давать по сто рублей, и не деньги, а камень мне показывал? Для чего же ты мне его показывал?

— А вот для чего: если бы ты судил не по мне, так я этим камнем прямо бы тебе в лоб пустил!

Судья Шемяка посмотрел на камень, подумал и сказал:

— Увесист камешек выбрал! — Потом он перекрестился и промолвил: — Слава богу, что я по нем судил! Если бы да пустил он мне в лоб этим камнем, так на верное лбу моему уцелеть было бы невозможно. Но на чем же ты основывался, оправдываясь в суде таким образом?

— На известной поговорке, правосудный судья Шемяка: семь бед — один ответ.

— Прав, прав! — возгласил судья Шемяка.— Казусное однако ж дело! Дьяк! вытолкать этого негодяя, а вперед поставить правилом на суде: не принимать наличных доказательств без надлежащего предварительного осмотра, и если кто таковые или тем подобные доказательства представить вознамерится, каковые сей негодяй представил, то оных не принимать, по елику... Ну, да «поелику»-то ты уж там подведи, как законы повелевают!

Ерему вытолкали из судейской, а у ворот на улице встретил он Фому и Артамона, которые стояли и думали: «Жаль хвоста, да все-таки лошадь-то и без хвоста денег стоит! Жаль отца, да все-таки своя голова на что-нибудь да пригодится!»

— Ерема! — сказал Фома,— чем брать тебе у меня лошадь бесхвостую, возьми лучше корову, и перед тобой она! Грех да беда на кого не живет!

— Пожалуй! — отвечал Ерема.

— Ерема! — сказал Артамон,— чем мне прыгать на тебя с моста, возьми лучше, я подарю тебе, хату теплую, владей на здоровье: ведь иной раз так прыгнешь, что потом и прыгать не станешь!

— Пожалуй! — отвечал Ерема.— Давно бы вам так. Право, худой мир лучше доброй ссоры.

И конец сказке о судье Шемяке!

И. С. ТУРГЕНЕВ

КАПЛЯ ЖИЗНИ¹

У одного бедного мальчика заболели отец и мать; мальчик не знал, чем им помочь, и сокрушался.

Однажды кто-то и говорит ему: «Есть одна пещера, и в этой пещере ежегодно в известный день на своде появляется капля, капля чудодейственной живой воды, и кто эту каплю проглотит — тот может исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи».

Скоро ли, долго ли — неизвестно, только мальчик отыскал эту пещеру и проник в нее. Она была каменная, с каменным растрескавшимся сводом.

Оглядевшись, он пришел в ужас — вокруг себя увидел он множество гадов самого разнообразного вида, с злыми глазами, страшных и отвратительных. Но делать было нечего, он стал ждать. Долго ждал он. Наконец видит: на своде появилось что-то мокрое, что-то вроде блестящей слизи, и вот понемногу стала наворачиваться капля, чистая, как слеза, и прозрачная. Казалось, вот-вот она набухнет и упадет. Но едва только появилась капля, как уже все гады потянулись к ней и раскрыли свои пасти. Но капля, готовая капнуть, опять ушла.

Нечего делать, надо было опять ждать, ждать и ждать.

И вдруг снова увидел он, что мимо него, чуть не касаясь щек его, потянулись кверху змеи и гады разинули пасть свою.

---

¹ Сказка записана русским поэтом Я. П. Полонским (1819—1898).

На мальчика нашел страх: «Вот, вот, — он думал, — все эти твари бросятся на меня, вонзят в меня свои жала и задушат меня». Но он справился со своим ужасом, тоже потянулся кверху и — о, чудо! Капля живой воды капнула ему прямо в раскрытый рот. Гады зашипели, подняли свист, но тотчас же посторонились от него, как от счастливца, и только злые глаза их поглядели на него с завистью.

Мальчик недаром проглотил эту каплю — он стал знать все, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, — стал могуществен, богат, и слава о нем далеко прошла по свету.

В. И. ДАЛЬ

ПРАВДА И КРИВДА

Живут у нас на земле Правда да Кривда: живет Правда и во дворце, и в барских хоромаш, и в крестьянской избе; молвит народ, что она у бога живет; мыкается и Кривда всюду: и по царским палатам, и по боярским теремам, и по бедным лачугам; о Кривде народ молвит, что привилась она к земле, и по ней стелет и мелет, и врет и плетет.

Вот раз идет по земле Правда, чище красного солнца: люди ее сторонятся, шапки снимают, чествуют; а она каждому из своих ясных очей приветом в очи светит. Вот и идет божия Правда по земле, ни шатко ни валко, ни на сторону, прямо как стрела! Навстречу ей из косого переулка идет Кривда, ковыляя да пошатываясь; заслонила рукой глаза, прищурилась на Правду; а Правда — что солнышко, на нее Кривде во все глаза не глянуть!

— Ба, ба, ба! — говорит себе под нос Кривда. — Да это никак святая душа на костылях, что люди Правдой зовут. Уж куда как мне эта Правда надоела: как глянет в лицо, то словно горький дым глаза ест! Хоть бы как ни на есть извести ее, постылую!

Кривде за худым делом недалеко ходить; как раз надумала. Подковыляла она, щурясь, к Правде, низенько ей поклонилась и говорит сладким голоском:

— Что тебя, золотая Правда, давно не видать? аль заспесивилась? А еще про твою милость народ молвит, что без тебя люди не живут, а маются. По моему ж худому разуму, так

дело-то наоборот (прости на правдивом слове): с тобой люди маются, а со мной душа в душу сживаются, и наше житье-бытье идет как по маслу.

Глянула Правда Кривде в подслепые очи да и говорит:

— Нет, Кривда, худо тому, кто с тобой дружится; с тобой весь свет пройдешь, да назад не вернешься! Ложь не живуча!

Как рассердится Кривда за правдивое слово да, ошестинясь, закричит, зашипит на все свои голоса:

— Вишь, что выдумала — я ль не живуча! А знаешь поговорку: «Соврешь — не помрешь»? Да я на людей сошлюсь, что со мной жить лучше, чем с тобой!

Правда покачала головой, сказала: «Нет!» — и пошла своим путем. Она в увертки да извороты не пускается, много слов не раздает; у нее либо «да», либо «нет».

Увязалась Кривда за Правдой, зацепила клюкой и не пускает.

— Давай,— говорит,— об заклад биться, что людям со мной лучше ужиться!

— Давай,— говорит Правда,— вот сто рублей. Смотри, Кривда, проспоришь!

— Ладно, посмотрим, чья возьмет! Пойдем судиться к третьему, на третейский суд, вот хоть к писарю; он недалечко живет.

— Пойдем,— сказала Правда.

И пошли. А Кривда тем временем стянула у прохожего бумажник да платок из кармана и спрятала к себе в карман. Вот пришли они к писарю; стала Правда свое дело сказывать, а Кривда тем временем кажет писарю из-под полы деньги да платок. А писарь человек бывалый, как раз догадался, что делать; вот и говорит:

— Проспорила ты, Правда, свои денежки: в наше время лучше жить Кривдой; сытее будешь!

Нечего делать, отдала Правда сто рублей сполна, а сама все стоит на своем, что лучше-де жить правдой.

— Экая ты неугомонная! — подзадоривала ее Кривда.—

Давай опять об заклад биться: я ставлю тысячу рублей в кон, а ты, коли денег нет, ругайся глазами своими.

— Хорошо,— сказала Правда.

Вот и пошли они опять судиться третейским судом к боярину. Выслушав их, боярин вздохнул и говорит:

— Ну, матушка Правда, проспорила ты ясные очи свои, хороша святая Правда, да в люди не годится.

Заплакавши, Правда боярину слово молвила:

— Не ищи же ты, боярин, Правды в других, коли в тебе ее нету!

А Кривда зацепила Правду клюкой и повела из города вон. Идет Правда, слезку за слезкой роняет: горько ей, что люди чествовать чествуют ее, а правдой жить не могут.

Вот вывела ее Кривда в поле, выколола ей глаза да еще толкнула, так что Правда упала ничком на землю. Отдохнув, она поползла ощупью, а куда ползет — и сама не знает. Вот она схоронилась в высокой болотной траве и пролежала там до ночи.

Вдруг в полночь налетела со всех сторон недобрая сила и стала друг перед другом хвалиться, кто больше зла наделал:

— Я,— говорит один,— мужа с женой поссорил!

— Я,— говорит другой,— научил детей не слушаться отца с матерью!

— А я,— кричал третий,— весь день учил детей лгать да лакомства красть!

— Эка невидаль — ребенка сделать вором да лгуном! — кричит Кривда.— А я так всех вас за пояс заткнула: я переспорила Правду, взяла с нее сто рублей да еще выколола ей глаза! Теперь Правда ослепла, стала тою же Кривдой!

— Ну! — крикнул набольший.— Далеко кулику до Петрова дня! Правда живуча, на воде не тонет, на огне не горит; стоит ей только очной травкой глаза потереть — сейчас все как рукой снимет!

— Да где ж она добудет этого зелья?

— Травы этой на горе, по залежам, не оберешься.

Лежит Правда в осоке, к речам прислушивается; а как только разлетелась недобрая сила, то она поползла в гору, на заброшенную старую пашню, села на залежь и стала травку за травкой срывать да к очам прикладывать. Вот и добралась

она до очной травы, потерла ею глазок — прозрела; потерла другой — и другим прозрела!

«Хорошо,— думает она,— наберу-ка я этой травы; авось и другим спонадобится».

И нарвала она целое беремья, навязала в пучочки и понесла домой.

Вдолге ли, вкоротке ли, в некотором царстве, в некотором государстве ослепла у царя единою-единая дочь; и уж чего не делали, как не лечили царевну — ничего не берет! Велел царь по своему и по соседним царствам клич кликнуть: кто его царевну вылечит, тому он половину своей казны отдаст да еще полцарства в придачу накинёт. Вот и сошлись отовсюду лекаря, знахарки, лекарки, взялись лечить; лечат-полечат, а вылечить не могут!

Рассердился царь, велел всех помелом со двора согнать, а сам стал думать да гадать, как своему горю пособить. Думал царь, думал,— ничего не надумал.

Приходят раз слуги и докладывают ему, что пришла вещая странница, величает-де себя Правдой и берется царевну вылечить даром, за одно царское спасибо, а казны-де ей не надо.

Подивился царь и велел нянюшкам-мамушкам чудную знахарку к царевне свести.

Вошла Правда в царевнин теремок, на иконы помолилась, царевне поклонилась, вынула очную травку, потерла ею один глазок — царевна одним глазом прозрела; потерла другой — другим прозрела, да, прозревши, как вскочит от радости, да бросится в отцовы палаты, стучит, бренчит, по переходам бежит; а за нею тьма-тьмущая нянюшек, мамушек, сенных девушек вдогонку спешат. Как вбежала она к отцу да прямо ему в ноги:

— Царь-государь, вижу тебя, родитель мой! Вижу яснее прежнего!

Царь до слез обрадовался, обнял дочь, целует, милует ее, сам о вещей знахарке спрашивает; а Правда уж тут и царю правдивым приветом в очи светит.

— Чем тебя, вещая, наградить? — спрашивает царь. — Хочешь казны? Всю возьми! Хочешь царствовать? Полцарства бери!

Поклонилась Правда царю и говорит:

— Не надо мне ни царства твоего, ни казны твоей; а если хочешь жаловать, так пожалуй меня в твои старшие судьи, чтобы без меня во всем царстве судьи твои ни одного дела не вершили.

Царь с радостью согласился; ударил по рукам, — и с тех пор Правда поселилась в этой земле, неверных судей сменила, праведных посадила, уму-разуму да чести научила; а Кривде таково житье пришло, что она без оглядки оттуда бежала.

М. МИХАЙЛОВ
ТРИ ЗЯТЯ

Жили-были старик со старухой, и было у них три дочери — все три писанные красавицы.

Поехал старик весной поле пахать. Небо все в тучах; солнышка нету. Стало старика холодом прохватывать.

— Эх,— говорит,— кабы солнышко! Старшую бы дочь за него замуж отдал, только бы погрело.

Солнышко и выглянуло.

Тут как тут и старшая дочь идет, несет отцу обед.

— Ну,— говорит старик,— сосватал я тебя, дочка, за солнышко. Живи ты с ним в миру да в ладу; нас не забывай!

Дочь говорит:

— Спасибо, тятенька!

Зять говорит:

— К нам в гости милости просим!

Как воротился старик домой, спрашивает его жена:

— А дочь где?

— Замуж отдал.

— За кого?

— За солнышко.

— И слава богу!

Немного времени спустя поехал старик в лес — дрова рубить. Позамешкался в лесу; глядь — уже и ночь; да темень такая, что топора в руках не видать.

— Эх,— говорит,— кабы месяц! Среднюю бы дочь за него замуж отдал, только бы посветил.

Месяц и выглянул.

Тут как тут и средняя дочь идет, грибов искала, да дорогу потеряла.

— Ну,— говорит старик,— сосватал я тебя, дочка, за месяца. Живи ты с ним в миру да в ладу; нас не забывай.

Дочь говорит:

— Спасибо, тятенька!

Зять говорит:

— К нам в гости милости просим!

Как воротился старик домой, спрашивает его жена:

— А дочь где?

— Замуж отдал.

— За кого?

— За месяца.

— И слава богу!

Подошли Петровки; поехал старик сено косить. На небе ни тучки, жар такой, что коса из рук валится; пот с лица градом.

— Эх,— говорит,— кабы ветер! Младшую бы дочь за него замуж отдал, только бы холодком махнул.

Ветер и подул.

Тут как тут и младшая дочь идет: отцу завтрак несет.

— Ну,— говорит старик,— сосватал я тебя, дочка, за ветра. Живи ты с ним в миру да в ладу; нас не забывай!

Дочь говорит:

— Спасибо, тятенька!

Зять говорит:

— К нам в гости милости просим!

Как воротился старик домой, спрашивает его жена:

— А дочь где?

— Замуж отдал.

— За кого?

— За ветра.

— И слава богу!

И стали старик со старухой жить вдвоем.

Недели не прошло, соскучился старик по старшей дочери.

— Дай,— говорит,— пойду проведаю, как она с мужем живет.

Вышел из дому засветло, а как пришел к зятю, совсем смеркалось: солнышко с женой уж и спать улеглись на сеновале.

Поднялись они отца встретить.

— Ну, жена,— говорит солнышко,— надо нам тятеньку угостить. Затевай-ка блины!

— Что ты? — говорит жена.— Стану я ночью печь разводить!

— Теста только замеси,— говорит солнышко,— а печи разводить не нужно.

Сделала она тесто; а солнышко и говорит:

— Лей мне на голову!

Жена налила, блин и испекся.

Как погостил старик у зятя да пришел опять домой, кричит старухе:

— Эй, старуха! затевай блины!

— Что ты, с ума, знать, сошел? — говорит жена. — Ночью да печку топить!

— Не надо печки топить. Меси, знай, тесто!

Замесила старуха тесто. Подставил ей старик голову.

— Лей, — говорит, — мне на лысину!

Налила ему старуха, залепила старику и глаза, и уши, и нос, и рот.

Три дня старик в бане отмывался.

Еще неделя прошла, соскучился он по средней дочери.

— Дай, — говорит, — пойду проведаю, как она с мужем живет.

Вышел из дому засветло; а как пришел к зятю, совсем смеркалось: месяц с женой уж спать улеглись на подполоке.

Поднялись они отца встретить.

— Ну, жена, — говорит месяц, — надо нам тятеньку угостить. Ступай-ка, принеси медку!

— Что ты? — говорит жена. — Да как я в потемках-то в погреб пойду?

— Ничего, — говорит месяц, — иди, знай! Темно не будет.

Пошла она в погреб; а месяц только палец над творилом¹ подержал — все углы осветил.

Как погостил старик у зятя да пришел опять домой, кричит жене:

— Эй, старуха! давай-ка меду!

— Что ты? али рехнулся? — говорит старуха. — Ночью да в погреб лезть!

— Ничего, — говорит старик, — я тебе посвечу.

---

¹ Творило — лаз в погреб. Этим же словом обозначается и дверца, закрывающая вход туда.

Полезла старуха в погреб, а он над творилом палец держит.

Слетела впотьмах старуха с лестницы, глаз себе выколола.

Еще неделя прошла, соскучился старик по младшей дочери.

— Дай,— говорит,— пойду проведаю, как она с мужем живет.

К младшей дочери поспел засветло.

Угостила она с мужем отца чем бог послал. Погостил старик, стал прощаться.

Тут и говорит жене ветер:

— Жарко, жена, в избе; пойдем на воду сидеть.

— Что ты? — говорит жена.— Да ведь утонем.

— Не утонем,— говорит ветер,— бери, знай, шубу.

Взяла жена шубу, пришли они к реке, кинул ветер шубу на воду.

— Прыгай! — говорит жене.

Прыгнули они оба разом на шубу, ветер подул, и поплыла с ними шуба, что твоя лодка.

Как пришел старик домой, кричит жене:

— Эй, жена! жарко в избе; пойдём на воду сидеть.

— Что ты? — говорит старуха. — Али из последнего умишка совсем выжил? Утонуть захотел!

— Не бойсь! — говорит старик. — Не утонем. Бери только шубу с собой!

Взяла старуха шубу, пошли они и пришли к реке.

— Кидай, — говорит старик, — шубу на воду!

Кинула старуха.

— Ну, давай теперь мне руку, — говорит старик, — прыгай со мной на шубу. То-то будет сидеть мягко да прохладно.

Прыгнули они оба разом, и пошла с ними шуба ко дну. Только их и видели.

М. Б. ЧИСТЯКОВ

СВОЕ И ЧУЖОЕ

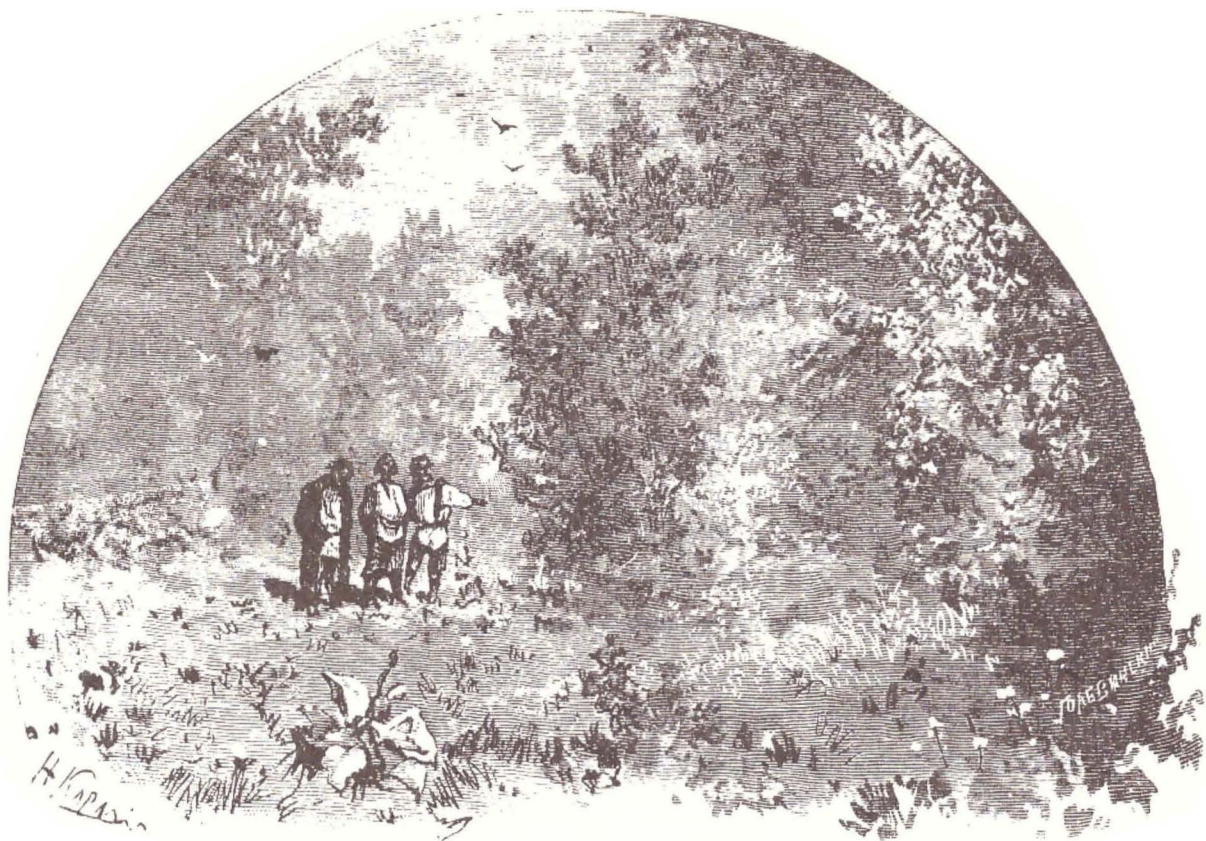
У одного крестьянина был сосед. У этого соседа был богатейший сад — лес лесом, глазом не окинешь; яблонь, груш, слив, вишен — видимо-невидимо; чем дольше растут, тем больше раскидываются, а плодом каждый год так увешаны, что сучья подпирай подпорками, а то, смотри, обломятся.

Завистно это стало крестьянину, и он захотел у себя развести сад богаче соседского. И вот зовет он своих трех сыновей и говорит им:

— Дети мои милые, дети мои любезные, дети мои бессмысленные! Захотелось мне насадить сад, да получше, чем у соседа нашего. Ступайте вы куда глаза глядят, в дальние страны заморские, на моря теплые, — там, слышно, все идет не по-нашему и выходит все лучше нашего, что ни посеешь, что ни посади, все родится сам-сот. Поучитесь вы у заморских людей, ворочайтесь на родную сторону и насадите сад получше, чем у соседа нашего, себе самим на корысть, детушкам своим на радость, а мне на помин души по смерти.

Два брата пошли во страны заморские, на моря теплые. Смотрят они и дивуются: нет нигде ни сосенки, ни елочки, ни березки, ни осиннику, а куда ни глянь — все сады виноградные; а в садах народ кишмя кишит: землю копают, водой поливают, ветки подчищают, кусты к палочкам привязывают.

Подошли к ним братья, низко кланяются и говорят им почтительно, как у русских людей обычай есть:

— Мы — дети у отца несмысленные, пришли поучиться у вас уму-разуму заморскому: покажите нам, как сады садить.

Такая речь заморским людям по сердцу, очень им, значит, понравилась. Берут они к себе русских братьев в работники, закабаляют их в работу тяжелую, а есть дают все кусочки маленькие, а вместо щей — какие-то корешки вареные. Работают братья с усердием, ко всему присматриваются и научаются сады садить, виноград разводить. За работу дали им заморские люди по виноградному кустику, по две виноградинки да денег по шелегу¹. И вернулись они домой такие веселые и радостные.

А третий брат никуда не ходил на чужую сторону, а вышел

---

¹ Шелег — монетка, которая использовалась не в качестве денег, а в играх, для счета, из нее делали мониста.

он раным-рано на поле. Господу богу помолился, с красным солнышком поздоровался, припал к сырой земле, поцеловал ее материнскую грудь и, взглянув на небо синее, со слезами сказал душевным голосом:

— Господи, боже мой! открой ты мне разум, научи ты меня, несмысленного, куда мне пойти и поучиться, как сады садить, чтоб родной батюшка не прогневался.

И слышался ему тихий-тихий, такой кроткий, ласковый голос:

— Дитя ты неразумное! Зачем тебе ходить из родной земли? Учись ты здесь у добрых людей уму-разуму, стороне своей пригодному; а советуйся ты с красною зарею утренней, с жарким солнышком полуденным, с ветрами тихими и буйными, с теплыми и холодными ночками, с росами и туманами, а больше всего — со своим рассуждением.

И пошел он к соседу и научился у него свои русские деревья садить, по-своему сады разводить и получил от него в гостинец молодых корней с тысячу.

Посадил первый брат виноградный куст — ничего не выросло.

Посадил второй брат виноградный куст — только сухая тычинка осталась.

Насадила третий брат молодых корней — разросся сад, как божий рай: весной цветами, как снегом, все обсыпано, а осенью яблоками, как золотом и кумачом, обвешано. И сами едят, и на ярмарку возят, и впрок на всякий случай кладут.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ

ОЗЕРО-СЛОБОДКА

Как-то по озеру с удочкой ездил рыбак в перелеске;
Рыба почти не ловилась, и стал он домой собираться.
Вдруг и поймалась одна, да такая красивая рыбка,
Что ни пером описать, ни в словах рассказать не сумеешь.
Чуть он в ведро успел перебросить вертлявую рыбку,
Тихо пред ним поднялась над пучиною рыбка постарше,
Бледная вся, будто кто испугал ее, вышла наружу
И человеческим голосом вскрикнула так над водою:

— Где ты, дитя мое, где ты, моя неразумная рыбка?
Стадо пора загонять; погляди, закатилось солнце...
Где ты, откликнись, дитя! али хищная цапля речная
В когти из волн подхватила тебя, моя рыбка родная?

Долго сновала по озеру, в страхе и трепете, рыбка,
Долго рыбак, опустивши весло, с челнока дивовался...
Взял напоследок ведро он, привстал и откликнулся рыбке:

— Вот твое дитяtko, вот; ты возьми свою дочку, пожалуй,
Но уговор лучше денег: поведай по истинной правде,
Что ты за диво сама и какие края ваши воды?

Быстро плеснувшись в воде и уставя пугливые глазки,
Так начала говорить замирающим голосом рыбка:

— Ох, человек, много лет той поре, как на этой поляне,
Вместо воды, камышей и кустов, красовалась слободка;
В шумной слободке жила на дворе на широком молодка,

Много добра и богатства у ней по амбарам лежало,
Много далеких купцов и мирян к ней во двор заезжало.
Раз, о полудни, она на крыльце на тесовом сидела:
Дочь на руках убаюкав, с крыльца за ворота глядела;
Видит: идет от села человек, утомился бедняга,
Низко поклоны кладет у ворот и у окон слободки:
Просит он ковшик студеной воды у ребят и у старших...
Только не слышат ребята, играют себе по затишьям;
Старшие ж кто на гумне, кто с иглой али с пряжей уселся.
Вот подошел он ко мне, говорит: «Твоя хижина с краю,
Глушь за тобой и поля; я ж от жары изнываю;
Встань, захвати где-нибудь мне хоть каплю водицы
студеной!»

Ум ли померк у меня, и теперь разгадать не умею;
Только в ответ старику я промолвила так, усмехаясь:
«Как, старина, разбудить, как покинуть мне малую дочку?
Хочешь напиться, так вон, погляди, и ручей под горою;
Подем успеешь дойти и авось не умрешь на дороге,
Здесь же у нас, в слободе, ты и капли воды не отыщешь!»
Странник поник головой и, как тень, из околицы вышел...
Вдруг, слышу я, в тишине по околице звуки несутся;
Точно посыпался град али где-то западали зерна...
Вижу — и замер мой дух: на столе сам собой, за порогом,
Брызнул кувшин, а за ним у дверей из печурки плеснуло;
Возле из погреба струйка воды, словно дым, поднялася,
Миски, лоханки и ведра всплывают, несутся к воротам,
Им же навстречу, смотрю, выбегают другие потоки!
В ближних дворах та же притча: всплывают шесты и заборы...
И не опомнилась я, как кругом берега поднялися;
Зелено стало в глазах; колыхаясь, осела слободка;
Там же, вверху, как туман, заходили студеные волны...
Ты не дивися, рыбак, если в озеро днем ты посмотришь:
Темные кочки на дне — это хижины нашей слободки;
Мелкие травки — сады, а ложбинки — пруды да колодцы.
Ранней зарею, пока не шелóхнулись по лесу листья,
С берега ухо наставь ты к воде, тут сейчас и услышишь —

F. A. D. B. C.

Как далеко-далеко, под тобой, в потопленной слободке,
Ветер по кровлям шумит, словно плещутся мелкие струйки,
Куры кудахчут, петух на гумне заливается звонко...
И раздаются в воде колокольные тихие звуки,
Будто засохший тростник от дуновения ветра
Тихо звенит над водой, над пустынным побережьем качаясь!
Рыбка замолкла, едва отливаясь на зыби стемневшей...
В волны ей бросил рыбак целых суток добычу обратно;
И, привязавши челнок меж осокой, обратно в потемках
Вышел на берег, безлюдный и дикий, с пустыми руками.

КОТ МУРЛЫКА ¹

БЕРЕЗА

Береза росла на небольшой поляне, прямая, стройная, с белым стволом, с пахучими, лаковыми листочками. А кругом ее шумели старые дубы, цвели белым цветом и сладко благоухали раскидистые большие липы, зеленели зелеными иглами яркие, бархатные пихты, круглились иглистыми шапками красные сосны, и постоянно дрожали, как будто от страха, всеми своими серо-зелеными листочками горькие, траурные осины. Одним словом, кругом березы была целая роща, хотя и небольшая, но очень красивая.

Береза росла и помнила, как она росла. Она помнила, как трудно было рыться и отыскивать в земле пищу ее молодым корешкам. То земля была очень рыхла, то слишком жестка, то вдруг камень мешал расти какому-нибудь ее корешку, и тот поневоле должен был отходить в сторону, а другие, упрямые, не хотели отойти и умирали; зато другим от этой смерти было просторнее.

«Почему же,— думала береза,— земля не везде одинакова? То много чересчур в ней пищи, то мало, то совсем нет и зачем эти камни на дороге? Как все это скучно!»

Когда весной солнце отогревало березу и она просыпалась от долгого зимнего сна, ей было так хорошо... Солнце светило ярко, приветливо грело. Воздух был полон теплых паров, земля как будто сама предлагала проснувшимся корешкам

---

¹ *Кот Мурлыка* — псевдоним русского ученого-зоолога Н. П. Вагнера (1829—1907).

сочную, вкусную пищу. Все это было так хорошо. И береза разворачивала свои смолистые, пахучие почки. Она вся радовалась, вся благоухала, вся одевалась мелкими, яркими желто-зелеными листочками.

Но это не всегда так было. Чем длиннее становились дни, тем сильнее грело солнце. Потом оно уже пекло, начинало жечь, и очень больно. Листья на березе покрывались пылью, сохли и желтели. Она умирала от жажды.

— Каплю, хоть одну каплю дождя! — молила она.

И наконец явился дождь. Налетела с гулом и вихрем черная туча. Верхушки деревьев шумели, гнулись, все их листочки дрожали. Ветер рвал их и уносил далеко. Но буря не могла достать березы. Ее защищали другие деревья. Она чувствовала только, как по всем ее листочкам пробежал легкий, свежий ветерок, и ей было хорошо.

А вот и дождь. Он хлынул, как из ведра, ветер мчал его капли. Он ими бил и хлестал все, что ему попадалось: лес, траву, дома, людей.

— Зачем же так больно? — говорила береза.

Но дождь не понимал этого; он сек березу холодными каплями все сильнее и сильнее, и ей было и больно и холодно.

И чем дольше шел дождь, тем холоднее становились его капли. Вот уже вместо их появилась крупа, и вдруг загудел, запрыгал, защелкал крупный град. Как пулями он бил деревья, сбивал с них лист, кору. Он бил и березу, хотя ее и защищали другие деревья. Он избил, измолотил всю траву, все цветы вокруг березы; он всю ее изранил, провел глубокие борозды по ее нежной, белой бересте, и из этих ран вытекал светлый, как хрусталь, сок березы. Это были слезки ее.

— Ах! — шептала береза. — Как все гадко на свете! Как мне больно и холодно! Неужели нельзя было обойтись без граду? Еще сегодня утром я задыхалась от жару, а теперь мерзну от холоду, больная, избитая, израненная!

И все деревья тоже зябли, хотя и не жаловались, потому что привыкли ко всем невздам... Они тихо и грустно шептались между собою. А птицы жалобно перекликались. Им тоже

было холодно. Не жаловалась только трава на лужайке, потому что она была мертвая.

И пошел холодный дождь, пошел, не переставая, и день, и два, и три. Береза совсем окоченела, точно зимой.

— Ах как все это гадко, как гадко! — шептала она.

Наконец дождь перестал. Тучки расплылись в тумане, и солнце опять стало греть. Береза отогрелась, отдохнула, расправила все свои листочки, но она боялась и граду и холоду и стояла грустная, не доверяя ни солнцу, ни всему тому, что было вокруг нее.

«Ах, — думала она, — если б эти деревья, что стоят кругом, не заслоняли мне то, что вдали, может быть, я и увидала бы то, что лучше, чем кругом меня! Может быть, там, там где-нибудь, вечно тепло и светло. Ах, если бы когда-нибудь невозможное стало возможным!»

И желание ее исполнилось, но только не так, как она вообразала.

Раз рано утром, когда еще трава спала под холодной росой и розовое утро алело на вершинах деревьев, в рощу пришло много крестьян с пилами и топорами, и пошла работа. Стук, шум, крик. Старые деревья пилили пилами, рубили топорами, и они с треском и стоном валились на землю. К полудню работа была кончена, почти все деревья лежали вокруг березы мертвые. Не тронули только березу и еще несколько осин, которые были такие же молодые, как и береза.

Не стало рощи — далеко вокруг березы было чистое поле.

«Вот как хорошо теперь видно! — думает береза. — Синие, светлые горы. Там, должно быть, очень тепло. А перед ними море, над ним летают белые птицы. Вон луг, такой зеленый, бархатный. По нем ходят барашки. Они, верно, придут и ко мне в гости. Ах! ничего этого я не видала прежде. И откуда же приходят тучи, и дождь, и град?»

Недолго думала береза. Не прошло и двух дней, как собрались тучи, поднялся ветер; он дул все сильнее и сильнее. Все горы покрылись облаками, посинело бурное море. Все звери

и маленькие зверки и птички попрятались, кто куда мог. Только длиннокрылые чайки вились над белыми валами.

— Нам хорошо в бурю! — кричали они. — Теперь нам, наверное, что-нибудь выбросит бурное море и будет нам праздник.

«А нам нехорошо, — думали корабли и маленькие лодочки. — Мы рады ветру, а не буре. Но если б не было ветру, не было б и бури».

А ветер свистел, гудел и ревел ураганом.

— Я теперь мчусь на крыльях могучих — я теперь чувствую силу. Сторонитесь все, простору мне, простору! — И он налетел на березу.

Со стоном покачнулась береза. Все ее ветки, все листики, жилки задрожали.

— Простору, простору! — кричала буря. — Прочь с дороги! Согнись, согнись, преклонись предо мной!

— Ах! я не могу нагнуться, — говорила береза. — Я с детства выросла прямая и гордая... Я не могу согнуться... Я в этом не виновата.

— Согнись, согнись! — гудел вихорь. — Я не виноват, что мчусь, все рву и ломаю. Не было бы воздуху — не было бы ветру. Не было бы ветру — не было бы бури. Не было бы воздуху — и не было бы ничего, что дышит воздухом. Я не виноват, что солнце не греет все и везде одинаково; да не виновато в этом и солнце. Я, холодный воздух, мчусь в теплые страны, в пространство, нагреться солнцем. Прочь с дороги, простору мне, простору! Согнись, согнись передо мною!

— Я не могу гнуться. Не могу! — стонала береза.

— Ну так держись крепче! Чья сила возьмет! — загудел ветер и со страшным порывом налетел на нее.

Застонала, затрещала береза и, изломанная, вырванная с корнем, повалилась на землю.

А буря мчалась дальше.

— Простору мне, простору, прочь с дороги! Я все ломаю, — кричала она.

И пролетела буря.

Мало-помалу затих ветер. Настала тишина, проглянуло солнце.

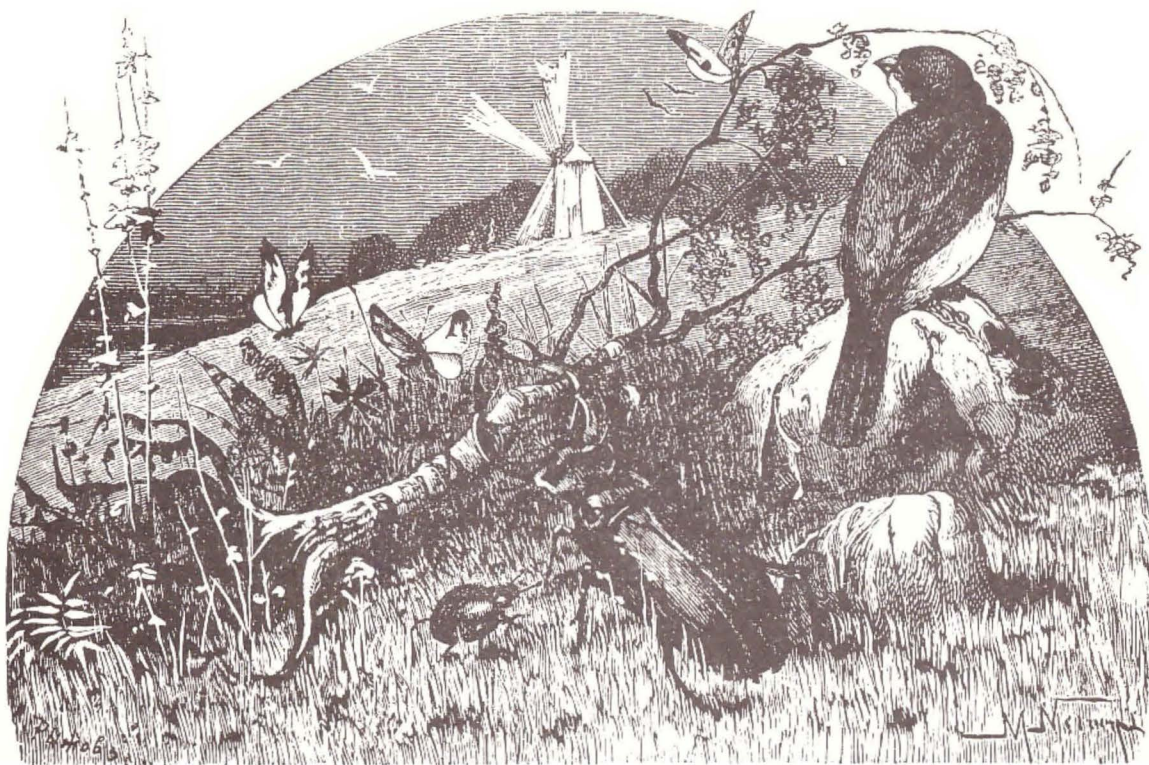
Береза лежала сломанная, изуродованная. Ее листики трепетали. Она еще была полна жизни, но должна была умереть, потому что буря оторвала ее от родной земли, которая ее поддерживала и питала.

Выползли жуки, забегали ящерицы, прилетела бабочка, запели птички, защебетали ласточки, выглянул крот из норы.

— Я знал, что так будет, — сказал крот. — Если б не было солнца, не было бы ветру. То ли дело жить в темноте!

— Ты глупый слепыш и больше ничего, — сказала ящерица. — Если б не было солнца, не было бы и нас с тобой. Ты давно бы замерз в своей темной норе. Ах! зачем оно не всегда светит и греет, это доброе, хорошее солнце? Так хорошо, когда оно печет!

— Нечего сказать! очень хорошо! — сказала улитка. — Нет, когда оно печет, то не знаешь, куда деваться от жары.

Просто приходится зарыться под листья и закупориться в свой домик.

— Ах! как дурно без ветра,— сказала ветряная мельница, стоявшая на пригорке.— Теперь, верно, надолго настанет тихая погода и мой хозяин насидится без помолу и без денег.

— Вот так хорошая буря была! — сказали чайки.— Что бы нам каждый день такую! И тогда каждый день был бы нам праздник!

— Что хорошего в буре? — сказала бабочка.— Не надо бури, не надо ветру. Пусть каждый день будет тихо и ясно.

— Из чего они все хлопочут? — сказал камень.— Разве не все равно: буря, солнце, дождь, град, гром, молния, тепло, холод! Я лежу себе спокойно и не боюсь ничего. Меня мочит дождем, сушит ветром, печет солнцем — мне все равно, и все обратится, рано или поздно, в пыль и песок.

— Да! Если бы так рассуждать, то всем бы надо было быть камнями,— сказал седой мох, который тут же рос на камне,— я давно живу на свете, бывал под дождем и под снегом, высыхал чуть не до корней и снова отрастал. Я много испытал и скажу вам, отчего бывает на свете то гадко, то хорошо.

И все сказали:

— Послушаемте, что скажет седой мох!

— Это новость! — закричали все.

— ...Все на свете переходит одно в другое,— досказал мох.— Никто не скажет, где кончается тьма и начинается свет, и никто не знает, как далеко идет свет, которого мы еще не знаем. Что такое тепло и что такое холод? Улитке тепло, а ящерица в это время чувствует холод. Орехи цветут, когда снег еще лежит кругом на полях, и липа цветет только среди жаркого лета. Что для одного тепло, то для другого холод; где начинается тепло и где оно кончается — никто на это не ответит. Эфир проникает воздух, воздух проникает камни, камни переходят в травы, травы превращаются в зверей. Одно из другого берет начало, и нельзя сказать, где кончается одно

и начинается другое. Огонь греет и жжет, свет освещает и ослепляет, вода поит и затопляет, ветер освежает и разрушает. Все идет в две стороны, начинается невидимо, незаметно растет, расширяется и, замирая, переходит в другое. Так все устроено на свете, и живи на нем кто и как может! Хорошо тому, кто привык к холоду и жару, кто не боится дождя и бури, кто легко переносит голод и жажду, кто может жить даже под снегом, кто тверд, как камень, и подвижен, как ветер, кто умеет жить полной жизнью и умеет ею наслаждаться...

И все гордо посмотрели друг на друга.

— Ах! — прошептала полумертвая береза.— Если бы я могла ко всему привыкнуть, я жила бы и радовалась. Но никто не виноват в моей смерти, и я тоже.

— А в конце концов,— прибавил седой мох,— все мы стремимся к свету, всем нам хочется немножко побольше тепла, побольше чистого воздуха и побольше, побольше яркого света!

— Ну, нет, я с этим не согласен,— сказал крот.— Мне и впотьмах хорошо!

И он зарылся в землю.

— Еще бы тебе, уроду, не было хорошо! — сказала бабочка.— Ты только и живешь желудком. И день и ночь роешься в земле да объедаешься всякими червяками.

— Кому не надо света,— закричали все,— пусть тот уходит в землю и живет темной ночью, а мы все хотим света, тепла и света!

И все на том порешили, и каждый занялся своим делом.

Прошла целая неделя. Умерла береза. Ее листики засохли, пожелтели, их почти все разнесло ветром, и они сгнили далеко один от другого. Из них выросли вкусные белые грибы. Начал гнить и самый ствол березы. В нем завелось множество маленьких бурых жучков и белых червячков. Все они с наслаждением ели сочное, сладкое дерево березы, и все в один голос повторяли:

— Пусть каждый пользуется жизнью, как может!

Раз, поздно вечером, пришел старый бедный дровосек, со своими ребятами. Они утащили к себе домой березу со всеми жившими в ней жучками и червячками. Старший сын при этом с удовольствием проехался по двору верхом на березе, потом ее изрубили, бросили в печь. Все жучки и червячки сгорели в печке. Зато сварили хорошую овсяную кашу. Все дети грелись около огня, с наслаждением ели кашу и все повторяли:

— Пусть каждый пользуется жизнью, как может.

А. Г. КОВАЛЕНСКАЯ

МУХОМОР

Божья коровка опрометью бежала к соседней кочке; она была в страшном испуге и едва могла перебираться через разные препятствия, встречаемые на дороге. Красненькая ее одежда, испещренная черными пятнышками, на этот раз была в беспорядке: она раздвинулась, и одно прозрачное крылышко торчало наружу. Ясно было видно по ее одежде, что она накинула ее кое-как и забыла спрятать тонкую ткань нижних крыльев. Задыхаясь, переваливаясь и спотыкаясь на каждом шагу, добежала она до кочки и, остановясь у подножья зеленого моха, едва переводя дух, окликнула соседку.

— Где ты там, соседка? — кричала она. — Выходи скорее!

На голос ее из-под зеленого моха показалась опрятно одетая желтенькая букашка с черными крапинками на платье. Соседка была тоже божья коровка.

— Что случилось? — спросила она, просовываясь между двумя тычинками моха, похожими на крошечные елки.

— Беда, матушка! — заголосила красная. — Духу не переведу... так неумойкой к тебе и прибежала... не успела прибраться как следует...

— Да что ж у вас? — говори толком.

— Страсти господни, соседка! Как и сказать, не знаю... Сидели мы все смирно на кочке, что под елью, и всякий занимался своим делом; как вдруг — о, господи, страсти какие! даже и вспомнить не могу!.. Кочка-то наша, родимая, вся хо-

денем заходила, так и надулась, а земля-то под ногами треснула; да шум какой! Целый комок моху так и выворотило; даже мы на ногах не устояли: все как есть повалились. Ох, страсти! и теперь не опомнюсь...

— Что за оказия? — сказала удивленная желтая. — Да ведь что-нибудь должно быть видно? Вы бы поглядели.

— Чего глядеть-то! — возразила красная. — Мы со страху все как есть разбежались. А куда денешься-то? У всех гнезда, яйца, сама знаешь! Куда пойдешь в такую пору?

И она заплакала.

— Нечего убиваться до времени, — утешала благоразумная желтая. — Надо выждать, а там, что бог даст. Так и быть, пойдем поглядим.

И обе отправились.

Еще издали увидели они страшную суматоху: от кочки народ так и валил; кто что мог ухватить, то и тащил: кто зернышко, кто яйцо, кто уцепил листок больше себя ростом, и все без оглядки бежали, толкая друг друга. Смятение было страшное, и ясно было видно, что народ вовсе ошалел от страха.

Кто помоложе — карабкался на высокую былинку и, не достигнув ее верхушки, кубарем сваливался вниз. Все до того растерялись, что даже крылатые жители забыли воспользоваться природным удобством, и вместо того, чтоб распустить крылья, тут же толкались между бежавшими, прибавляя к общему смятению.

— Господи! куда я денусь с малыми детьми? — заголосола красная и в отчаянье повалилась на землю вверх ногами.

Даже желтая сильно смутилась и украдкой поглядывала в ту сторону, где была ее кочка; но там было все спокойно.

— Не тужи, мать моя! — утешала она несчастную. — Ведь уж этим горю не поможешь, а убиваться грех большой. Все по грехам нашим наказание посылается; ох, согрешили мы!

— Да куда деваться-то? — стонала красная. — Куда я теперь голову приклоню?! Разорение, да и только!

— Вставай-ка! Что ногами-то болтать? — продолжала утешительница. — На все власть божия. А теперь пойдем ко мне, нагладелись мы с тобой страстей-то.

И она потащила за собою убитую горем красную.

Много беседовали соседки, много плакал народ: разорение было общее, и вокруг страшного места царствовала мертвая тишина, прерываемая лишь изредка треском земли; мох расступался больше и больше; целые комки его, оторванные от земли, валялись около кочки. Жителя на ней не было уже ни одного.

К вечеру, когда все бежавшие разместились кое-как по соседним кочкам и мы несколько поуспокоились, собралась молодежь: стали толковать о страшном событии; и так как первый страх уже прошел, то молодой жучок предложил товарищам пройти до опасного места и обозреть окрестности. Сильно отговаривали их старые жуки; а божьи коровки и слышать не хотели, чтобы кто-нибудь показал нос в ту сторону. Но смельчак, синий жук, стоял на своем, и кучка храбрых товарищей решилась потихоньку пробраться к тому месту. Однако решено было послать вперед крылатого муравья, он должен был не идти пешком, а лететь и держаться на некоторой высоте, чтобы, в случае опасности, тем же путем воротиться восвояси.

Снарядился наш муравей и отправился. Вся молодежь дожидалась его на опушке моха, около того места, где кончаются крошечные елки и начинается ровный, бархатный луг моховины.

Вскоре посланный вернулся и объявил, что там все спокойно, но издали он видел что-то страшное: в земле краснеется, точно огонь, а никого нет.

Смельчаки переглянулись и несколько времени оставались в нерешимости, но сами стыдились своей трусости и твердо решились, пока еще солнце не село, отправиться к тому месту всей компанией.

Сказано — сделано. Общество гурьбой отправилось в ту сторону.

Подойдя близко к кочке, они остановились и стали прислушиваться: тихо! Синий жук, как самый храбрый, полез на кочку и закричал:

— За мной, кто не трус!

Кровь бросилась в голову молодежи, и все, как один, устремились на кочку.

Едва они достигли верхушки, как вдруг раздался треск, земля расступилась...

— Прочь с дороги! — закричал кто-то страшным голосом, и из земли показался огромный, толстый и красный, как рак, мухомор! Только белый разодранный плащ прикрывал его места. Он лихо держал шапку набекрень и, подбоченясь, гордо надувшись, обозревал окрестность.

От этого зрелища наша молодежь кубарем свалилась с кочки и, не оглядываясь, в ужасе бежала врассыпную.

— Дальше от кочки! — грозно кричал мухомор, надуваясь и краснея все больше и больше.

Но наши смельчаки и так ног под собой не слышали. Мухомор это видел, но нарочно хотел почваниться и всем задать страху.

Как пьяные, добрались молодые жуки до своих и без чувств повалились в мох, болтая в воздухе ногами.

— Господи! — вопили божьи коровки. — Да когда же будет конец этим ужасам! Ох, головушки наши бедные!

Долго причитали они над своей перепуганной молодежью, и только тогда успокоилось народное волнение, когда луна уже взошла высоко, и свежая роса прохладила разгоряченные головы. Наконец все смолкло.

Ночь стояла тихая, звездная. Голубой свет месяца серебрил окропленные цветы и белые стволы кудрявых берез; ветки их длинными прядями колыхались в ночном воздухе и наводили сон и успокоение на все живущее. Без шума плыла серебряная луна по синему небу; без шума блистали яркие

Тораз дубеку

звезды в прозрачной синеве; без шума благоухали цветы и наполняли воздух ароматом.

Бедный, засохший стебелек кивал томно головкою, вздремнув при всеобщем молчании. Он доживал свой век тихо, безропотно.

Изредка земля вокруг мухомора глухо пощелкивала, но он все стоял подбоченясь и с важностью и с презрением глядел на сухой стебелек, преклонившийся к земле. Но дремота наконец и его одолела; он заснул, не переменя своего положения, и не замечал, как тихая, звездная ночь задумчиво роняла слезы на его гордую, глупую голову.

На небе стало темнеть; месяц уплыл на край земли, звезды побледнели; и на востоке показалась яркая розовая полоска. Ветер быстро пробежал по сонному царству цветов и насекомых; цветы дрогнули и тихо повернули головки к розовой полоске света. Вся окрестность осветилась розовым пламенем; облака, позолоченные по краям, поплыли по небу, а туман, поднявшись с земли, пустился за ними в погоню.

Все в лесу проснулось: птицы запели, зашевелились насекомые, маленькая белка с пушистым хвостиком забралась на березу, оттуда перекинулась на ель и, качаясь на ветке, навострила уши. Заяц перепрыгнул через дорогу и во весь дух понесся через поле к ближнему ручью. Малиновка просвистала где-то в чаще. Мошки, жучки и божьи коровки пришли в движение.

Стебелек приподнял согнутую головку и посмотрел на мухомора: тот стоял еще краснее, шапка его была усеяна белыми пуговицами, и весь он, надувшись, еще больше вчерашнего вылез из земли. Рост и дородство его пугали даже воробьев; а божьи коровки, как вышли поутру умываться росой, так и онемели от ужаса. Мухомор был виден даже с их кочки.

— Экая страсть! — говорили они между собою вполголоса. — Ведь уродился же этакий! Да никак он на нас глядит?..

И все врассыпную бросились к середине кочки.

Молодые жуки утром очень стыдились своей вчерашней

слабости и не знали, какими глазами смотреть на соседей. Переговорив между собою, они решили погулять опять в окрестностях мухомора, разумеется не подходя к нему близко. Услыхав о приготовлениях, красная божья коровка решилась тащиться вслед за ними. Она оставила на кочке все свое хозяйство и хотела хоть издали посмотреть, не спаслось ли что-нибудь. И так, не замеченная никем, она прокралась между моховых тычинок и спряталась невдалеке от страшной кочки.

Но мухомору с вышки все было видно: он как раз заметил компанию молодежи и божью коровку.

— Не подходить! — заревел он. — Не то всех отравлю!

Жуки остановились, но не пошли назад. Синий даже выступил из толпы.

— Ах ты дерзкий! — загремел мухомор. — Да знаешь ли, кто я? Я — мухомор! А это что такое, какая дрянь там прячется? Туда же, в красном платье! Прочь, мелочь!

Жучки сильно трусили, но не подавали вида и все смотрели издали на разъяренного мухомора. Коровка сжалась в комок и подлезла под крошечную елку. А стебелек все внимательно слушал и только в раздумье качал головой: видно было, что он думает глубокую думу.

Жуки удалились, делая вид, что гуляют и ничего не боятся.

Стал накрапывать дождь. Все живые существа попрятались, кто куда мог. Мухомор гордо стоял, подбоченясь, и хохотал во весь рот над трусостью мелкого народа. Дождь лил ливнем с его упругой головы и падал под ноги целым каскадом; шапка стала еще краснее.

Но вот закатилось солнце, а дождь не переставал. Вся окрестность как будто покрыта была прозрачной пеленой; все притихло, только около мухомора был слышен шум воды, как от водосточной трубы. Так прошла вся ночь.

Наутро небо выяснело и все выползли из своих убежищ. Молодежь взобралась на верхушку своей кочки, чтоб с вышки наблюдать мухомора.

— Помогите! — вдруг раздался громкий голос.— Братцы, помогите! Мушки, жуки, божьи коровки... падаю!

Народ в ужасе высыпал на кочку. Все смотрели в ту сторону.

— Валюсь, совсем валюсь! — кричал отчаянно мухомор; и правда: видно было, как весь он покривился на сторону; шапка вовсе сползла на затылок; лицо сморщилось и посинело.

Партия молодых жуков бросилась к нему, забыв опасность; но не успели они вскарабкаться на кочку, как мухомор тяжело шлепнулся в грязь.

— Раскисаю!..— простонал он хриплым басом.— Совсем раскисаю...

И действительно, в тот же день храбрый воин раскис совсем. К вечеру уже нельзя было узнать, где была шапка и где лицо: весь он представлял из себя комок липкой грязи...

А стебелек качал головою и думал крепкую думу.

«Сколько зла! — размышлял он.— Место отравлено; воздух заражен; жители в ужасе и горе. О, если бы удалось поправить зло и восстановить счастье!»

Горькая, последняя слезинка выкатилась из потухающих его глаз; слабым движением взял он из своего сердца лучшее семечко и бросил его в липкий комок.

Прошло лето, прошла и зима. Настала новая весна. Проснулось население кочки и радостно взглянуло на свет божий. Жуки и божьи коровки собирались переселяться на старую кочку, но сначала решили осмотреть местность. Все они гурьбой отправились к родному пепелищу, и что же представилось их глазам?

На месте страшного мухомора — стройный ландыш. Распустив широко темные листья, стоял он как вкопанный и только покачивал веточкою, увешанною белыми чашечками. На всех смотрел он ласково и радостно.

— Придите все ко мне,— говорил он, протягивая широкие объятия,— я стою здесь для вас, и, пока буду жить, вы будете иметь прохладу и тень от моих листьев, сок и мед от моих чашечек. Я напою воздух благоуханием, я дам вам приют в тени листьев моих: я отдаю вам сердце мое и отдам жизнь, если понадобится. О, придите, придите под тень мою!

Все насекомые поклонились ему и приняли ласковое предложение.

Та кочка, говорят, самая счастливая и благословенная кочка в лесу.

Н. Д. АХШАРУМОВ

МАЛАНЬИНЫ СТРЕЛКИ

I

Был у одной старухи сын по имени Фомка. Фомка был мужичок малорослый, тощий и самый, как говорится, беспрокий. Никакая работа ему не спорилась, потому что он не умел обойтись, как люди обходятся, а все делал по-своему. Одежда у Фомки была оборванная, избенка кривая, крыша дырявая, лошаденка хромая, и жил он один со своею старухою матерью, без жены, потому что во всем околотке не было такой дуры, которая бы согласилась пойти за него.

Вот как-то раз шел Фомка в сумерки между опушкой и полем; а было это около Ильина дня и накануне была большая гроза. Идет он, и все ему слышится: гром не гром, а так, будто где-то недалеко телега по бревнам проехала. И думает он: «Где бы это могло быть? Кругом на пять верст нет ни плотины, ни моста, а гремит где-то недалеко...» Чу! вот опять застучало! И на этот раз так уже близко, что Фомка остановился и начал осматриваться. Глянул в одну сторону — нет никого, глянул в другую — видит: на самом краю опушки кто-то стоит нагнувшись, словно как будто бы ищет грибов. Стал он за ним приглядывать; видит: старик какой-то, седой, без шапки, рост богатырский, плечи широкие, лицо такое хмурое, грозное... стоит, наклонился, клюкой ковыряет что-то во мху; поковырял и, зная, не нашел ничего — пошел дальше; да как только пошел — и застучало опять.

«Хе-хе! — думает себе Фомка. — Вот оно где гремит-то». — И дивно это ему показалось. Подошел ближе:

— Бог помочь, дед.

— Спаси бог.

— Что это ты стучишь?

— Так это я про себя ворчу...— отвернулся и, надо быть, что увидал на полу,— стал опять ковырять клюкой, поковырял, вытащил из земли какую-то стрелку и бросил в мешок.

— Что это ты тут делаешь?

— Так, ничего,— говорит,— свой товар подбираю.

— Какой товар?

— Да вот, дочка моя — Маланья¹ вчера тут в горелки играла, разбегалась, стрелки свои пораскидала. А я не люблю этого баловства. Товар дорогой; почто его тратить даром? Хочешь стрелять, так стреляй толком: выбери место, нацель хорошенько да тогда и пали...

Слушает Фомка, сейчас смекнул, в чем дело, и кто такой этот старик, и о какой Маланье он говорил.

— Слышь ты,— говорит,— тебе одному не справиться с этой работой; всю ночь тут провозишься. А ты выучи-ка меня эти стрелки искать, так я тебе, дедушка, помогу.

Дед согласился; надоело ему ковырять одному; выучил мужика, по каким приметам отыскивать место, куда упала стрела и как ее из земли выкапывать. И вот стали они искать вдвоем; искали, пока совсем не стемнело, и понабрали-таки порядком. Как стало совсем темно, дед взял, покидал свой товар в мешок и мешок завязал.

— Ну,— говорит,— спасибо тебе, любезный; будет с меня и этого.— Загрохотал и ушел восвояси.

А Фомка, как ни был плох, однако на этот раз маху не дал. Не захотел он уйти с пустыми руками и изловчился, тайком от деда засунул себе в сапог с полдюжины... Зачем, он и сам хорошенько не знал, но нрава он был пытливого, и всякое новое дело его занимало. «Дай,— думает,— посмотрю: что это за стрелки такие?» Пришел домой, ни слова не говоря старухе, спрятал свою находку на печь и завалился спать. Утро-де вечера мудренее.

---

¹ Маланья — молонья, молния. (Примеч. автора).

II

На другой день был праздник. Фомка проснулся чуть свет, взял с собою стрелки и ушел в лес. Что он там делал — не знаю; только вернулся домой без одной стрелы да в придачу еще без пальца на левой руке.

— Что с тобой? — спрашивает старуха.

— Так, ничего... топором отхватил.

Несколько дней после этого он сидел смирно, но как только палец зажил, взял остальные стрелки и пошел опять в лес... Вернулся опять без одной да и в придачу еще без глаза.

— Что с тобой? — спрашивает старуха.

— Так, ничего... на сук наткнулся.

После этого он запрятал Маланьины стрелки в клеть и долго до них не дотрагивался; знать, поотбило охоту... Но вот однажды понадобилось ему зачем-то в кузницу; а кузница была в городе. Подходит он к городу поздно вечером, в сумерки, и опять ему чудится гром не гром, а так — что-то стучит... Глядь, впереди, недалеко, бредет тот самый старик, которого он у лесу встретил. Поравнялись они.

— Здравствуй, дед!

Тот смотрит — не узнает.

— А того мужика помнишь, который тебе помогал Маланьины стрелки выкапывать?

— А, это ты? Ну, будь здоров, братец.

— Куда идешь, дедушка?

— В кузницу, братец.

— Пойдем же вместе, и мне туда нужно.

Пришли они в кузницу. Фомка сейчас свое дело справил, присел на завалинке и сидит, дожидается... «Дай, — думает, — погляжу, зачем дед пришел».

А дед кликнул к себе кузнеца и спрашивает:

— Ну что, — говорит, — кузнец, пушталку справил?

— Справил.

— Покажь-ка сюда?

Смотрит Фома: кузнец достал из-под лавки снаряд какой-то диковинный и подает деду. Дед поглядел.

— Хорошо,— говорит.

Сейчас заплатил кузнецу что следует, взял свой снаряд и пошел.

Как только пошел, и Фомка пошел; увязался опять за ним, опять разговор заводит.

— Здорова ли дочка?

— Ничего, славу богу, живет.

— Много ли стрелок пораскидала?

— Да, пораскидала-таки порядком.

Говорят они этак, а Фомка все на снаряд поглядывает.

— Что это, дедушка,— говорит,— у тебя за штука такая?

— Пушчалка, братец.

— На что это тебе?

— А это,— говорит,— для дочки моей, игрушка такая. Из этой пушчалки она свои стрелки пушает.

— А разве нельзя без этого?

— Нет,— говорит,— нельзя. Без этого либо палец тебе оторвет, либо глаза выжжет...

Сказал это дед, а сам и усмехается, на Фомку поглядывает.

— Хе-хе, брат! Да что это у тебя глаз-то?

— Ничего,— отвечал Фомка,— это я ночью на сук напорол.

— Вот как!.. Хе-хе, да у тебя и пальца недостает!.. Куда девал?

— Ничего, дедушка, это я в хмелю топором отхватил.

— Ну, братец, это тебе наука. Послушай ты моего совета: будь наперед осторожнее.

Сказав это, дед загрохотал и пошел восвояси.

А Фомка не промах, сейчас вернулся назад к кузнецу и заказал для себя пушчалку такую же, как у деда.

— Не рассердился бы дед,— говорит кузнец.

— Э! ничего! — отвечал Фомка.— Мы с ним приятели; сам видел, вместе пришли.

Через неделю пушалка была готова, и Фомка ходил с нею в лес и вернулся на этот раз без изъяну, веселый такой. Приходит к матери.

— Прощай,— говорит,— матушка! Благослови ты меня в путь далекий, на подвиги ратные, на поприща богатырские. Землю пахать теперь не мое уж дело.

Как услышала старуха эти слова, так и ахнула.

— Фомка! Да ты не с ума ли спятил?.. Ты,— говорит,— посмотри на себя; ну к роже ли тебе подвиги ратные? Ведь у тебя силенки немногим побольше, чем у меня!.. Да и кого ты, кривой богатырь, воевать собираешься?

— Не беспокойся, матушка,— говорит Фомка,— я уж найду кого. А что до силы моей, то этой силы ни ты, да и никто на свете еще не изведal. И никому не известно, где она у меня; а я знаю, где, и, когда покажу, тогда и увидят.

Вечером в этот день Фомка ходил на то место, где он деда в первый раз встретил, и вернулся домой с каким-то пучком. А на другой день, чуть свет, оседлал хромую свою лошаденку, повесил пушалку через плечо, простился с матерью и уехал.

III

Долго ли ехал Фомка и далеко ли уехал, не знаю; только вот выезжает он из лесу на зеленый луг и видит: стоят на лугу два шатра златоверхих, у шатров богатырские кони пасутся. Слез он с своей лошаденки и пустил ее тут же траву щипать; а сам прилег отдохнуть. Недолго прошло, из шатров выходят два старых-престарых богатыря; посмотрели на мужика, усмехнулись и сели тут же, неподалеку.

И говорит один богатырь другому:

— Прошли,— говорит,— богатырские времена, Ильюха! Что за народ нынче на свет родится!.. Посмотри-ка, вон мужичонка какой!.. Что твой комар. Взял его на ладонь да прихлопнул — так только мокренько останется.

Речь эта была обидна для Фомки, но он смолчал.

И говорит другой богатырь:

— А что,— говорит,— Алеша, много ты этаких за один прием уберешь?

— Да как махну,— отвечает тот,— так штук пятьдесят зараз уберу.

Не вытерпел этого Фомка:

— Почто,— говорит,— вы, старые богатыри, меня, юного, обижаете. Вы силы моей не извели, а если хотите изведать, то, чем на словах похвалиться, испытайте лучше меня на деле.

— Хорошо,— говорит Алеша,— давай, кривой богатырь, силу пробовать.

— Нет,— отвечает Фомка.— Я на тебя, Алеша Попович-млад, и на тебя, дедушка Илья Муромец, руки не подниму, потому не приходится детям своих отцов колотить. А если хотите силу мою узнать, то возьмите меня с собой на подвиги ратные, на поприща богатырские. Пригожусь — сами спасибо скажете, а не пригожусь — наплюйте вы мне в лицо и прогоните.

Призадумались старые богатыри, смотрят на мужичка, дивятся: откуда у него такая прыть?

И вот говорит Илья Муромец:

— А что,— говорит,— Алеша, возьмем уж его с собой, так и быть. С виду он точно что плоховат, да с виду не всякого разберешь.

— Хорошо,— говорит Алеша,— возьмем.

И положили они промеж себя уговор: Фомке ехать за старыми богатырями следом и служить им покуда конюхом. А если дело какое встретится, то пускать его в дело первого. Годен окажется — принять его нареченным братом и считать младшим богатырем, а не годен — прогнать.

Порешили на том и уехали.

IV

Едут богатыри на своих богатырских конях, а Фомка за ними, на своей хромой кляче — трюх, трюх... едва поспевает.

Подъезжают они к городу Угличу, а в городе Угличе страх

и смятение неописанное. Поселился в дремучем лесу, у самого города, басурман — шестиглавый змей и губит христианский народ во множестве неисчислимом.

Как услышали это богатыри, сейчас поехали в лес и по следу змеиному отыскивали его вертеп. Глядят: из вертепа выходит чудище нечестивое о шести головах и каждая голова с пивной котел.

— Ну, Фома,— говорит Илья Муромец,— вот тебе и работа. Коли жизнь не красна, смерть не страшна, то выходи ты, по уговору, первый супротив этого змея и ратуй; а мы посмотрим, если он станет одолевать. тогда сами примемся.

Но Фомка только того и боялся, чтоб старики как-нибудь без него не покончили. Вышел он смело вперед и стал заряжать свою пушалку; а змей-то, завидев его, кривого, как прыснет со смеху:

— Пошел прочь! — говорит.— Шут ты этакой! Не хочу я с тобою и рук марать!

— Ну, ничего,— отвечал Фомка.— Я тебя, любезный, не задержу.

Сейчас прицелился да как грянет... Осветилось все место битвы, по лесу пошел гул раскатами, и огненная стрела, ослепляя глаза ярким блеском, ударила в змея. Только его и видели. Разорвало его, беднягу, всего на куски, и те куски не то спалило, не то раскидало по лесу.

Богатыри стоят, смотрят... понять не могут, что это такое было?.. Смотрели, смотрели, пожали плечами, да и поехали прочь. Фомка за ними. И вот слышит он, богатыри говорят между собою тихонько:

— Ну, что, Ильюша?

— Да что, Алеша! я, братец, правду люблю говорить. В жизнь свою не случилось так чисто покончить дело!

И вернулись они в город Углич, где люди, узнав, кто одержал победу, не захотели и верить старым богатырям; думали, что это они вдвоем убили змея, и только из милости уступают Фомке всю честь. А впрочем, приняли всех троих с великим почетом.

После того называли богатыри Фому своим меньшим братом и стали честить, как равного.

И ездили они долго втроем, сперва по святой Руси, а потом и по разным краям чужеземным. И было у них за это время работы немало. Попадались им великаны и в три сажени, и в семь, и в десять; и змеи разного сорту, то о шести, то о двенадцати головах, а то и более; и эфиопские короли с несметными ратями, и турецкие, и татарские, и китайские витязи,— и против всех их, по уговору, выходил Фома первый. Выйдет, живо дело все сам покончит, а два старших богатыря поглядят да, потупив голову, и поедут прочь.

И вот стали старые богатыри призадумываться. Видят: дела им никакого нет, всю работу Фомка себе забрал, а и просить-то его, чтобы уступил, не смеют, боятся, что стары уж стали очень и, чего доброго, еще перед ним, молодым, осямятся.

Стали они об этом промеж себя разговаривать. И вот говорит Илья Муромец:

— А что, Алеша, ведь дело-то наше дрянь! Состарились мы, да и время-то богатырское, звать, миновало. Не нужны стали теперь богатыри. С этой пущалкою, что у Фомки, всякая баба выйдет против тебя, и ничего ты с ней не поделаешь.

— Да,— отвечает Алеша Попович-млад.— Я, братец Ильюха, и сам так думаю. Довольно уж мы с тобой покрутили миром. Пора и честь звать! Поедем-ка на покой.

И вот простились богатыри с своим нареченным братом Фомою и уехали восвояси.

А Фомка тою порой гостил во дворце у какого-то короля заморского, и слава о нем успела уже пройти по целому свету.

VI

Сидит Фомка у короля, в его золотом чертоге; а король-то и говорит ему:

— Скажи,— говорит,— мне, Фома, по правде, отчего старые богатыри уехали?

И отвечает ему Фома:

— Скажу я тебе, государь, по правде, старые богатыри обижаются, что им возле меня, молодого богатыря, совсем делать нечего.

Выслушав это, король сам глядит на Фому, усмехается:

— Послушай, Фома,— говорит,— ведь ты врешь?

— Нет,— говорит,— не вру.

— Нет, врешь. Меня, братец мой, не обманешь. Ты вот говоришь: «богатырь»,— а если по правде сказать, какой ты богатырь? Отними у тебя пушалку да стрелы, так тебя всякий дворовый петух загоняет.

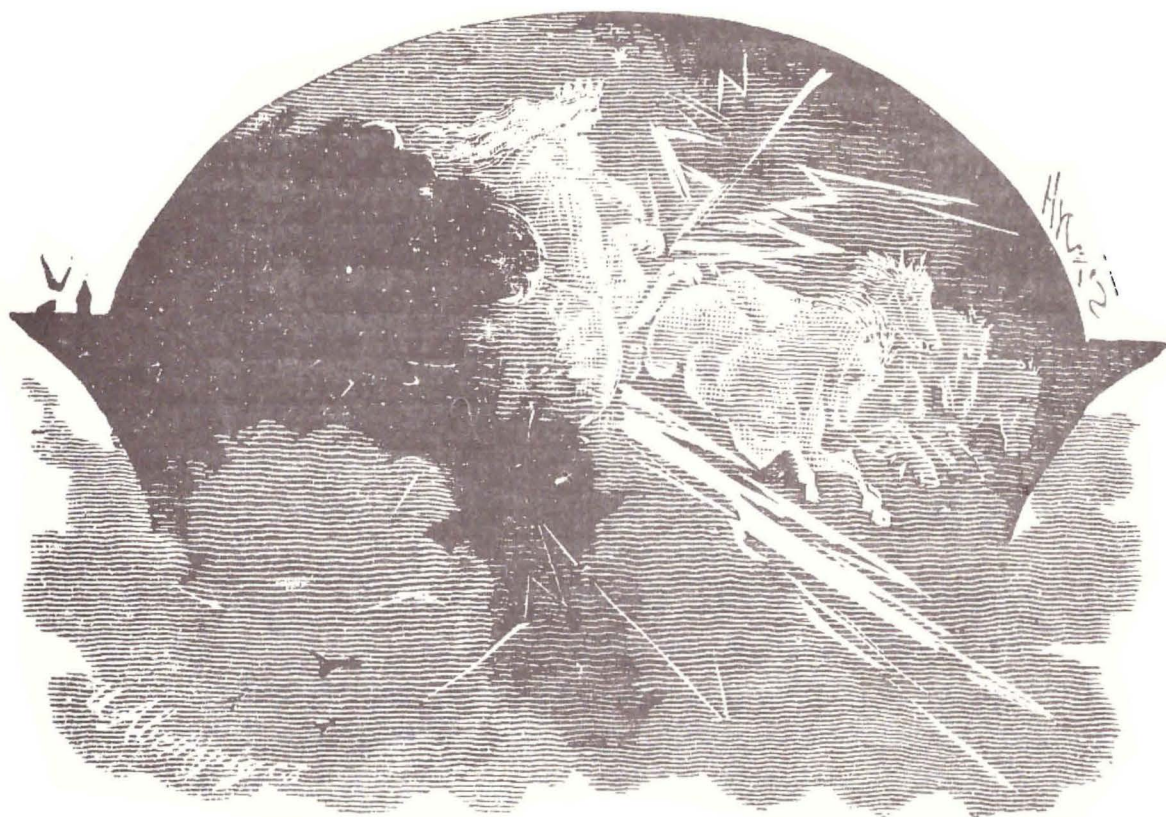
Фомка обиделся.

— Нет,— говорит король,— ты этим, любезный, не обижайся. А ты мне вот что скажи. Ведь этакую пушалку, как у тебя, всякий кузнец может сделать?

— Да,— отвечает Фома,— может; а стрелы-то ты откуда возьмешь? Без стрел, с одною пушалкою ничего не поделаешь.

— А вот,— говорит король,— я к тому и веду разговор. Ты, Фома, парень неглупый, сам можешь понять, что славы твоей не убудет, если ты мне откроешь: откуда ты эти стрелы берешь; и выучишь моих мастеров этому делу стрелецкому. А если,— говорит,— ты это сделаешь, то будет тебе от меня за это награда такая, о какой ты и не думаешь. Богатырем я не могу тебя сделать, конечно, да мне и не нужны богатыри; но сделаю тебя генералом и отдам тебе все свое войско в команду, и для этого войска мы закажем пушалки, и ты будешь его учить своему стрелецкому ремеслу. А когда ты все

это исполнишь, тогда я отдам за тебя свою дочь и с нею полцарства в приданое.

Польстился Фома на такую великую честь и открыл королю свое дело тайное, свое мастерство стрелецкое. И сделал его король генералом, а старых своих богатырей уволил вчистую. Не нужны стали они ему с тех пор, как все войско было вооружено пушечками и всякий солдат мог сделать то же, что Фомка делал. И стал Фомка знатным боярином, и стал король выдавать за него свою дочь, а за дочерью отводить полцарства в приданое.

И вот едет Фома с королевскою дочерью под венец. Едут они в золотых колесницах. По дороге войско стоит в два ряда; народ толпится; шапки бросают кверху, кричат «ура!». По всему городу праздник, в колокола звонят... А по небу между тем поднимается черная туча. Остановилась она над самым венчальным поездом да вдруг как шарахнет!.. Разорвало ее, словно платок, на два куска, и из прорехи вылетела царица

Маланья во всей лучезарной своей красоте. Она была в огненной колеснице на вороных конях, и на темных ризах ее светилось кровавое зарево. Грозно глянула она на Фому:

— Стой! Фомка-вор! Ты стрелы мои украл, ты тайны мои изведal и по свету разгласил. Я тебе этого не прощу! На вот, отведай-ка эту стрелку!..

Сказав это, царица взмахнула высоко белой рукой и пустила в него стрелу лучезарную...

Тяжелый громовой удар грянул над самою головою жениха. Кони его попадали. Народ столпился вокруг его золотой колесницы. Глядят: а бедный кривой богатырь лежит в колеснице — мертвый.

В. М. ГАРШИН

СКАЗКА О ЖАБЕ И РОЗЕ

Жили на свете роза и жаба. Розовый куст, на котором расцвела роза, рос в небольшом полукруглом цветнике перед деревенским домом. Цветник был очень запущен; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которых уже давно никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решетка с колышками, обделанная в виде четырехгранных пик, когда-то выкрашенная зеленой масляной краской, теперь совсем облезла, рассохлась и развалилась; пики растащили для игры в солдаты деревенские мальчишки и, чтобы отбиваться от сердитого барбоса с компаниею прочих собак, подходившие к дому мужики.

А цветник от этого разрушения стал нисколько не хуже. Остатки решетки заплели хмель, повилика с крупными белыми цветами и мышиный горошек, висевший целыми бледно-зелеными кучками с разбросанными кое-где бледно-лиловыми кисточками цветов. Колючие чертополохи на жирной и влажной почве цветника (вокруг него был большой и тенистый сад) достигали таких больших размеров, что казались чуть не деревьями. Желтые коровяки подымали свои усаженные цветами стрелки еще выше их. Крапива занимала целый угол цветника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться ее темною зеленью, особенно когда эта зелень служила фоном для нежного и роскошного бледного цветка розы.

Она распустилась в хорошее майское утро; когда она раскрыла свои лепестки, улетающая утренняя роса оставила на них несколько чистых, прозрачных слезинок. Роза точно плакала. Но вокруг нее все было так хорошо, так чисто и ясно в это прекрасное утро, когда она в первый раз увидела голубое небо и почувствовала свежий утренний ветерок и лучи сиявшего солнца, проникавшего ее тонкие лепестки розовым светом; в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она могла в самом деле плакать, то не от горя, а от счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонив свою головку, разливать вокруг себя тонкий и свежий запах, и этот запах был ее словами, и слезами, и молитвой.

А внизу, между корнями куста, на сырой земле, как будто прилипнув к ней плоским брюхом, сидела довольно жирная старая жаба, которая проохотилась целую ночь за червяками и мошками и под утро уселась отдыхать от трудов, выбрав местечко потенистее и посырее. Она сидела, закрыв перепонками свои жабыи глаза, и едва заметно дышала, раздувая грязно-серые, бородавчатые и липкие бока и отставив одну безобразную лапу в сторону: ей было лень подвинуть ее к брюху. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей погоде; она уже наелась и собралась отдыхать. Но когда ветерок на минуту стихал и запах розы не уносился в сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей смутное беспокойство; однако она долго ленилась посмотреть, откуда несется этот запах.

В цветнике, где росла роза и где сидела жаба, уже давно никто не ходил. Еще в прошлом году осенью, в тот самый день, когда жаба, отыскав себе хорошую щель под одним из камней фундамента дома, собиралась залезть туда на зимнюю спячку, в цветник в последний раз зашел маленький мальчик, который целое лето сидел в нем каждый ясный день под окном дома. Взрослая девушка, его сестра, сидела у окна; она читала книгу или шила что-нибудь и изредка поглядывала на брата. Он был маленький мальчик лет семи, с большими глазами и большой головой на худеньком теле. Он очень лю-

бил свой цветник (это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко) и, придя в него, садился на солнышко, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожке, уцелевшей около самого дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начинал читать принесенную с собою книжку.

— Вася, хочешь, я тебе брошу мячик? — спрашивает из окна сестра. — Может быть, ты с ним побегаешь?

— Нет, Маша, я лучше так, с книжкой.

И он сидел долго и читал. А когда ему надоедало читать о робинзонах, и диких странах, и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книжку и забирался в чащу цветника. Тут ему был знаком каждый куст и чуть ли не каждый стебель. Он садился на корточки перед толстым, окруженным мохнатыми беловатыми листьями стеблем коровяка, который был втрое выше его, и подолгу смотрел, как муравьиный народ бежит вверх к своим коровам — травяным тлям, как муравей деликатно трогает тонкие трубочки, торчащие у тлей на спине и подбирает чистые капельки сладкой жидкости, показывавшейся на кончиках трубочек. Он смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух, как ящерица, раскрыв тупую мордочку, сидит на солнце, блестя зелеными щитиками своей спины; а один раз, под вечер, он увидел живого ежа! Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но, боясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапами, похожими на медвежьи.

— Вася, милый, иди домой: сыро становится, — громко сказала сестра.

И ежик, испугавшись человеческого голоса, живо надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубу и превратил-

ся в шар. Мальчик тихонько коснулся его колючек; зверек еще больше съежился и глухо и торопливо запыхтел, как маленькая паровая машина.

Потом он немного познакомился с этим ежиком. Он был такой слабый, тихий и кроткий мальчик, что даже разная звериная мелкота как будто понимала это и скоро привыкла к нему. Какая была радость, когда еж попробовал молока из принесенного хозяином цветника блюдечка!

В эту весну мальчик не мог выйти в свой любимый уголок. По-прежнему около него сидела сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслух ему, потому что ему было трудно поднять свою исхудалую голову с белых подушек и трудно держать в тощих руках даже самый маленький томик, да и глаза его скоро утомлялись от чтения. Должно быть, он уже больше никогда не выйдет в свой любимый уголок.

— Маша! — вдруг шепчет он сестре.

— Что, милый?

— Что, в садике теперь хорошо? розы расцвели?

Сестра наклоняется, целует его в бледную щеку и при этом незаметно стирает слезинку.

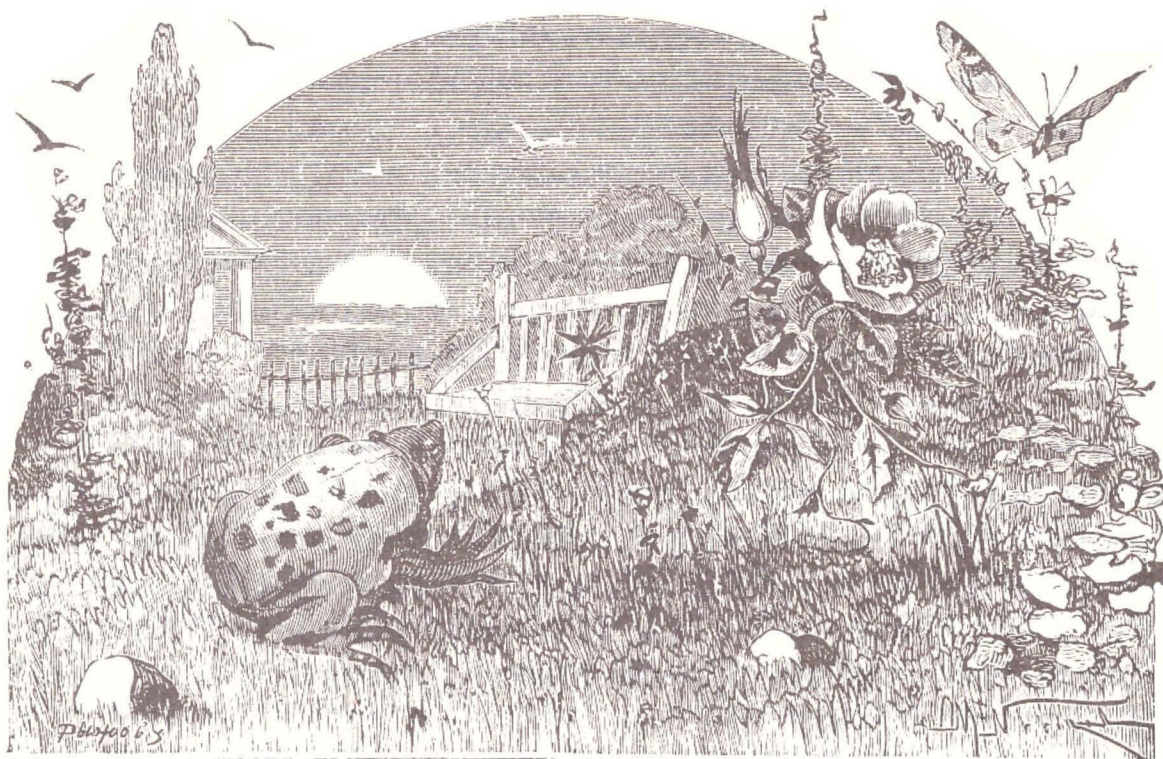
— Хорошо, голубчик, очень хорошо. И розы расцвели. Вот в понедельник мы пойдем туда вместе. Доктор позволит тебе выйти.

Мальчик не отвечает и глубоко вздыхает. Сестра начинает снова читать.

— Уже будет. Я устал. Я лучше посплю.

Сестра поправила ему подушки и белое одеяльце; он с трудом повернулся к стенке и замолчал. Солнце светило сквозь окно, выходявшее на цветник, и кидало яркие лучи на постель и на лежавшее на ней маленькое тельце, освещая подушки и одеяло и золотя коротко остриженные волосы и худенькую шею ребенка.

Роза ничего этого не знала; она росла и красовалась; на другой день она должна была распуститься полным цветом, а

на третий начать вянуть и осыпаться. Вот и вся розовая жизнь! Но и в эту короткую жизнь ей довелось испытать немало страха и горя.

Ее заметила жаба.

Когда она в первый раз увидела цветок своими злыми и безобразными глазами, что-то странное зашевелилось в жабьем сердце. Она не могла оторваться от нежных розовых лепестков и все смотрела и смотрела. Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:

— Постой,— прохрипела она,— я тебя слопаю!

Роза содрогнулась. Зачем она была прикреплена к своему стебельку? Вольные птички, щебетавшие вокруг нее, перепрыгивали и перелетали с ветки на ветку; иногда они уносились куда-то далеко, куда — не знала роза. Бабочки тоже были свободны. Как она завидовала им! Будь она такою, как они,

она выпорхнула бы и улетела от злых глаз, преследовавших ее своим пристальным взглядом. Роза не знала, что жабы подстерегают иногда и бабочек.

— Я тебя слопаю! — повторила жаба, стараясь говорить как можно нежнее, что выходило еще ужаснее, и переползла поближе к розе. — Я тебя слопаю! — повторила она, все глядя на цветок. И бедное создание с ужасом увидело, как скверные, липкие лапы цепляются за ветки куста, на котором она росла. Однако жабе лезть было трудно: ее плоское тело могло свободно ползать и прыгать только по ровному месту. После каждого усилия она глядела вверх, где качался цветок, и роза замирала.

— Господи! — молила она, — хоть бы умереть другою смертью!

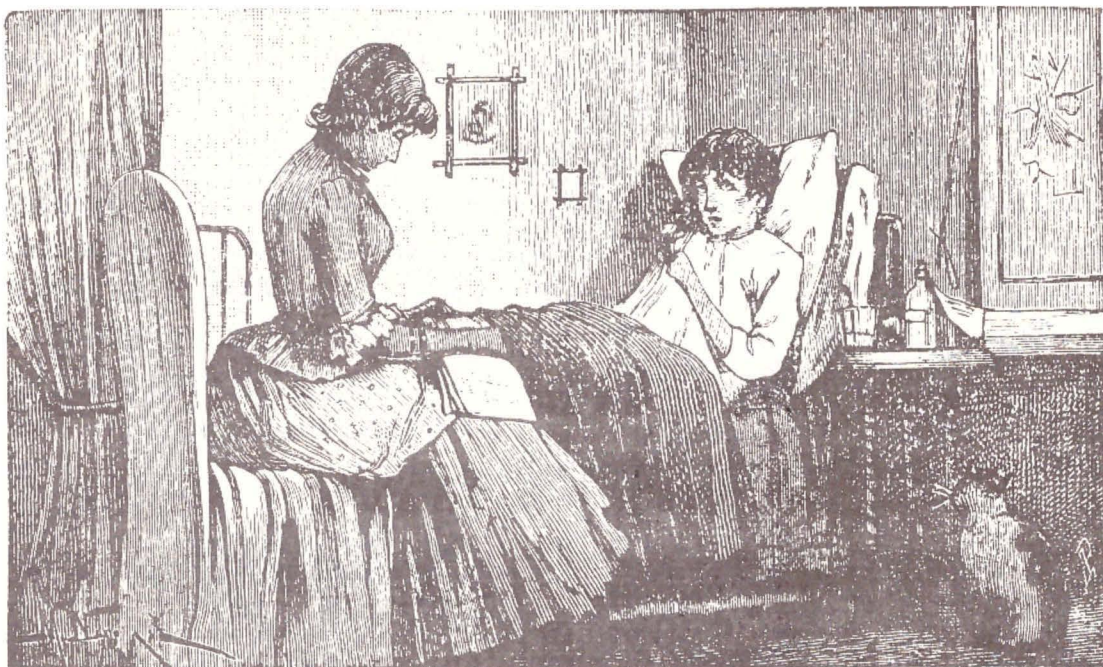
А жаба все карабкалась выше. Но там, где кончались старые стволы и начинались молодые ветви, ей пришлось немного пострадать. Темно-зеленая гладкая кора розового куста была вся усажена острыми и крепкими шипами. Жаба переклола себе об них лапы и брюхо и, окровавленная, свалилась на землю. Она с ненавистью посмотрела на цветок.

— Я сказала, что я тебя слопаю, — повторила она.

Наступил вечер; нужно было подумать об ужине, и раненая жаба поплелась подстерегать неосторожных насекомых. Злость не помешала ей набить себе живот, как всегда; ее царапины были не очень опасны, и она решилась, отдохнув, снова добираться до привлекавшего ее и ненавистного ей цветка.

Она отдыхала довольно долго. Наступило утро, прошел полдень, роза почти забыла о своем враге. Она совсем уже распустилась и была самым красивым созданием в цветнике. Некому было прийти полюбоваться ею, маленький хозяин неподвижно лежал на своей постельке, сестра не отходила от него и не показывалась у окна. Только птицы и бабочки сновали около розы да пчелы, жужжа, садились иногда в ее раскрытый венчик и вылетали оттуда совсем косматые от желтой

цветочной пыли. Прилетел соловей, забрался в розовый куст и запел свою песню. Как она была не похожа на хрипение жабы! Роза слушала эту песню и была счастлива: ей казалось, что соловей поет ее для нее, а может быть, это и правда. Она не видела, как ее враг незаметно взбирался на ветки. На этот раз жаба уже не жалела ни лапок, ни брюха: кровь покрывала ее, но она храбро лезла все вверх, и вдруг, среди звонкого и нежного рокота соловья, роза услышала знакомое хрипение:

— Я сказала, что слопаю, и слопаю!

Жабы глаза пристально смотрели на нее с соседней ветки. Злому животному оставалось только одно движение, чтобы схватить цветок. Роза поняла, что погибает...

Маленький хозяин уже давно неподвижно лежал на постели. Сестра, сидевшая у изголовья в кресле, думала, что он спит. На коленях у нее лежала развернутая книга, но она не читала ее. Понемногу ее усталая голова склонилась: бедная девушка не спала несколько ночей, не отходя от больного брата, и теперь слегка задремала.

— Маша,— вдруг прошептал он.

Сестра вострепелась. Ей приснилось, что она сидит у окна, что маленький брат играет, как в прошлом году, в цветнике и зовет ее. Открыв глаза и увидав его в постели, худого и слабого, она тяжело вздохнула:

— Что, милый?

— Маша, ты мне сказала, что розы расцвели? Можно мне... одну?

— Можно, голубчик, можно!

Она подошла к окну и посмотрела на куст. Там росла одна, но очень пышная роза.

— Как раз для тебя распустилась роза, и какая славная! Поставить тебе ее сюда на столике в стакане? Да?

— Да, на столике. Мне хочется.

Девушка взяла ножницы и вышла в сад. Она давно уже не выходила из комнаты; солнце ослепило ее, и от свежего воздуха у нее слегка закружилась голова. Она подошла к кусту в то самое мгновение, когда жаба хотела схватить цветок.

— Ах какая гадость! — вскрикнула она.

И, схватив ветку, она сильно потрянула ее: жаба свалилась на землю и шлепнулась брюхом. В ярости она было прыгнула на девушку, но не могла подскочить выше края платья и тотчас далеко отлетела, отброшенная носком башмака. Она не посмела попробовать еще раз и только издали видела, как девушка осторожно срезала цветок и понесла его в комнату.

Когда мальчик увидел сестру с цветком в руке, то в первый раз после долгого времени слабо улыбнулся и с трудом сделал движение худенькой рукой.

— Дай ее мне, — прошептал он. — Я понюхаю.

Сестра вложила стебелек ему в руку и помогала подвинуть ее к лицу. Он вдыхал в себя нежный запах и, счастливо улыбаясь, прошептал:

— Ах как хорошо...

Потом его личико сделалось серьезным и неподвижным и он замолчал... навсегда.

Роза, хотя и была срезана прежде, чем начала осыпаться, чувствовала, что ее срезали не даром. Ее поставили в отдельном бокале у маленького гробика. Тут были целые букеты и других цветов, но на них, по правде сказать, никто не обращал внимания, а розу молодая девушка, когда ставила ее на стол, поднесла к губам и поцеловала. Маленькая слезинка упала с ее щеки на цветок, и это было самым лучшим происшествием в жизни розы. Когда она начала вянуть, ее положили в толстую старую книгу и высушили, а потом, уже через много лет, подарили мне. Потому-то я и знаю всю эту историю.

Н. Н. КАРАЗИН

ВОЛК

Холодно волку, бродяге серому, голодно.

Гудит-завывает ветер по лесу, замело снегом проезжие дороги, засыпало тропы пешеходные, толстою корою льда затянуло воды рек и озер. Загнали морозы и вьюги все живое, доброе по крытым дворам уютным, по избам теплым.

Бродит одинокий на воле, без крова и приюта, только серый волк исхудалый. Через чащи лесные заиндевелившие, через поля и луга опустелые, из конца в конец гоняет его голод лютый, неотвязчивый.

Короток зимний день, долга морозная, зимняя ночь... и ни днем, ни ночью нет покоя отощалому бродяге. Гнетет его одна забота, единое только помышление: чем бы раздобыться съестным, что бы хоть чуточку перехватить на голодные зубы, чтобы унять эту злую, болезненную речь в пустом желудке, дотянуть, дожить кое-как до весны, до времени теплого.

Бродит волк по снежным сугробам, где шажком, где рысцою, где вприпрыжку, да зубами пощелкивает... Нет ему нигде воровской поживы, нет нигде куска хозяйского, для него припасенного.

Медведь, «старшой» в лесу зверь, — тот небось отъелся за лето, залег в берлогу теплую и спит; зима ему не в тягость, а в отдохновение. Завела себе и лисица хитрая норку уютную... Кроты, сурки, суслики — вся эта мелочь полевая, все по домам устроились и съестным запаслись; заяц, на что дура-

чок, и а тот живет зиму припеваючи: бегают себе в теплой шубенке да молодые веточки оглаживает. Одному волку несладко живется зимою, на его только долю выпали все напасти, все беды времени зимнего.

И не найдется, знает он, ни одной души доброй, кто бы пожалел его, кто бы протянул руку помощи, уж очень он всем досадить успел; некому, да и не за что, добром помянуть его, разбойника.

Вот ему теперь «овечьи слезки и отливаются».

Выбрался волк на опушку лесную, перебежал открытый пригорок, в лощину спустился, боязливо на свой собственный

след озирается, хвост поджал, словно кто на него сзади дубиною замахнулся; шерсть волчья клочьями щетинится, глаза горят огнем лихорадочным...

Там, на выходе, по косогору, за березовую рощицею чернеются избы деревенские; огоньки в окнах в сумерках светятся; корова, слышно, мычит в хлеву, овцы блеют в теплом загоне; бабы у колодца заспорили, ссорятся; мужик топором звонко постукивает, сани налаживает... Не спит еще деревня — знать, рано!

Ждет не дождется

волк часу ночного, позднего, когда уgomонится народ, завалится спать на печах да на лавках; не забудет ли кто, оплошный, калитку где незапертую, подворотню неприваленную; не выбежит ли сам собою теленок глупый или другая какая-нибудь домашняя скотинка мелкая... Может быть, пошлет бог, ему эту ночь посчастливится?

Ждет час, ждет другой, ждет терпеливо, залегши в сугроб, и чутко прислушивается.

Вот и ночь желанная наступила. Крепнет мороз; искрится снежное поле при лунном свете, потухли в окнах огни... Тихо кругом, безлюдно...

Тронулся волк с места и пошел в обход, где что плохо лежит выглядывать... Только добежал до выгона — завыли по дворам псы деревенские, чуют гостя недоброго... Валетки, Куцы, Шарик, Жучки — все на разные голоса заливаются: не подходи, мол, близко, хозяина с дубиной вызовем.

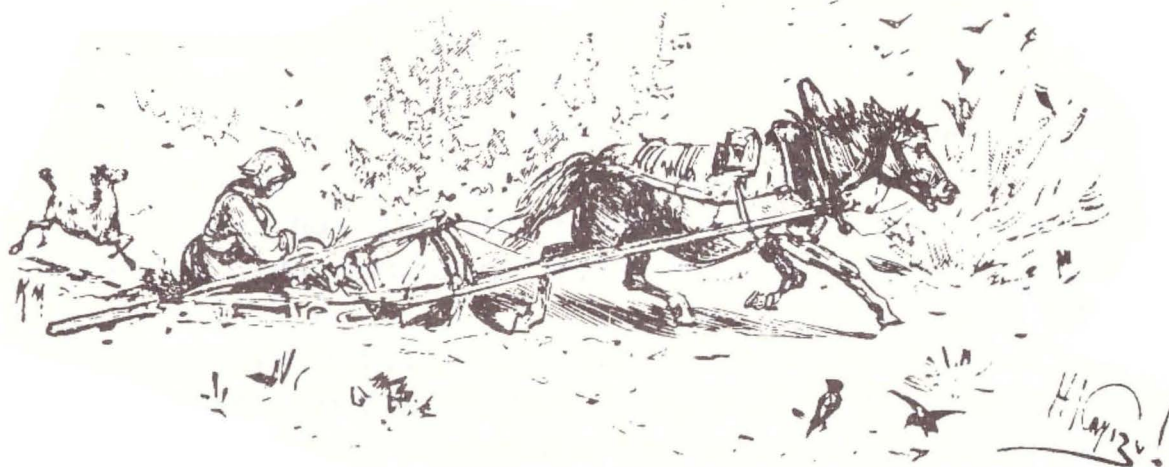
Тревожит, томит волка голодного это вытье, — не по сердцу оно ему, как вору трещотка сторожа; злость разбирает, зубы острые дробь выколачивают — эх бы попалась ему теперь какая-нибудь собачонка досадливая, из-под ворот бы сюда на просторное место выскочила, не побрезговал бы и собачьим мясом, за один раз и злобу-то свою, и утробу насытил бы.

Хитры псы, сторожа деревенские, бывалые!

Ходит, бродит волк всю ночь попусту, ходит, бродит да зубами пощелкивает.

Рано до свету поднимается люд деревенский да за работу принимается. Уходить надо волку опять в лесную трущобу подобру-поздорову... А голод пуще томит, словно ножами режет волчьей внутренности... Отощал, обессилел бедняга, в глазах круги пошли зеленые, еле-еле ноги переступают, бредет-спотыкается да на ходу снег подхватывает воспаленною пастью.

Забрел в кочкорняк, в место глухое, завалился... заплакал бы, если бы мог, с горя, да слез нету... Лежит, от холода ежится и думу думает горькую:

«Тяжелая моя жизнь бродячая, воровская, волчья! Всему свету постылый, всякому враг заклятый, нет мне за то ни покоя, ни радости... Помог бы только господь до весны прожить — пойду свои грехи замаливать. Не трону никого — ни зубком, ни коготком, — ни овечки не трону, ни теленочка, ребенка малого не обижу... Пост на себя наложу, глазом искоса не взгляну на мясное... Нет, баста! плохо, неприглядно житье с воровскою повадкою!..»

Чу!.. Полоз скрипит санный, колечко у дуги побрякивает, лошаденка бежит бойко, чует, знать, волка, ушами прядет, пофыркивает.

В санях баба сидит, с головою тулупом покрывшись, дремлет, кобылкою не правит: сама, мол, дорогу знает до дому. За санями жеребеночек попрыгивает маленький, от матки отстал, звонко ржет, и в морозном утреннем воздухе колокольчиком его ржание разносится.

Откуда сила взялась у волка отощалого, забыл и свое горькое покаяние, вылетел стрелою на дорогу, вперед забежал и припал в кустах, выжидаячи.

«Бабу-то не трону, — смекает про себя разбойник, — ну ее! пожалуй, еще топор у ней припасен в санях; а вот этого отсталого прыгунца попробую. То-то, думаю, он вкусный, кормленный!»...

В. П. АВЕНАРИУС

ГОРЕ

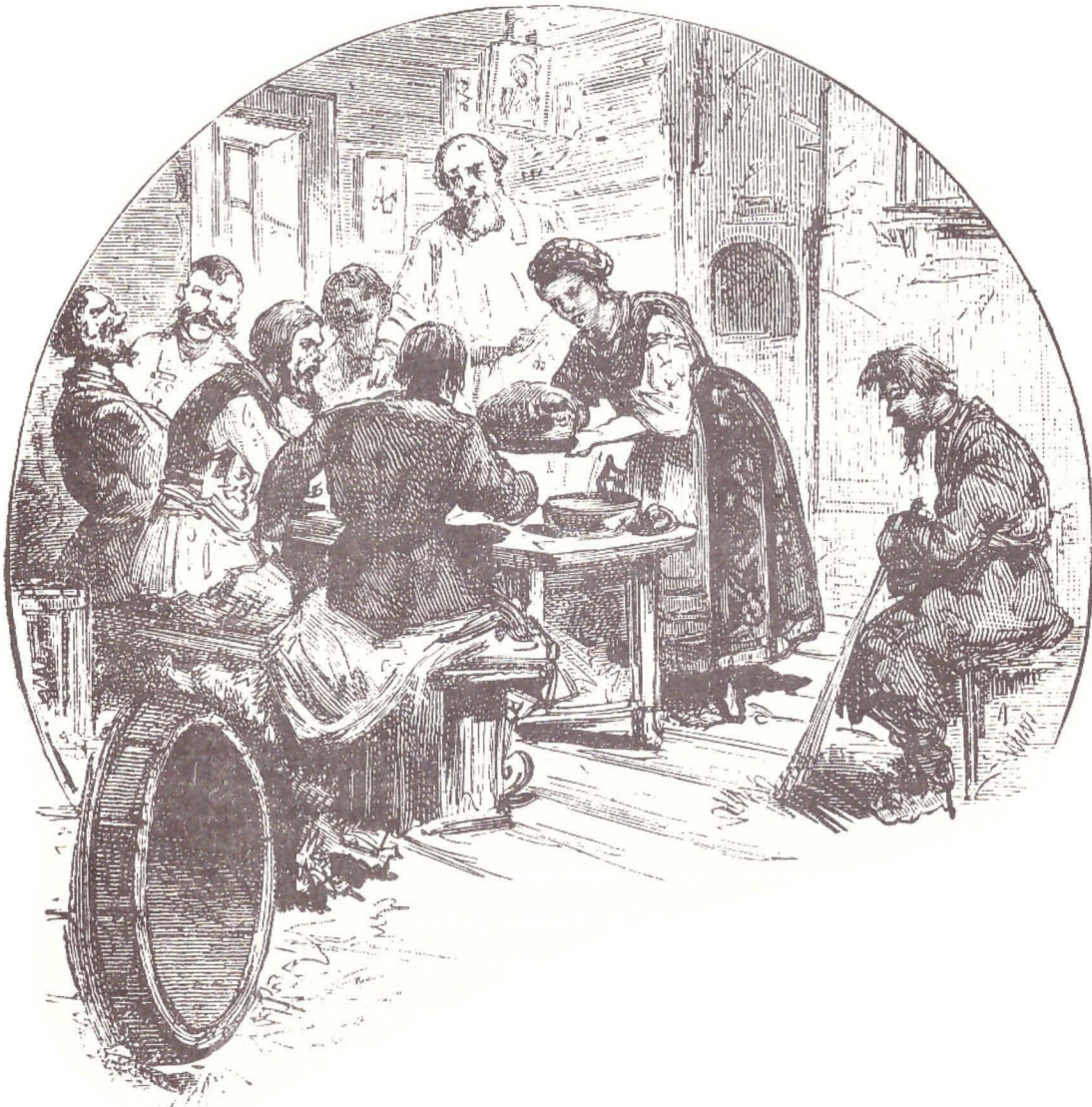
Ой, ты, Горе горемычное!
Окрутило мужика ты, добра молодца.
Как ни бьется бедный, как ни трудится,
Никакое дело не спорится, впрок нейдет,
За столом сидит он, головой поник,
Думает сам думу невеселую:
«Без семьи бы взял да в реку бросился,
А теперь поди-кось, надевай суму
Да по людям христарадничай.
Хоть и есть, пожалуй, старший брат, богач,
Да с богатством словно леший обошел его,
Дух лукавый жадности и гордости:
Не подаст тебе и корки хлеба черствого».
Лишь подумал так-то, а уж старший брат
Дверью стук и — в шапке на дороге стал,
Головой едва кивнул хозяевам,
Говорит им сам с усмешкою недоброю:
«Каково, друзья, живете-можете?
Завтра буду именинник я,
Так уж бьем челом вам: не обидьте нас,
Хлебом-солью нашим не побрезгуйте».
«Благодарствуй,— молвил младший брат в
ответ.—

Нам с женой и нарядиться не во что».
«Да на что рядиться? — говорит богач.—
Приходите так, в чем бог послал.
Всей скотины-то у вас — петух да курица.
Всей посуды — медный крест да пуговица,

Нечем бы, кажись, пред нами чваниться!»
«Погодим до завтра,— говорит бедняк.—
Утро, дескать, мудренее вечера».
А поутру мужу говорит жена:
«Я ни шагу к брату, да и ты нейди:
Богачу ведь только бы потешиться
Над бездольной нашей бедностью».
«Хватит духу — пусть потешится,—
Муж в ответ,— а мне нельзя нейти.
За греховность, видно, бог взыскал меня,
Не помилует ли за смирение».
Взял обулся в лапти старые,
Натянул армячишко худенький,
Нахлобучил шапку рваную,
Потащился к имениннику на званый пир.
А сидели там за скатертями бранными
Все уж гости именитые,
В сапогах козловых, в шубах заячьих;
Угощает их хозяин сам с хозяйкою
Пряником печатным, зеленым вином.
Как вошел бедняк, поздравил с ангелом,
У дверей скромненько в уголочек сел,
Ничего-то бедному хозяева
Не предложат, смотрят в сторону,
Будто вовсе тут и нет его.
Вот наелись гости досыта,
Напились до полупьяна,
Гуторя из-за стола встают,
Отдают поклон хозяину с хозяйюшкой.
Встал и бедный в уголочке с лавочки,
Поклонился им до пояса.
Со двора поехали, шумят-поют;
И бедняк домой поплелся, с голоду
Затянул сам песню залихватскую:
С именин, мол, тоже возвращаюся.
Как запел — слышалось два голоса:

Свой густой да чей-то тоненький;
Что за диво? словно подсобляет кто!
Замолчал — и тот молчит; запел опять —
И опять поют два голоса.
«Ой ты, Горе мое горемычное!
Уж не ты ли это подсобляешь мне?»
«Я, хозяин: больно полюбился мне,
Ввек с тобою не расстануся».
«И на том спасибо! будем вместе жить».
Воротился наш мужик домой,
На полатах с боку на бок вертится;

От тоски ли — ночи напролет не спит.
А уж Горе шепчет на ухо:
«Что, хозяин, закручинился?
Ты тоску злодейку утопи в вине».
«Да где денег взять-то?» — говорит мужик.
«Эх ты, глупость деревенская!
А армяк-то у тебя на что ж?
До весны не долго: проживешь и так».
И понес армяк свой добрый молодец,
Прогулял до самого до вечера.
Как проснулся утром, слышит: Горе охает;
Знать, с похмелья тоже голова болит.
«Эй, хозяин, надо бы опохмелиться нам!»
«Армяка уж нету», — говорит мужик.
«А телега у тебя на что ж?
На колесах, чай, не станешь ездить по снегу?»
Что тут делать? И телегу потащил мужик,
Прогулял до самой полночи.
А поутру Горе пуще охает,
Подбивает снова добра молодца:
«Эй, хозяин! погляди-ка: у тебя соха
Даром на дворе валяется».
Поволок и соху добрый молодец,
Прогулял до утра самого.
Как пришла весна, спустил все дочиста.
А от Горя все отбоя нет:
«Эй, хозяин! что бы прогулять еще?»
«Нет, дружище, право, нечего».
«А вон в поле кем-то лошадь, вишь, оставлена:
Уведем ее и сбудем с рук!»
Ничего на то он не ответствовал,
У соседа заступ выпросил
И пошел себе куда глаза глядят.
«Ты куда, хозяин?» — Горе вслед кричит.
Он идет вперед, ни слова; в темный лес вошел,
Отвалил большущий камень заступом

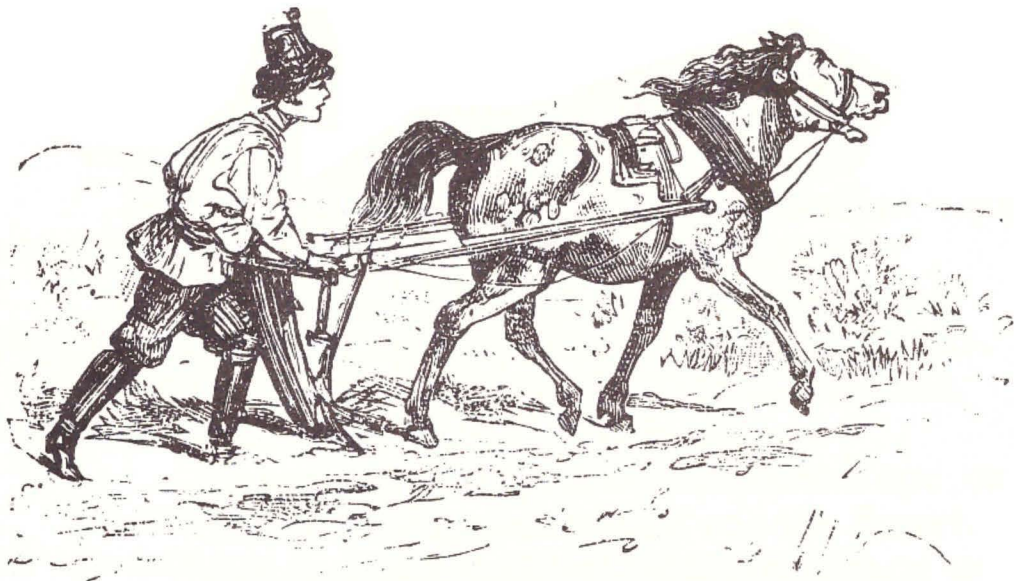
И давай себе могилу рыть.
Сзади Горе из-за плеч глядит:
«Ты чего там, милый, роешься?
Не проведал ли уже про клад какой?»
Усмехнулся горько добрый молодец:
«А то как же? Вон червонцы так и светятся!»
«Где? не вижу что-то...»

«Да вон там, в углу».

«Не видать»...

«Ослебло, что ль, на старости?
Полезай — увидишь».

Делать нечего,
Опустилось Горе в яму; а мужик-то наш
Сверху камнем тем и завали его.
«Ну, дружище, не прогневайся!
Впредь, даст бог, уже не свидимся».
Поздно Горе спохватилось,
Из-под камня к молодцу взмолилося:
«Ишь шутник какой! Ну, полно, выпусти!»
«Полежи маленько, — отвечал мужик, —
Ты же ведь со мной шутило шуточки,
Ну а долг, известно, платежом красен».
«Без меня, голубчик, ты соскучишься».
«Потерплю; авось утешуся».
И, взвалив опять на плечи заступ свой,
Повернул домой он и на радостях
Залился веселой песнею.
Разбудила песня темный лес кругом,
Понеслася дальше по лугам-полям;
Да на этот раз чужого голоса
Рядом с нею уж не слышалось.
И скатился с плеч у молодца
Будто груз какой, гора тяжелая.
Как тут мимо поля братнина
Проходил он, видит: поле пашется;
И соха, и лошадь братнины;

Да идет-то за сохой не брат его,
А какой-то человек неведомый.
Только примется, кажись, за полосу —
Глядь, назад другую бороздит опять.
Из-под рала¹ комья так и валятся,
Так и лезут сами из сырой земли;
Валуны и пни корявые,
Словно щепки, так и сыплются.
«Ай да пахарь! исполать тебе! —
Похвалил мужик работника удалого. —
Как назвать, не знаю, величать тебя?»
«А зовут меня Судьбою-счастьем
Твоего родного брата старшего.
Он баклуши бьет; а я тем временем
На него без усталости работаю».
«А мое куда же Счастье делось?»
«А твое вон под кустом лежит;
Под кустом лежит да без просыпу спит».
«Погоди ж ты! — говорит мужик. —
У меня небось еще напляшешься».
Взял он, тут же плетку знатную

---

¹ Рало (орало) — соха.

Срезал с дерева ракитова
Да как вытянет ленивца по боку!
Пробудилось Счастье, разбранилося:
«Что дерешься-то, за что про что?»
«А за то, что люди добрые
Землю пашут знай, в поту лица,
А тебе и горя мало: растянулося,
День-деньской без дела проклажаешься».
«Да коль ваше дело-то крестьянское
Не по нраву мне, не по сердцу?
Хоть на месте разрази сейчас —
Не могу пахать, и только!»
«Что же можешь ты?»
«Торговать могу. Займись торговлею.
Батраком, увидишь, не нахвалишься».
«Хорошо сказать: займись торговлею!
Да на что ее вести-то, коль и гроша нет?»
«А продай домишко свой; что выручишь —
В оборот пусти: вернешь сторицею».
«Так ли, ой ли?» —

«Верь не верь, как хошь».

И махнул рукой мужик, послушался:
Все свое хозяйство деревенское
С молотка распродал до иголки,
Перебрался в город и на выручку
Торговать тихонько, помаленьку стал.
Что ни купит, ни продаст — все с прибылью,
Загребает денежки лопатою.
Вот и дом себе построил белокаменный,
Зажил в нем с семьею припеваючи.
И дошла тут весть о том до брата старшего.
Обуяла скрягу зависть лютая,
Сам собрался в город убедиться в том,
Смотрит: точно, дом в пять ярусов,
В дверь взошел — хоромы барские.
Облилося кровью сердце алчное,

Затаил в себе он злобу тайную,
Поклонился низко брату младшему,
Стал расспрашивать медовым голосом:
«Уж скажи-ка, братец, мне, поведай-ка,
Как из нищих ты да в богачи попал?»
И поведал тот по чистой совести,
Как к нему пристало Горе горемычное,
Как они с ним зиму нагулялися,
Как в лесу себе он начал яму рыть,
Да как Горе кстати подвернулось —
За него спустилось, улеглось туда.
Намотал себе то на ус старший брат,
Не простился даже с братом, а в телегу сел
И прямым путем поехал в темный лес.
«Дай-ка,— думает,— я Горе выпущу:
Пусть-ка брата снова разорит дотла».
Своротил с могилы камень в сторону.
Наклонился только: там ли все еще?
А оно к нему уж мигом на спину.
«А! — кричит,— попался! не уйдешь теперь!»
«Что ты, Горе! — завопил мужик.—
Это брат ведь засадил тебя,
Я тебя, напротив, выпустил.
Ты ступай к злодею, разори дотла...»
Рассмеялось Горе на ту речь в ответ.
«Нет, любезный, не пойду к нему!
Он ведь злющ, похоронил меня,
Ты же добр, на волю выпустил;
Ввек тебя за это не покину я».
И сдержало Горе слово: на спине его
Навсегда засело крепко-накрепко;
И пошло его хозяйство деревенское
Вкривь и вкось: немного времени —
Разорило Горе богача вконец.
Так-то сказывают сказку люди старые
Молодым про Горе горемычное.

СОДЕРЖАНИЕ

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ *Н. И. НАДЕЖДИНА*

5

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВИЧ

8

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВИЧ И МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧ

14

СВЯТОГОР

17

ВСТРЕЧА СВЯТОГОРА С ИЛЬЕЮ МУРОМЦЕМ

21

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

26

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

35

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ПОД ЧЕРНИГОВОМ

40

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

43

ЗАСТАВА БОГАТЫРСКАЯ
И ВСТРЕЧА ИЛЬИ МУРОМЦА С ЖИДОВИНОМ

49

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

54

ССОРА ИЛЫИ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

59

БОРЬБА ИЛЫИ МУРОМЦА С КАЛИНОМ-ЦАРЕМ

63

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЫИ МУРОМЦА

69

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

73

ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА НА НАСТАСЬЕ МИКУЛИЧНЕ

79

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

86

СТАВР ГОДИНОВИЧ

92

СУХМАН ОДИХМАНТЬЕВИЧ

99

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧ И СЫН ЕГО МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

103

БОГАТЫРЬ МИХАЙЛО ПОТОК

110

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

121

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

126

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

136

МИХАЙЛО КАЗАРЯНИН

141

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

145

СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЧА

153

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА РУСИ?

158

ПЕСНЯ О ЩЕЛКАНЕ ДУДЕНТЬЕВИЧЕ
162

ПЕСНЯ О ГРОЗНОМ ЦАРЕ
165

ПЕСНЯ О ВЗЯТИИ КАЗАНИ
170

САДКО, БОГАТЫЙ ГОСТЬ
172

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ
180

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ
184

ОБРАЗЦОВЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

А. С. ПУШКИН. ПРОЛОГ
189

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II. СКАЗКА О ЦАРЕВИЧЕ ХЛОРЕ
192

А. С. ПУШКИН. СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ
205

Н. М. ЯЗЫКОВ. ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА ОБ ИВАНЕ ЦАРЕВИЧЕ,
О ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ
215

Н. А. ПОЛЕВОЙ. СТАРИННАЯ СКАЗКА О СУДЬЕ ШЕМЯКЕ
249

И. С. ТУРГЕНЕВ. КАПЛЯ ЖИЗНИ
262

В. И. ДАЛЬ. ПРАВДА И КРИВДА
264

М. МИХАЙЛОВ. ТРИ ЗЯТЯ
270

М. Б. ЧИСТЯКОВ. СВОЕ И ЧУЖОЕ
276

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ. ОЗЕРО-СЛОБОДКА
279

КОТ МУРЛЫКА. БЕРЕЗА
283

А. Г. КОВАЛЕНСКАЯ. МУХОМОР
291

Н. Д. АХШАРУМОВ. МАЛАНЬИНЫ СТРЕЛКИ
300

В. М. ГАРШИН. СКАЗКА О ЖАБЕ И РОЗЕ
312

Н. Н. КАРАЗИН. ВОЛК
321

В. П. АВЕНАРИУС. ГОРЕ
325

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ
По былинам, сказаниям
и песням

ОБРАЗЦОВЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Книги нашего детства

Редактор *О. Русина*

Художественный редактор *И. Сайко*

Технический редактор *О. Иванова*

Корректоры *З. Комарова, Т. Сёмочкина*

Сдано в набор 22.05.92. Подписано в печать 20.09.92. Формат 84×
×108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,28. Усл. кр.-отт. 73,08. Уч.-изд. л. 17,99. Тираж 100 000 экз.
Заказ 847.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий»,
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Творческое объединение «АСТ»
103006, Москва, Каретный ряд, 5/10 ТКО «АСТ»

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати
и информации Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Былины — это память народа о своем прошлом. Несмотря на то что в них много вымышленного, фантастического, они, несомненно, доносят до нас отголоски реальных событий, происходивших много веков назад. Например, в былинах, относящихся ко временам Киевской Руси, которая достигла расцвета к XI веку, получила отражение борьба древнерусского государства с кочевыми народами, совершавшими опустошительные набеги на наши земли. Показали они и быт княжеского двора. По другим былинам можно судить о жизни Новгорода, о занятиях его жителей торговлей, ремеслами, искусством. Исторически верные детали содержатся и в песнях о взятии Казани и о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь. В былинах действуют и реальные люди, жившие когда-то на Руси. И это не только князь Владимир Красное Солнышко. У былинного Добрыни Никитича есть исторический прототип — брат матери князя Владимира Святославича. Есть летописные упоминания о Ставре Годиновиче и некоторых других богатырях.

ОБРАЗЦОВЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

«Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок» — так заканчивается пушкинская «Сказка о золотом петушке». И это правда, потому что сказки действительно дают нам уроки добра и справедливости, честности и трудолюбия. Не случайно поэтому, что многие писатели обращались к сказке. В этой книге вы встретитесь со сказками не только знакомых с детства и любимых писателей и поэтов — А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, В. М. Гаршина, Н. М. Языкова, — вас ожидают и открытия. Среди авторов этого сборника императрица Екатерина II, написавшая «Сказку о царевиче Хлоре» для своего внука — будущего царя Александра I; писатель и художник Н. Н. Каразин, иллюстрировавший свои произведения; ныне забытые, но известные в прошлом веке детские писатели М. Б. Чистяков, издававший популярный детский журнал, и А. Г. Коваленская, написавшая много повестей, рассказов и сказок для детей; ученый-зоолог Н. П. Вагнер, который свои литературные сочинения подписывал «Кот Мурлыка».

